

Roguelike

18+

Михаил Арсенов

Roguelike

«Автор»

2026

Арсенов М.

Roguelike / М. Арсенов — «Автор», 2026

Он открывает глаза в лесу. Без имени, без прошлого, без единой зацепки о том, кто он такой. Через минуту его убивают. Ещё через минуту он открывает глаза снова. Так начинается забег, которому не видно конца: лес, гоблины, смерть, и голос в темноте, который называет себя Ариадной и предлагает единственную сделку — становиться сильнее с каждым разом, когда умираешь. Цифры вместо утешения. Прогресс вместо ответов. И где-то на дне этой петли — фрагменты чужой, но пугающе знакомой жизни, всплывающие в моменты, когда сдаваться было бы легче всего. Параллельно, в совсем другом мире, молодой боксёр по имени Элиас Кейн пытается понять, что за тень стоит за его плечом с самого детства. Чем ближе он подходит к ответу, тем яснее становится: не всякую тень стоит выпускать на свет. Тёмное фэнтези встречается с психологическим триллером и научной фантастикой — всё это в обёртке ЛитРПГ. Дальше начинается вопрос, ради которого стоит умирать снова и снова: кем ты был, прежде чем стал никем.

© Арсенов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	41
Глава 13	44
Глава 14	47
Глава 15	50
Глава 16	53
Глава 17	61
Глава 18	65
Глава 19	70
Глава 20	74
Глава 21	80
Глава 22	86
Глава 23	92
Глава 24	96
Глава 25	101
Глава 26	106

Михаил Арсенов

Roguelike

Глава 1

Сначала была пустота.

Не темнота. Темнота хотя бы подразумевает глаза, которые могли бы её видеть. Здесь не было ничего, что можно было бы назвать «здесь». Ни звука. Ни вкуса. Ни тела, способного ощутить холод или тепло. Только мысль. Голая, лишённая опоры, зависшая в этом нигде и пытающаяся нащупать хоть что-то знакомое.

Кто я.

Вопрос без интонации, без голоса, которым его можно было бы произнести.

Что я такое.

Мысли не давались в руки. Он тянулся к каждой, но они рассыпались раньше, чем успевали стать словом, оставляя после себя только тень смысла, слишком быстро гаснущую, чтобы за неё зацепиться.

Потом пришло короткое, едва уловимое тепло и в ту же секунду обернулось болью. Не той болью, которую можно с чем-то сравнить. Он ощутил, как из ничего начинает собираться тело, прямо здесь, в пустоте, будто где-то запустили мясорубку в обратную сторону, и из фарша заново сшивают мясо, сухожилия, кожу. Каждый нерв рождался заново и сразу же кричал о собственном существовании. А потом, так же внезапно, как пришла, боль исчезла.

Он лежал.

Что-то твёрдое врезалось в спину. Плоское, неровное, отталкивающее его с холодным упрямством, будто сама земля не желала его принимать и настойчиво напоминала об этом через кожу. Хотелось приподняться, перекатиться на бок, избавиться от этого неприятного давления, но тело ещё не слушалось, не помнило, как это делается. Ветер тронул кожу лёгкой прохладой: весенней, ещё не прогретой до конца, с сырым, травяным запахом, в котором читалось что-то полупознакомое, будто он вдыхал этот воздух уже тысячу раз в какой-то другой, забытой жизни. А сверху лилось тепло. Настоящее, ровное, лежащее на веки золотистым грузом.

Первая попытка открыть глаза отозвалась такой резью, что он снова зажмурился, скрипнув зубами, будто кто-то одним движением всадил иглы под оба века разом. Он полежал так ещё немного, различая где-то далеко переклички птиц, ровный, убаюкивающий шелест ветра в листве, и только сейчас, впервые, сумел связать эти звуки с чем-то знакомым. Потом сел. Вслепую, наощупь. Опустил голову, спрятал лицо от света ладонью и попробовал снова. На этот раз получилось: сквозь ресницы просочилась зелень, бурое пятно земли, размытые стволы, дрожащие в мареве, и с каждой секундой картинка становилась чуть отчётливее, будто кто-то медленно наводил резкость.

Он осмотрел себя.

Худое тело. Слишком худое — рёбра проступали под кожей отчётливо, как решётка. Ладони, которые он поднёс ближе к лицу, оказались непривычно гладкими: ровные ногти, ни одной мозоли, будто эти руки никогда в жизни не держали ничего тяжелее книги. Он коснулся собственного лица, ощутив под пальцами острые скулы, впалые щёки, гладко выбритую кожу. Провёл пальцами по волосам, чистым, но такой длины, что определить их цвет было невозможно. Всё это было чужим. Незнакомым на ощупь, будто он ощупывал не себя, а слепок с кого-то другого.

Одежда оказалась под стать телу: полотняная рубаша и такие же штаны, мешковато свисающие с худых плеч и бёдер, судя по всему, скроенные на кого-то покрупнее. Вместо пояса обычная верёвка, туго перехватывающая талию, а на ней — оружие, если это вообще можно было так назвать: треугольный кусок металла с неровно приделанными по бокам деревянными накладками, примотанными чем-то похожим на жилы. Заточен он был только с одной стороны, да и то неровно, наспех. Было видно, что его смастерили из подручного хлама просто затем, чтобы было чем орудовать, а не для того, чтобы получился настоящий нож.

Что-то в глубине него вздыбилось, глухо, без слов: *это не моё*. Не эта плоть, не эти тощие руки, не этот привкус чужого во рту. Ощущение было настолько сильным, что на мгновение перебило даже страх перед происходящим.

Он поднялся. Ноги дрожали. Не от слабости, хотя и от неё тоже, а как-то отдельно, сами по себе, будто тело помнило что-то, чего не помнил он.

Оглядевшись, он нашёл то, на чём лежал.

Плита. Серая, тяжёлая, вросшая в землю так, будто стояла здесь всегда, и в то же время неправильная, чужая этому лесу. На ней, прямо на камне, было выбито изображение, от которого внутри неприятно похолодело. Два мужских тела, сплетённых в подобие кольца: ноги одного у головы другого, поза вывернутая, неестественная, будто оба они одновременно были и хищником, и добычей. Каждый зубами рвал плоть напротив. Не просто кусал, а именно рвал, выдирая целые куски, застывшие в камне навечно. В этом было что-то настолько отвратительное и одновременно завораживающее, что он не сразу сумел отвести взгляд. Страх и отвращение смешались в один липкий ком где-то под рёбрами.

Где-то за спиной послышался звук. Далёкий, неразборчивый. Не то голоса, не то ветер, играющий с чем-то полым. Он рефлекторно дёрнул головой на звук, на одно короткое испуганное мгновение, прежде чем успел подумать, что делает. Когда он обернулся обратно плиты уже не было.

Не разрушилась, не осыпалась. Просто перестала быть, будто её никогда и не стояло на этом месте.

Он упал на колени и зашарил руками по траве, раздвигая стебли, вминая пальцы в дёрн, туда, где секунду назад была тяжёлая, реальная поверхность камня. Земля была просто землёй. Мысль, что он не сходит с ума, звучала неубедительно даже для него самого.

Искать плиту дальше было бессмысленно. Она попросту исчезла, и сколько бы он ни шарил руками по траве, это ничего не изменило бы. Нужно было на что-то решаться.

Тогда он снова услышал голоса. В этот раз отчётливей.

Он не знал, кто он. Не знал, где находится. Но тишина внезапно показалась хуже голосов, гораздо хуже, и он пошёл на звук, ещё не решив, зачем.

Он шёл медленно, стараясь ступать тише, хотя понятия не имел, зачем — простой, неосознанный инстинкт, вбитый в тело глубже, чем в память. С каждым шагом голоса становились ближе, а вместе с ними и странное, тревожное предчувствие, будто тело знало о чём-то, чего ещё не знал разум. Он не думал, что найдёт. Он просто шёл, потому что стоять на месте, в тишине, наедине с исчезающими плитами и чужим телом, было ещё страшнее.

Речь становилась громче, но слов было не разобрать. Рваная, гортанная, с провалами и рычащими нотами, которые не складывались ни в один язык, знакомый ему. А впрочем, он и своего языка сейчас не назвал бы.

Он раздвинул последние ветви и вышел прямо на отряд.

И в ту же секунду понял, что не так.

Не люди.

Их было четверо. Невысокие, жилистые, с кожей цвета застарелого синяка и приплюснутыми носами, из-под верхней губы у каждого торчали редкие, неровные клыки. Одеты не в лохмотья, а в подобие настоящей экипировки: грубая кожаная броня на теле, щитки на локтях

и голених, у одного даже что-то похожее на шлем — мятый, явно снятый с мертвеца. Оружие в их руках выглядело куда серьёзнее того единственного, что было у него самого: топоры, кривые ножи, у одного короткое копье. Оно явно уже видело кровь не первый раз. На лезвиях темнели бурые разводы, которые никто из них, судя по всему, не считал нужным оттирать.

Он застыл.

Страх пришёл раньше мысли, сковал тело быстрее, чем разум успел отдать хоть какую-то команду. Не «беги». Не «дерись». Ничего. Пустая, звенящая тишина внутри черепа. Во рту стало горько, будто он раскусил что-то несъедобное.

Тот, что стоял впереди, по-видимому главный, коротко махнул рукой, и остальные тут же пришли в движение: один шагнул вправо, двое двинулись влево, и один из них тут же начал заходить со спины, тем же будничным, отработанным движением, каким проделывали это уже далеко не в первый раз. Главный остался стоять на месте, прямо перед ним. Где-то в глубине черепа мысль наконец заорала: «Беги!», но её крик застрял там же, где и ком под рёбрами, который он никак не мог заставить себя проглотить, будто этот самый ком перекрыл дорогу и мысли. Отряд взял его в кольцо ещё до того, как он вышел из ступора. Когда он наконец дёрнулся и попытался развернуться, побежать, было уже поздно: чьи-то руки схватили его за лохмотья, дёрнули назад. Он даже не успел потянуться к ножу на поясе. Пальцы просто не вспомнили, что он там есть.

Дальше было медленно.

Существа не торопились. Тот, что повыше, с рваным ухом, толкнул его на землю с таким видом, будто начинал давно предвкушаемое развлечение. Остальные обступили его кругом, гомоня. Ему не требовалось понимать языка, чтобы уловить смех.

Первый удар пришёлся по бедру — короткий, неглубокий надрез, скорее проба, чем рана. Кожа разошлась легко, не сопротивляясь процессу. Кровь брызнула на примятую траву тонкой дугой, и нападавшие, будто почуяв её запах, только сильнее оживились, зашумели, заулюлюкали, предвкушая продолжение. Боль пришла с опозданием на удар сердца, и когда пришла, оказалась такой чистой, такой абсолютной, что он не закричал, а всхлипнул, коротко, по-детски.

Второй удар пришёлся по плечу. Глубже. Он услышал собственный крик как бы со стороны, слишком тонкий, слишком чужой для мужского тела, в котором сидел, а существа вокруг словно только этого и ждали: крик распалил их ещё больше, будто был для них не мольбой, а аплодисментами.

Они не спешили его добивать. Один держал за волосы, запрокидывая голову, пока другой резал: предплечье, потом бок, каждый раз останавливаясь ровно перед тем, как рана становилась смертельной, а затем ждал, пока он снова начнёт дышать ровно, прежде чем резать дальше. Они измывались над ним слишком долго. Кровь пропитала лохмотья, стала тёплой лужей под спиной, потом холодной. Он бы с радостью провалился в беспамятство. Что угодно, лишь бы не чувствовать этого дальше, но тело упрямо цеплялось за сознание, не поддаваясь той единственной милости, которую он сейчас был готов принять.

Финальный удар пришёлся под рёбра — резкий, снизу вверх. Удар, с которым нож входит не в мясо, а во что-то более плотное, живое, важное. Дыхание оборвалось на середине вдоха.

Мир не поплыл и не потемнел красиво. Он просто начал гаснуть рывками, пока где-то на границе восприятия боль не схлопнулась в одну сплошную точку.

А потом не осталось и точки.

Глава 2

Хэйвен-Сити любит представляться жемчужиной — так его видят те, кто мечтает сюда переехать, кто листает глянцевого буклеты и представляет себе огни, деньги, новую жизнь. Но те, кто здесь прожил хоть сколько-нибудь, знают правду: жемчужина эта вся в трещинах, и сильные мира сего годами замазывают их слоями лака, обманывая приезжих. А заодно и себя, каждое утро глядя в зеркало и предпочитая не задумываться. И, надо признать, блеска действительно хватает, чтобы никто лишнего раз не задавал вопросов. Продажные политики, распродающие город по кускам за закрытыми дверями. Продажные полицейские, закрывающие глаза ровно там, где им щедро платят за слепоту. Разгул преступности, мошенники, наркоторговцы, проституция, подонки всех мастей. Весь тот мусор, который неизбежно притягивают большие деньги и большие возможности.

И где-то почти в самом сердце этого мракобесия пряталась «Тихая Гавань» — небольшой, уютный паб с довольно скромной кухней, но действительно хорошим баром, куда приходили вовсе не за едой. Из тех мест, о существовании которых будто договорились молчать все завсегдатаи, не желающие, чтобы город испортил и его тоже.

Цокольный этаж. Просторно, чисто, без единого намёка на всю ту грязь, которую вы, возможно, ожидали после всего вышесказанного. Ремонт строгий, но не холодный: тёмное дерево, латунные светильники, приглушённый гул разговоров, который не долетает дальше соседнего столика. Столы расставлены с продуманной небрежностью, так, чтобы каждая компания оставалась на своём маленьком острове приватности. В углу небольшая сцена: старенькое, но ухоженное пианино, микрофонная стойка и гитара самого владельца, прислонённая к стулу, на случай, если кто-то из посетителей вечером расщедрится на пару песен для остальных.

Народу сегодня было немного. Несколько занятых столиков, негромкий смех, звон бокалов. За одним из них сидели две девушки, судя по всему, скучающие в поисках компании на вечер: одна рыжая, с россыпью веснушек и смехом чуть громче, чем требовала обстановка, другая — тёмненькая, с той расчётливой ленцой в движениях, которая выдаёт привычку получать внимание без особых усилий. Обе то и дело поглядывали в сторону столика в углу, где сидели двое молодых людей, и, судя по разочарованным лицам девушек, взаимностью там и не пахло.

Элиас Кейн и Дэмиен Райт выглядели так, будто случайно ошиблись городом и веком. Оба одеты слишком хорошо для студентов, обычно сидящих в подобных пабах, оба держались с той непринуждённой уверенностью, которая свойственна людям, привыкшим, что на них смотрят. Элиас — темноволосый, стройный, среднего роста, с волевыми чертами лица и лёгкой горбинкой на носу, густыми бровями и карими, с приятной желтизной, глазами цвета лесного ореха. Дэмиен — блондин, на голову выше друга, крепкого сложения, с мягкими чертами лица и серыми глазами, в которых читалось нечто среднее между вниманием и вечной, слегка ленивой иронией.

Им обоим было по двадцать одному году. Тот возраст, когда человек уже достаточно повзрослел, чтобы задавать неудобные вопросы, но ещё недостаточно, чтобы бояться на них отвечать.

Познакомились они месяц назад на семинаре по квантовой механике. Лекция была посвящена интерпретациям волновой функции, и после официальной части, когда большинство слушателей потянулось к выходу, у доски осталась небольшая группа тех, кому было мало. Вопросы, которые задавал Элиас, оказались не из тех, что задают ради галочки или чтобы покрасоваться перед преподавателем. Острые, неудобные, местами откровенно дерзкие по отношению к самим основам предмета. Дэмиену, стоявшему чуть поодаль, они показались настолько занятыми, что он сам подошёл познакомиться, когда толпа наконец рассеялась.

Разговорились у выхода из аудитории и не смогли остановиться ещё два часа. С тех пор и повелось.

Теперь они были уже на той стадии дружбы, где обсуждение ограниченности человеческого бытия в масштабах вселенной кажется вполне уместной темой для вторичных посиделок в баре, который сам Элиас и показал другу.

Он снял с руки часы, положил на лакированную столешницу и чуть подтолкнул их пальцем ближе к Дэмиену. Простые, потёртые, с ручным заводом. Из тех вещей, что не выбирают за красоту, а хранят за то, что они значат.

— Дедовские, — сказал он. — Подарил незадолго до смерти. Я их с двенадцати лет не снимаю.

— Дед, судя по интонации, был для тебя не просто дедом.

— В его честь меня и назвали. — Элиас усмехнулся, будто вспоминая что-то тёплое. — Он вообще единственный взрослый из всего моего детства, с кем можно было говорить обо всём подряд, не боясь показаться странным. Родители у меня оба до мозга костей учёные. С ними я всегда говорил на языке формул, а вот подобрать слова для чувств им обоим давалось с трудом. А дед был простой часовщик, ни одной научной степени за душой, как-то умел объяснить мне время так, что оно вдруг переставало быть абстракцией из учебника. Я часами просиживал в его мастерской, среди шестерёнок и пружин, слушал, как он рассуждает, что каждая секунда это маленькая, честная работа механизма. А заодно я глотал научные книги, которые таскал из отцовской библиотеки, не всегда до конца понимая, но упрямо продираясь сквозь термины.

Дэмиен взял часы осторожно, будто боялся, что от его прикосновения потрескается что-то помимо стекла. Повертел в руках, послушал тихое тиканье.

— Хороший механизм. Ручная работа?

— Часовщик же был, — сказал Элиас с лёгкой ухмылкой и забрал часы обратно, ловко застегнул ремешок на запястье привычным движением, тысячу раз повторённым за годы. — Настоящий, старой школы. У него в мастерской все часы показывали одно и то же время. Секунда в секунду. Он говорил, что часы это единственная по-настоящему честная вещь, которую делает человек: либо они идут правильно, либо они бесполезны. Никакой середины.

— А сам он умер вовремя или с опозданием?

Вопрос мог бы прозвучать грубо, если бы не тон, каким он был задан: без издёвки, с тем сухим любопытством, которое Элиас уже успел про себя окрестить фирменным дэмиеновским. Ему это нравилось больше, чем сочувствие. Сочувствие приходится терпеть. Любопытство можно обсуждать.

— Во сне. Сердце просто остановилось. — Элиас отпил пива, глядя на пену, медленно оседающую по стенке бокала. — Мне тогда было двенадцать. Помню это чувство до сих пор. Не столько горе, сколько какое-то ледяное, очень отчётливое понимание, что «навсегда» это не фигура речи из книжек, а вещь, которая может однажды коснуться и тебя самого. Забрать кого-то без предупреждения и без права на пересдачу. Я тогда даже не знал, как это чувство называется. Но, кажется, именно оно определило всё, что случилось со мной дальше. Годы, потраченные на попытки понять, нельзя ли эту неотвратимость хоть немного приручить.

— И с тех пор физика.

— С тех пор физика, — согласился Элиас. — Хотел понять, можно ли это как-то... обойти. Отменить. Зная, звучит по-детски.

— Нормально это звучит. Все так или иначе об этом думают. — Дэмиен отпил из своего бокала, не сводя взгляда с друга. — Я серьёзно. Ты правда думаешь, что смерть это баг, а не фича?

— А у тебя, наверное, другое мнение?

— У меня есть мнение, что со временем вообще бессмысленно спорить. — Дэмиен покрутил бокал в руке, глядя, как свет лампы преломляется в тёмном стекле. — Тебе выдают одну жизнь, без права на апелляцию, без мелкого шрифта, без возможности вернуть и обменять на модель побольше. Знаешь, сколько людей ведут себя так, будто у них есть черновик? Кнопка повтора, вторая попытка. А её нет. Есть одна прямая линия от рождения до конца, и всё, что ты успел на ней сделать, — это и есть ты. — Он усмехнулся собственным словам, будто сам удивился, насколько разошёлся. — И если так рассуждать до конца, то именно смерть — единственное, что вообще придаёт всему остальному смысл. Убери её — и что останется? Бесконечность без ставок. Игра, в которой нельзя проиграть, а значит, и выиграть тоже нельзя.

Он сказал это и пожал плечами, но в жесте не было настоящего равнодушия. Скорее поза человека, который уже думал об этом слишком много и устал делать вид, что не думал.

— Хотя, если тебе от этого легче, я тоже не сплю ночами, воображая, что там, после.

— И что, по-твоему, там?

— Ничего. — Дэмиен произнёс это ровно, без драмы, как констатацию факта из учебника. — Свет выключается. Программа завершает выполнение. Никакого продолжения после последней строчки кода.

— Мрачно.

— Зато честно. — Он усмехнулся, впервые за разговор по-настоящему. — А у тебя, наверное, теория красивее? Раз ты у нас физик, а не просто студент, который любит погрузиться над пивом.

Элиас улыбнулся коротко, одними уголками губ.

— У меня есть подозрение, что «навсегда» не такое уж навсегда, как нам кажется. Что время не река, текущая в одну сторону, а что-то... более гибкое. Просто мы пока не знаем, за какой рычаг дёрнуть.

— Ты скажи ещё, что собираешься его найти.

— А если так?

— Тогда я хочу быть рядом, когда ты его найдёшь. — Дэмиен произнёс это легко, почти в шутку, но взгляд у него на секунду стал серьёзнее, чем требовал тон. — Кто-то же должен писать код для твоей машины времени.

— Заметано.

Они чокнулись. Тихо, буднично, без пафоса, каким обычно обрастают моменты, которые задним числом называют судьбоносными. Ни один из них ещё не знал, что именно этот вечер, этот разговор о часах, о деде, о том, что ждёт после последней строчки кода, окажется тем, который изменит их жизнь.

Со сцены в углу полилась музыка. Двое парней. Один за пианино, другой у микрофонной стойки, затянули что-то негромкое и ненавязчивое, ровно такое, под которое удобно продолжать разговор, не повышая голоса. Он потёк дальше, легче, к темам менее весомым. И на какое-то время в этом подвальном пабе, спрятанном от гниющего снаружи города, существовали только два молодых человека, два бокала пива и часы, которые продолжали идти секунда в секунду, как и всегда.

Глава 3

Меня зовут Элиас Кейн. Мне двенадцать лет. Я люблю науку. Не просто люблю, а по-настоящему, до дрожи в пальцах, когда получается решить задачку, над которой бился весь вечер. В такие моменты внутри что-то щёлкает, встаёт на место, будто на долю секунды видишь сразу всю картину целиком, и это ощущение, кажется, лучше всего на свете. Наверное, это у меня от родителей. Оба талантливые учёные. Папа занимается чем-то связанным с механикой сложных систем, мама — с математической логикой, и хотя дома они почти никогда не говорят о работе напрямую, иногда за ужином между ними вспыхивает спор на языке, который я понимаю едва наполовину, а слушать всё равно ужасно интересно. У меня хорошие родители. Мама с папой не очень умеют говорить о чувствах, зато умеют разговаривать про физику, и это, наверное, почти то же самое.

И у меня был дедушка. Часовщик.

Дед умел то, чего не умели ни мама, ни папа, — сидеть рядом просто так, без цели, без урока, который нужно из этого извлечь. Я приходил в его мастерскую после школы, забирался на высокий табурет и смотрел, как он разбирает очередной механизм на составные части, раскладывая крохотные шестерёнки по бархату так бережно, будто это было живое существо. Он никогда не спрашивал, про успехи в учёбе. Вместо этого протягивал мне лупу, усаживал рядом и рассказывал, как работают механизмы. А потом, как ни в чём не бывало, доставал из-под верстака припрятанную плитку шоколада, которую мама ни за что бы не одобрила перед ужином, разламывал пополам и говорил заговорщицким шёпотом: «Только маме не рассказывай, у нас с тобой мужской секрет». Мы ели шоколад прямо там, среди шестерёнок и запаха машинного масла, и он рассказывал глупые анекдоты, над которыми смеялся первым, громче всех, — и от этого смешно становилось ещё больше.

Он умер две недели назад.

— А что ты почувствовал, когда узнал?

Голос вклинивается не сразу. Сперва он звучит частью того же потока, продолжением собственных мыслей, и только через секунду Элиас понимает, что вопрос не его. Он моргает, возвращаясь в комнату: мягкое кресло, слишком мягкое для того, чтобы в нём хотелось сидеть прямо; блокнот на коленях у женщины напротив, ручка, которая не пишет, а просто касается бумаги, будто взвешивая, стоит ли записывать услышанное.

Он не помнит, чтобы решил рассказывать про деда вслух. Слова просто пришли сами, как всегда приходят, когда его просят «рассказать немного о себе». Про науку. Про маму с папой. Про дедушку, который умер. Он не заметил, в какой момент из простого рассказа это превратилось в разговор с кем-то, кто ждёт продолжения.

— Ничего, — говорит он. И тут же поправляется, потому что это неправда, а врать здесь, кажется, не имеет смысла. Слишком уж внимательно на него смотрят. — Много всего. Сразу.

— Можешь назвать хотя бы часть?

Он пожимает плечами. Плечи вообще стали в последнее время его любимым ответом. Они не требуют слов, которых у него всё равно нет.

— Мне снятся сны, — говорит он наконец, глядя не на женщину, а в точку на стене за её плечом. — Станные. Про кого-то другого. Он старше меня. Но... как будто это тоже я. Только не совсем. Весь в крови, в грязи, только что из драки. Только не с обычными людьми. Иногда с людьми. Иногда с кем-то похожим на людей, но неправильным. А иногда с настоящими монстрами. — Он замолкает, подбирая слово, которое не прозвучит как из фильма ужасов, не находит и просто продолжает как есть. — И он всегда умирает в конце. Каждый раз.

— Что значит «каждый раз»? Сон повторяется?

— Не совсем. Каждый раз по-разному. Но конец один. — Он сглатывает, и в горле вдруг становится тесно, будто там застряло что-то, чего он не может ни проглотить, ни выплюнуть. — И ещё мне кажется, что за мной кто-то наблюдает. Не в снах. Вообще. Когда иду домой один после школы. Когда сижу на уроке и вдруг перестаю слышать, что говорит учитель. Даже ночью, когда лежу в кровати с закрытыми глазами. Как будто рядом кто-то есть. А когда открываю глаза и смотрю по сторонам — никого.

— А злость? Ты говорил маме, что иногда злишься без причины.

Он кивает, хотя ему совсем не хочется об этом говорить.

— Она приходит сама. Просто вдруг горячо становится, вот здесь. — Он показывает на грудь, чуть выше рёбер. — Хочется что-нибудь сломать. Или ударить. Или закричать. А потом так же быстро проходит, и мне становится не по себе. Как будто это был не совсем я.

Он не смотрит на женщину, договаривая последнюю фразу, потому что боится увидеть на её лице что-то похожее на осуждение.

Женщина в строгом сером кардигане, с очками на цепочке, свисающими на грудь, провожает его в коридор сама, придерживая дверь и улыбаясь, будто это самая обычная процедура на свете. В коридоре его родители сидят на неудобных пластиковых стульях. Оба слишком прямые, слишком напряжённые для людей, которые просто ждут. Мама тут же поднимается навстречу, кладёт ладонь ему на макушку. Не объятие, скорее способ убедиться, что он на месте, и произносит ровным, деловитым тоном, каким обычно объявляет о начале эксперимента:

— Мы недолго, милый. Посиди тут.

Отец молча кивает ему и идёт следом за женщиной. Дверь за ними закрывается, но не до конца, оставляя щель, в которую свободно просачивается голос.

Он сидит в коридоре, разглядывая обложку нераскрытого журнала на столике, и слушает. То ли взрослые забывают, что ребёнок сидит в двух метрах, то ли просто не считают нужным беречь его от собственных выводов.

— После потери близкого такое бывает, — говорит женщина. — Тревога, вспышки гнева, кошмары. Психика Элиаса пытается справиться с горем, и пока у неё не очень получается. Мы поможем. Это не навсегда.

Пауза. Скрип стула — кто-то из родителей меняет позу.

— У Элиаса есть признаки дефицита внимания. Возможно, они были всегда, просто стресс их обострил и сделал заметными. А возможно, это временное состояние на фоне пережитого. Пока рано ставить окончательный диагноз.

— Что нам делать в таком случае? — спрашивает мама, и в её голосе впервые за весь вечер проступает что-то, отдалённо похожее на растерянность.

— Терапия обязательна. Раз в неделю, для начала. Но одной терапии будет мало. Ему нужен физический выход для той злости, которую он не может объяснить словами. Что-то структурированное, с чёткими правилами и дисциплиной. Единоборства подойдут лучше, чем командные игры: там нет размытой ответственности на всю команду, есть только ты и то, с чем нужно справиться самому. Плюс это учит контролировать тело и агрессию одновременно, а не просто выплёскивать её бесконтрольно.

Он сидит, разглядывая обложку нераскрытого журнала, и старается не думать о том, что «признаки» — это, кажется, вежливое слово для чего-то не очень хорошего.

Вывод оказывается простым и практичным, как всё, что говорят врачи, когда хотят, чтобы их услышали, а не выслушали из вежливости: мальчику нельзя оставаться наедине с книгами. Нужен спорт. Что-то, что даст выход тому, для чего у него пока нет ни слов, ни понимания.

Выбор в итоге падает на бокс. Недорогой, неприметный зал в десяти минутах от дома, куда его приводят без особых ожиданий на спортивные успехи: скорее ради терапевтического

эффекта, чем ради побед. Он приходит туда впервые в неудобных, слишком новых кроссовках, выглядя нелепым и потерянным. Худой, узкоплечий мальчишка, вырванный из привычного общества книг и уравнений и брошенный в помещение, где пахнет потом, резиной и чем-то едко-хлорным. Тренер — крупный мужчина средних лет, со сломанным когда-то и криво сросшимся носом, окидывает его одним долгим, оценивающим взглядом и явно думает о чём-то вроде «этот сбежит через месяц, максимум два». Но тот, вопреки ожиданиям, не сбегает.

Злость, которая раньше не находила выхода, которая копилась где-то за грудиной без адреса и повода, вдруг находит форму, в которую её можно облечь. Боксёрский мешок. Спарринг-партнёр. Секунды до гонга. Элиас дерётся так, будто каждый бой последний, будто внутри него сидит кто-то, для кого ставки всегда именно такие. Противников пугает не столько его техника, поначалу откровенно хромающая, сколько взгляд: пустой, сосредоточенный, лишённый обычного мальчишеского азарта или страха, будто напротив них не ребёнок, готовящийся к школьному турниру, а кто-то, для кого этот бой является единственным доступным способом выжить.

Он перестаёт читать книги по физике, которые обожал ещё год назад. Уравнения кажутся слишком тихими для того, что происходит у него внутри. Вместо них снаряды, турники, спарринги до седьмого пота, запах кожи в зале, где никто не спрашивает, что тебе снилось этой ночью. Тело меняется быстрее, чем он успевает это заметить: узкие плечи раздаются, движения теряют детскую неуклюжесть, и однажды, взглянув в зеркало раздевалки, он вдруг понимает, что смотрит уже не на того нескладного мальчишку, каким пришёл в этот зал год назад.

Хэйвен-Сити никогда не был добропорядочным местом, и отбросов в нём хватает даже для двенадцатилетнего. Между делом Элиас регулярно осаживает местных задир. Не потому, что кто-то просит, а потому что внутри него живёт какое-то неоформленное, упрямое чувство несправедливости, потребность встать между кем-то слабым и кем-то, кто хочет этой слабостью воспользоваться. Однажды это будет мальчишка на год младше, у которого отбирают карманные деньги за углом школы; в другой раз — бездомный пёс, которого забавы ради гоняют камнями подростки постарше самого Элиаса. Кого именно он должен защищать, он не знает. Поэтому защищает всех, кто попадается по пути. Чувство не проходит, оно просто меняет адреса.

Каждую неделю он по-прежнему встречается с той самой женщиной в сером кардигане, рассказывает то, что можно рассказать словами, умалчивает то, для чего слов пока не придумано. Со временем самая острая вспышка двенадцатилетнего возраста сглаживается. Сны никуда не деваются: он по-прежнему сражается в темноте, испачканный чужой кровью и грязью, и раз за разом умирает в самом конце. Но теперь они перестают быть единственным, чем заполнена его голова по утрам. Спорт и терапия, судя по всему, действительно работают, по крайней мере, снаружи. Он прекрасно социализируется, шутит с одноклассниками, нравится девчонкам, и никто из окружающих даже не подозревает, что где-то под всем этим по-прежнему живёт мальчик, которому иногда кажется, что за ним наблюдают.

Так проходят годы.

Государственный университет Авалона — это не просто ближайший вуз, а самое престижное учебное заведение во всей столице, куда мечтает попасть едва ли не каждый выпускник школы в Хэйвен-Сити: диплом отсюда почти гарантированно означает успешную карьеру, вне зависимости от факультета. Письмо со спортивной стипендией приходит зимой, в самый обычный вторник, и Элиас перечитывает его три раза подряд, прежде чем решается показать родителям. Мама смеётся и плачет одновременно, отец крепко, неловко обнимает его. Редкий для него жест. Весь остаток вечера родители впервые за долгое время не говорят ни о физике, ни о логике, а просто сидят на кухне и радуются вслух, как самые обычные люди.

Здесь же, в этом университете, он встречает её.

Ариэль Вейл. Он замечает её на лестнице главного корпуса задолго до того, как они успевают познакомиться: она сидит на ступеньках, не обращая внимания на спешащих мимо людей, и что-то быстро зарисовывает в блокноте, зажав карандаш в перепачканных графитом пальцах. Худенькая, с длинными светлыми волосами, собранными в узел на затылке, пряди из которого то и дело выбивались, падая ей на лицо. Голубые глаза вспыхивают сосредоточенностью каждый раз, когда она отрывает взгляд от блокнота, будто сверяясь с чем-то во внешнем мире, прежде чем вернуться к рисунку. На переносице и щеках едва заметная россыпь веснушек, а губы, пухлые, чуть приоткрытые в задумчивости, шевелятся беззвучно, будто она проговаривает что-то самой себе, подбирая нужную линию. Аккуратный, чуть вздёрнутый нос довершает лицо, которое сложно с первого взгляда назвать классически красивым, но невозможно забыть.

Он останавливается на две ступеньки выше, чем нужно, просто чтобы посмотреть подольше, и когда она наконец поднимает взгляд и застаёт его за этим, вместо смущения на её лице появляется любопытство, будто она с самого начала знала, что кто-то стоит рядом, и просто ждала, когда он решится заговорить.

Студентка факультета искусств, лёгкая, спонтанная, будто ей до сих пор не сообщили, что мир полон правил, которым положено подчиняться. Впервые за годы, наполненные чужими драками, которые он делал своими, Элиас чувствует, что нашёл наконец то самое, ради чего, кажется, всю жизнь готовился кого-то защищать. Просто не знал, кого именно.

Они начинают встречаться, и всё складывается легко. Так легко, что он сам себе не до конца верит. Она затаскивает его на выставки, о существовании которых он раньше даже не подозревал, и подолгу объясняет, почему один и тот же оттенок синего может значить у разных художников совершенно разные вещи. Он в ответ пытается объяснить ей закон сохранения энергии на примере бильярдных шаров, и оба смеются, когда аналогия окончательно разваливается на середине. С ней время идёт иначе. Не рывками, от тренировки к тренировке, а спокойно, ровно, будто впервые за долгие годы можно просто быть, никуда не торопясь и ничего не доказывая.

А ещё, совсем неожиданно, у него появляется старший товарищ.

Дэмиен Райт — из тех людей, чей возраст сложно определить на глаз, хотя сам он называет цифру сорок два, произнося её с интонацией человека, которому этот факт кажется одновременно верным и слегка забавным. Он ведёт у Элиаса один из общих курсов, и почему-то с самого начала выделяет именно его среди прочих студентов. Задерживает после занятий якобы для уточнения непонятого вопроса, а потом как бы между делом зовёт продолжить разговор за кружкой чего-нибудь покрепче в пабе, о котором сам же и рассказывает, будто делится чем-то личным, а не просто советует хорошее место.

Со временем эти разговоры превращаются в привычку, а привычка, в нечто похожее на настоящую дружбу, пусть и с непривычной для двадцатилетнего разницей в возрасте. Дэмиен помогает принимать решения. Не указывает, а спрашивает так, что Элиас сам приходит к нужному ответу и остается потом искренне уверен, что додумался до всего сам. Иногда, посреди самого обычного разговора, в глазах у Дэмиена появляется что-то далёкое, будто он смотрит не на Элиаса, а сквозь него, в какую-то другую точку, недоступную больше никому, и в такие моменты он говорит вскользь, что тот напоминает ему лучшего друга. Того, кого у него забрала трагедия.

Элиас никогда не спрашивает подробностей.

Что-то в тоне, каким это сказано — коротко, без продолжения, будто дверь тут же захлопывается сама собой, — ясно даёт понять: подробностей не будет. Не сегодня. Может быть, никогда.

Глава 4

Снова пустота.

Абсолютная. Всепоглощающая. Ни тела, ни ощущений, ни точки опоры, за которую можно было бы зацепиться и сказать: вот, это я, я существую.

Только память.

Стой.

Чёрт. Меня убили?

Мысль ударила резко и совсем не там, где ей полагалось бы отдаваться эхом, ведь ни головы, ни черепа у него сейчас попросту не было. Боль. Круг. Смех, в котором читалось явное удовольствие от процесса. Нож, входящий под рёбра.

Какого хрена они меня убили? За что? Они вообще не были похожи на людей! На кой этим тварям вообще так издеваться, чтобы меня прикончить?

Он узнал это место. Ощущение было почти физическим — как если бы кто-то показал ему фотографию комнаты, в которой он никогда не был, а мозг всё равно пытался зацепиться за детали.

Это ад? Рай? Что это вообще за место такое, и почему у меня чувство, будто я уже здесь бывал?

И тогда ему ответили.

— Это Хаб.

Голос вошёл не через уши, а прямо туда, где находилось сознание, минуя всё лишнее по пути. Женский. Мягкий, приятный, с той тёплой интонацией, с которой обычно говорят люди, привыкшие успокаивать перепуганных.

Он вздрогнул сильнее, чем от мысли о собственной смерти секундой раньше.

— Кто здесь?! — рявкнул он в темноту, даже не задумавшись. И пусть рта у него не было, звук, на удивление, разрезал тишину. — Кто ты? Где я, чёрт возьми, и что вообще происходит?

— Спокойно, спокойно. Для начала — добро пожаловать. Меня зовут Ариадна. Я твой персональный помощник и местный администратор. К твоему сведению, вся информация транслируется тебе напрямую в сознание. Если бы здесь у тебя были уши, я бы настоятельно рекомендовала тебе проверить слух.

Он замер. Не физически — физически замирать было нечем, а как-то внутренне, будто всё его существо придавило тяжестью этих слов.

— Так и быть, я повторю. Хаб, — сказал голос, будто это должно было хоть что-то объяснить. — Ты в Хабе.

— Отлично. — Он не сумел вложить в слово ничего, кроме сарказма, хотя даже сам не был уверен, откуда у него вообще взялись силы на сарказм в такой момент. — И о чём это должно мне сказать?

— Хороший вопрос. Давай по порядку, а не всё разом, ладно? Ты умер. Тело осталось там, в лесу. Точнее, не осталось, оно вообще перестало существовать, как и весь временной отрезок мира, который ты прожил, но это долгая история. Сейчас важно, что ты здесь. Живой. Ну, в определённом смысле «живой».

— В каком, к дьяволу, смысле?

— В том смысле, что ты разговариваешь, злишься и уже как минимум дважды меня обматерил внутренним голосом, хотя вслух постеснялся. Для трупа — излишне бодро.

Он бы фыркнул, если бы у него было чем.

— Хорошо. Допустим. Я мёртв, но не совсем. Кто я тогда такой? Почему я ничего не помню, кроме того, как эти зелёные твари меня резали?

Голос затих на мгновение. На этот раз пауза была другой, не насмешливой, а будто взвешивающей, стоит ли говорить правду или подсластить.

— Понятия не имею, — сказала Ариадна наконец, и в этом было что-то настолько честное, что он почти поверил сразу. — Я вижу тебя второй раз в жизни. Первый, когда собирала твоё тело там, в лесу. До тебя здесь не было никого и никогда. Совсем. Так что если ты рассчитывал на подробную биографию, извини, разочарую.

— Отлично, — повторил он, уже без сарказма. Просто устало. — Просто отлично. Мертвец без имени, без прошлого, застрявший непонятно где с голосом в голове. Но ты же откуда-то взялась и почему-то меня создала?

— Ты тоже откуда-то взялся, а потом нелепо умер. На многие вещи нет ответа, и нам придётся принять их как данность. Кстати, о данностях. Имя.

— Что?

— У тебя его нет. А называть тебя «эй ты» всё время я не собираюсь. Это неудобно и, честно говоря, звучит грубо даже для меня, а у меня довольно широкие взгляды на грубость.

— И что ты предлагаешь? Дашь мне первое пришедшее тебе на ум?

— Можем разобраться вместе. Что тебе первым приходит на ум, когда думаешь о себе?

Он попытался. Ничего не приходило. Ни лица, ни имени, ни единой зацепки, за которую можно было бы ухватиться. Только звенящая, гулкая пустота там, где должно было быть хоть что-то.

— Ноль, — сказал он наконец, с горькой иронией, которую сам не до конца понимал. — Абсолютный, чёрт возьми, ноль. Ни памяти, ни прошлого. Пустое место.

— Зеро, — задумчиво повторила Ариадна, будто пробуя слово на вкус. — А знаешь, это неплохая отправная точка. Ноль это ведь не отсутствие. В математике ноль — начало отсчёта. Точка, с которой всё только начинается.

— Как трогательно.

— Дай мне закончить, дрянной ты тип. — В её голосе была улыбка, он это отчётливо слышал. — Что если добавить окончание? Неопределённый порядковый номер. Ты же уже второе «ничего», а сколько их ещё будет. Зеро плюс «н». Зерон.

— В смысле, сколько ещё будет?

— Не бери в голову.

Зерон мысленно сглотнул.

Он примерил имя, покрутил его в сознании, и, к собственному удивлению, оно село удобно, как ботинок по ноге, которой у него не существует.

— Зерон, — повторил он вслух. — Ладно. Пусть будет Зерон. Могло быть и хуже.

— Вот видишь, уже прогресс. А со скоростью твоих размышлений, через час придумаем тебе ещё и фамилию, если повезёт.

— Очень смешно. — Он вспомнил про лес. Не картинку, а ощущения: холод под ножом, дыхание, застревающее где-то на середине, методичность, с которой его резали, не спеша, будто тушу на разделочном столе. — Слушай. Я не хочу туда возвращаться.

— Куда именно «туда»?

— Туда, где эти уроды меня резали. Оставь меня здесь. В темноте. Мне и тут неплохо.

— А, ты про гоблинов.

— Гоблины?

— Ну да. Те самые, которых ты называешь уродами и тварями. — Ариадна выдержала короткую паузу, будто смакуя следующую фразу. — А знаешь, у них ведь тоже есть чувства.

В её голосе читалось что-то среднее между насмешкой и наигранным, откровенно издевательским сочувствием.

— Мне плевать, есть у них чувства или нет. Оставь меня здесь. В темноте. Мне и тут неплохо.

Тон Ариадны изменился не стал строже, скорее... осторожнее, как у человека, который вынужден сообщить не самую приятную новость и заранее извиняется за это.

— Зерон. Я понимаю, почему ты не хочешь. Правда понимаю. Но здесь есть протокол, который не в моей власти отменить, — противодействие бездействию. Если ты добровольно не покинешь Хаб в разумный срок, я обязана вытолкнуть тебя силой. Это не наказание. Это просто то, как всё устроено.

— Мне плевать, как всё устроено. Я никуда не пойду.

— Зерон.

— Нет.

Он вцепился в это «нет». Здесь, в темноте, ничего не могло причинить боль. Здесь не было гоблинов, ножей, смеха, от которого хотелось выть. Всё его существо отказывалось признавать, что где-то там, за пределами этой уютной пустоты, его снова ждёт то же самое, снова, и снова, и, судя по всему, столько раз, сколько потребуется этому месту.

Ответом ему была тишина. Короткая, тяжёлая, будто на том конце вздохнули, хоть вздыхать было нечем.

— Мне жаль, — сказала Ариадна тихо. — Правда жаль.

Боль пришла без предупреждения. Рванула откуда-то из центра того, чем он сейчас был, будто кто-то одним движением вырвал его из уютной темноты за шкуру. Тело снова начало собираться из ничего. Рывками, мучительно, каждая жила и каждая кость вспоминали себя заново с той же тошнотворной болью, что и в прошлый раз.

Он закричал — беззвучно, потому что горла ещё не было, — и провалился обратно в мир, который только что отверг его. А теперь он без спроса возвращал туда, откуда отчаянно хотел бы сбежать.

Глава 5

Боль отступила, и Зерон снова обнаружил себя в лесу. На этот раз не на плите, а прямо на земле, среди прелой листвы. Солнце светило слабее, воздух казался прохладнее, чем в прошлый раз. Тот же лес? Или другой? Всё вокруг казалось смутно знакомым и одновременно совершенно чужим, будто он видел похожую декорацию в другом театре.

Он машинально начал запоминать деревья вокруг, приметную корягу слева, три сросшихся ствола впереди, и тут же одёрнул себя.

Да что я вообще делаю? Тут по лесу бродят твари, которые меня убьют, если заметят, а я стою и считаю деревья. Прятаться. Немедленно.

Отряд он заметил метрах в пятнадцати. Шесть гоблинов, переговаривающихся между собой, шли вразвалку. Он метнулся за ближайший ствол, вжался спиной в кору, стараясь не дышать, но дерево оказалось слишком тонким, а сам он — слишком белым и светлым на фоне тёмной зелени вокруг, будто нарочно выкрашен в цвет, который здесь не приживается. Один из гоблинов остановился, повёл носом, будто учуял что-то, и указал в его сторону остальным.

Дальше он уже не думал, тело среагировало само, отшвырнув его от ствола в сторону густого подлеска. Ветки хлестали по лицу, царапали руки. Земля под ногами была неровной, вся в переплетённых корнях, и он то и дело спотыкался о них, едва удерживая равновесие на бегу, но не сбавлял темп, гонимый одной-единственной, оглушительно простой мыслью: только не снова, только не так же, как в прошлый раз. Сзади слышался топот и азартные, гортанные выкрики. Не столько злые, сколько увлечённые, будто для гоблинов это была не охота на жизнь, а забавная игра.

Удар пришёл сзади, в затылок — тяжёлый, оглушающий, будто кто-то с размаху ударил его туда молотком, — и опрокинул его вперёд, лицом в грязь.

Он попытался подняться. Сперва просто отметил странную, режущую тяжесть где-то в районе затылка, не сразу поняв, что это значит, и только потянувшись рукой к лицу, ощутил под пальцами мокрое дерево стрелы, торчащей прямо из щеки навывлет. Осознание пришло с опозданием, тупое и абсурдное: в меня попали. Кровь заливала рот тёплым, солёным потоком, мешая дышать. Мир стал плоским и странно тихим. Он всё ещё скрёб землю пальцами, которые уже не совсем ему подчинялись, когда его настигли. Чей-то сапог впечатал лицо в грязь, и следующий удар, уже клинком, наискось через шею, оборвал всё разом, не дав додумать даже эту мысль.

Хаб встретил его почти буднично. Та же самая, уже знакомая темнота, то же ощущение странной, почти приятной лёгкости, которое приходит от отсутствия тела. Тела, которое, по идее, осталось где-то там, в лесу, — хотя, если верить Ариадне, не осталось даже этого: оно попросту перестало существовать, вместе со всем тем отрезком мира, что он успел прожить. Он уже не был уверен, какая из этих двух версий пугает его больше.

Разговор с Ариадной вышел коротким, местами слегка нелепым. Оба ещё привыкали к тому, что смерть здесь не финал, а просто неудобная пауза посреди чего-то большего.

— Опять? — спросила она, и в голосе было больше усталости, чем удивления. — Быстро ты.

— Стрела. В лицо. Через затылок, — ответил он ровно, будто зачитывал сводку погоды. — А потом... Спрашивай что-нибудь полегче.

— Знаешь, — сказала она после паузы, — ты мог бы в этот раз уйти сам. Без протокола, без принуждения. Просто сказать «да» и вернуться туда самостоятельно.

— Мог бы.

— Но не скажешь.

— Нет.

— Ладно, — вздохнула Ариадна с той интонацией человека, который заранее знал ответ, но всё равно счёл нужным спросить. — Тогда по старинке.

Он понимал: его отправят обратно в любом случае. Понимал, и всё равно не мог заставить себя сказать «да» первым.

Его снова вытолкнули силой.

Вспышка боли рождения прошла по телу знакомым, уже почти привычным маршрутом: мясо, сухожилия, кости, собирающиеся заново с тошнотворной методичностью. Зерон выругался сквозь зубы и уже приготовился сказать себе привычное «всё как обычно» — но вдруг понял: сейчас теплее, чем в прошлый раз.

Он вспомнил свою «глупую» попытку запомнить деревья и осознал, что глупой она не была. Деревья вокруг были другими. Место было другим. И, если подумать, гоблины из второго забега встретились ему совсем не там, где из первого.

Сперва он решил, что дело в случайности самого пробуждения. Подкинуло в другую точку леса, только и всего. Но разница в погоде наводила на другую мысль. Здесь явно что-то устроено иначе, чем кажется на первый взгляд.

Спрошу у Ариадны. Когда меня снова убьют.

Иллюзий на этот счёт он уже не питал.

Но сдаваться просто так в этот раз он не собирался. Лучшая защита — нападение, а раз он всё равно обречён быть жертвой, почему бы для разнообразия не побыть хищником. Он вывалился в грязь у ближайшей проталины, растёр по себе пучок травы, чтобы хоть немного позеленеть, — получилось скорее жалко, чем убедительно, — и занял позицию, которую про себя гордо называл засадой.

Отряд гоблинов действительно появился. Только прошёл он совсем не там, где Зерон ждал, а метрах в тридцати левее, вне досягаемости, вне всякого смысла его героической засады.

Вот же глупость, думать, что среди целого леса они пройдут прямо рядом со мной.

Признав собственную наивность, он дал отряду отойти подальше и двинулся следом, держась вне поля зрения, перебегая от ствола к стволу так осторожно, будто каждый шорох мог обрушить на него весь лес разом. Расстояние сокращалось. Нож — тот самый треугольный кусок металла с деревянной ручкой — был зажат в кулаке так крепко, что костяшки заныли.

Он собирался с духом. И тут внутри что-то замерло.

А убивал ли я вообще когда-нибудь? Отнимал чужую жизнь? Да, это не люди. Но живые существа. Да, они убьют меня, если заметят. Но я же не убийца.

Мысль расплзлась внутри, вязкая и неудобная, и духу не хватило.

Пока он размышлял, нога наступила на сухую ветку. Треск получился неожиданно резким и звонким для одного-единственного шага, таким, что показалось, будто его слышал не только ближайший отряд, но и весь лес разом. Гоблины среагировали мгновенно, разворачиваясь на звук.

Он был уже совсем рядом. Достаточно было сорваться с места.

В голове пронеслись обе смерти разом. Страх, боль, отчаяние, и злость, тупая, взрослая злость на то, что даже умереть спокойно ему не дают: снова и снова терпеть всё заново, с самого начала, без права на передышку. Мысль пронеслась быстрее, чем он успел её додумать, и тело среагировало раньше разума.

Зерон бросился вперёд и всадил нож в горло ближайшего гоблина, повалив того на землю вместе с собой.

И тогда что-то тёплое, почти сладкое разлилось внутри — по венам, по груди, куда-то под рёбра. На мгновение он потерял себя в этом ощущении, растворился в нём целиком, но оно так же быстро схлынуло, устроившись где-то глубоко, будто нашло там своё законное место.

[Получено эссенции жизни — 6]

Мелькнуло на границе зрения, в правом верхнем углу, полупрозрачной курсивной вспышкой, больше похожей на послевкусие мысли, чем на надпись.

Опомниться он не успел. Гоблины, оправившись от неожиданности первой секунды, уже хватались за оружие. Зерон не дал им времени. Кинулся на второго, но топорно, предсказуемо, как человек, впервые в жизни держащий нож не для того, чтобы резать хлеб. Тот легко ушёл с линии атаки и вогнал кинжал ему в спину.

Зерон закричал — и звук получился рваным, чужим, — развернулся и увидел занесённый для второго, уже рубящего удара клинок. Решив продать жизнь подороже, раз уж дешевле она всё равно уже не станет, он прыгнул вперёд. Свободная рука зацепилась за грубый ремень его брони, и Зерон, зафиксировавшись вплотную, так, что увернуться будет попросту невозможно, начал колоть его в корпус снова и снова, коротко, зло, без разбора, куда именно попадает.

Гоблин кричал так же, как кричал он сам, и колот в ответ так же отчаянно, вцепившись в него с той же слепой решимостью не отпускать первым.

Гротескная картина почти как на той плите. Два существа, сцепившись мёртвой хваткой, протыкают друг друга ножами посреди леса. Оба уже, по сути, мертвы. Просто ещё не признали этого.

С каждым ударом боль становилась глуше, темнота подступала ближе, а вместе с ней уже знакомая, почти обжитая смерть.

[Получено эссенции жизни — 7]

На этот раз он видел надпись ясно, отчётливо, будто мир специально придержал для него фокус в последнюю секунду.

Последним, что он почувствовал, было сладкое тепло, уютно занявшее своё место внутри.

Глава 6

Зерон снова оказался в Хабе.

На этот раз пустоту перед ним не заполняла темнота сама по себе. Прямо в центре обзора, куда ни повернись, парило нечто. Два мужских тела, сплетённых кольцом, ноги одного у головы другого, каждый вгрызается зубами в плоть напротив. Каменный барельеф, но живой, испускающий слабое золотистое свечение, будто под поверхностью камня тлели угли.

Он узнал его сразу.

— Это... — Зерон помедлил, подбирая слово, которое не прозвучит совсем уж по-идиотски. — Это та штука с плиты. Из леса. Я на ней очнулся в первый раз.

— Хмм, — отозвалась Ариадна, и в этом звуке прозвучало что-то похожее на любопытство. — Это Уроборос. Главный активационный Сигил — вход в систему. По крайней мере, здесь, в Хабе.

— А что он делал в лесу?

— Понятия не имею. — Ответ прозвучал ровно, без тени притворства. — Я такого не помню. Все три раза, что ты просыпался, ты просыпался прямо на земле.

Зерон замер.

— Стой. То есть ты видишь, что происходит во время моих... забегов?

— Разумеется. — Она произнесла это так буднично, будто он спросил, идёт ли снег зимой. — Я же не только голос в темноте, который развлекает тебя разговорами. Я слежу за тобой.

Мысль о том, что кто-то три раза подряд наблюдал, как его резали на куски, и молчал об этом, вызвала внутри что-то среднее между раздражением и абсурдным желанием рассмеяться.

— Отлично, — сказал он. — Просто отлично. А почему тогда лес каждый раз разный? Погода разная, деревья разные.

— Этой информацией я не располагаю.

— А надписи? Про эссенцию? Ты вообще собиралась мне о них рассказать, или я должен был сам догадаться?

— Я помощник, а не рассказчик, — ответила Ариадна, и в тоне впервые за разговор прорезалось что-то похожее на терпеливое объяснение очевидного ребёнку. — Моя база знаний строится на твоих возможностях и действиях. Пока у тебя не было эссенции, не было знаний о ней и у меня. Пока не появился Сигил и интерфейс Хаба, я о нём попросту не знала.

Зерон не удержался.

— То есть ты бесполезна ровно до тех пор, пока я сам не выясню что-то методом тыка. Методом тыка ножа в мой бок. Прекрасный помощник.

— Я предпочитаю формулировку «расту вместе с тобой», — невозмутимо парировала она. — Звучит куда приятнее, согласись.

Зерон промолчал.

— Ну давай уже, прикоснись к нему, — игривой интонацией сказала Ариадна.

— Чем, по-твоему, я должен к этому прикасаться? — иронично подметил Зерон.

— У тебя и рта нет, но говорить глупости тебе это не мешает. Просто попробуй прикоснуться.

Он мысленно прикоснулся к Уроборосу, не совсем понимая, как именно это делается., Просто потянулся к нему вниманием, как тянутся взглядом к чему-то яркому в темноте. Сигил отозвался немедленно: где-то внутри, там, где раньше была бы грудь, кольнула короткой, почти незаметной потерей, будто выдохнул часть себя.

[Потрачена эссенция жизни — 1]

— Стоимость за разблокировку, — сказала Ариадна, не дождавшись вопроса Зерона.

Кольцо из двух тел рассыпалось золотистой пылью, и тут же начало собираться заново, уже в другие объекты: полукругом развернулись шесть новых Сигиллов, каждый на равном расстоянии друг от друга, будто планеты вокруг невидимого солнца.

Один из них пульсировал. Огромная рубиновая капля крови, подвешенная над невидимым ртом. Она сжималась и разжималась в собственном ритме, живая, как настоящее сердце.

— Капля, — прокомментировала Ариадна.

Он потянулся к ней вниманием, и капля упала, исчезнув, будто её проглотили. Пространство вокруг схлопнулось, и на его месте развернулось нечто, что для себя он тут же мысленно окрестил Деревом. Четыре луковицы у основания — каждая давала начало ветви, уходящей вверх, переплетающейся с другими в спутанный, живой узор.

Большая часть узлов на дереве была тусклой, почти невидимой.

— Что это? — спросил он.

— Это древо твоих характеристик. Луковицы в основании отвечают за твои статы. Красная — сила, серебристая — ловкость, тёмно-зелёная — выносливость, синяя — интеллект. А выше — дерево навыков, привязанное к этим статам.

— А почему некоторые тусклые?

— Заблокированы.

— И как их открыть? — спросил он, разглядывая ближайшую тёмную ветку.

— Без понятия. Придётся разбираться самому.

Он перевёл внимание на сами луковицы и увидел, как цифры на них меняются: из нулей проступают тройки, одна за другой. «В сумме двенадцать», — подумал он. Если верить словам Ариадны про характеристики, получалось, что он стал как минимум в двенадцать раз лучше, чем был.

— Это ведь неплохо, да? В двенадцать раз лучше?

— Ноль, помноженный на что угодно, всё равно остаётся нулём, — заметила Ариадна с той интонацией, в которой безошибочно угадывалась ухмылка. — Так что нет, ты не стал в двенадцать раз лучше. Ты просто перестал быть абсолютно бесполезным.

— Спасибо, легче не стало.

У самого основания ствола, там, где сходились корни всех четырёх луковиц, покачивался маленький светящийся шарик с цифрой «1» внутри. Он коснулся его вниманием, почти не задумываясь, и шарик раскрылся, показав ещё одну цифру. Пять.

— Что это значит?

— Единица — твой текущий уровень. Пятёрка — сколько эссенции нужно, чтобы его повысить. Повысив уровень, ты получишь зерно — единицу улучшения. Потратишь его на характеристику или навык, если он тебе доступен.

Он не колебался.

Пять эссенции ушли безвозвратно. Осталось семь, но взамен та штука засветилась и запульсировала.

— А теперь подумай, на что хочешь его потратить, — сказала Ариадна.

Решение принималось не расчётом, а чем-то более простым: гоблины не выглядели сильными, но они точно были быстрее него. Ловкость показалась разумной ставкой на то, чтобы это больше не повторилось.

Он мысленно потянулся к серебристой луковице — и цифра на ней дрогнула, сменившись с тройки на четвёрку.

Разобравшись с этой вкладкой, он захотел двинуться дальше.

— И как вернуться к остальным? — спросил Зерон.

— Оттолкни это от себя, — ответила Ариадна.

Дерево вместе с луковицами свернулось обратно в Сигил, вернув на свои места и остальные.

— Клинок, — сказала Ариадна, когда Зерон посмотрел на Сигил с изображением кинжала, пронзающего расколотую надвое сферу. Он коснулся его. Сигил распался и тут же собрался обратно, уже в единственный силуэт: фигуру, сотканную из светящихся точек и линий, держащую кинжал в неловком, топорном хвате. Ни Зерон, ни Ариадна этого не знали, но здесь появлялись лишь те воины, оружие которых Зерон хотя бы держал в руках, а держал он пока что только нож. С неприятным чувством он узнал в этой изломанной стойке собственные первые удары в лесу.

Под силуэтом воина был такой же шарик с цифрой «1», как он видел ранее. Раскрывшийся от прикосновения шарик показал цифру: двести семь.

Внутри что-то дрогнуло — будто он всё-таки присвистнул, просто без губ и лёгких, которыми можно было бы это сделать.

— Двести семь. За то, чтобы просто лучше тыкать ножом. Надеюсь, оправданно.

— Время покажет, — заметила Ариадна.

Рядом, по обе стороны от Клинка, парили ещё два Сигила. Оба заметно тусклее остальных, будто их подёрнуло лёгкой дымкой. Один — трещина, из которой сочился багровый свет. Второй — похожий на ухо, а внутри него переливалась перламутром спираль.

— Разлом, — представила первый Ариадна. — Эхо, — второй.

— Дай угадаю. Тоже без комментариев, почему закрыты?

— А ты умнее, чем кажешься.

Он развернулся к следующему Сигилу — безликой фигуре, похожей на портновский манекен, но словно вырезанной из того же материала, что и силуэт воина, который он видел чуть раньше. На груди — небольшое сердце-индикатор, разгоревшееся, стоило задержать на нём внимание.

Манекен деформировался, распадаясь на центральную фигуру, одетую в те же лохмотья и верёвку, что были сейчас на самом Зероне, и парящую позади стойку с единственным предметом — тем самым треугольным куском металла с деревянной ручкой.

Он коснулся ножа вниманием. Три тысячи эссенции — видимо, за улучшение того ножа, который ножом можно было назвать разве что с натяжкой.

Коснулся лохмотьев. По пять тысяч за каждый элемент.

Он не сказал ничего. Просто закрыл Сигил.

Дальше был Глаз. Веко без зрачка, внутри которого дрожали линии, в которых знающий человек узнал бы кардиограмму. Он распался на несколько эмблем поменьше: статистика, отношения, журнал забегов, календарь, текущая точка сохранения. Почти все они оказались пусты. Статистика и журнал забегов содержали разве что скудные обрывки того немногого, что он успел пережить, а рядом обнаружилась ещё одна вкладка — энциклопедия. Он заглянул в неё с какой-то нелепой надеждой найти там ответы хоть на что-нибудь.

Единственная запись. Гоблин. Реалистичное изображение, название и больше ничего. Ни слова о повадках, ни цифр, ни предупреждений, которые могли бы пригодиться до, а не после того, как его трижды выпотрошили.

— Негусто, — сказал он.

— Ты убил всего двух. Энциклопедия наполняется опытом, а не щедростью с моей стороны.

Он закрыл вкладку и завис в пустоте, разглядывая оставшиеся Сигилы. Часть из них тусклые, недоступные, ждущие чего-то, чего у него пока не было.

— Слушай, — сказал он наконец. — Объясни мне ещё раз, что вообще такое эта эссенция. Откуда она берётся.

— Из чужой смерти, — ответила Ариадна без малейшей попытки смягчить формулировку. — Ты убиваешь, существо перестаёт быть, а то, чем оно было, конвертируется в ресурс, которым ты можешь пользоваться. Уровни, навыки, снаряжение.

— А это тепло. То, что разливается внутри, когда... — Он не закончил фразу, но она поняла.

— Не знаю, как объяснить точнее, чем ты уже сам это описал. Приятное ощущение при поглощении ресурса. Возможно, это просто то, как система сообщает тебе, что действие засчитано.

— Мне нравится, что угрозу быть убитым, пока убиваю я сам, пытаются описать как «действие засчитано».

— Могу предложить формулировку помрачнее, если так будет легче.

Он невесело фыркнул.

— Это вообще нормально? То, что я стал сильнее, забрав чью-то жизнь?

— Я не знаю, что такое «нормально» применительно к тебе, — сказала Ариадна тише, чем обычно. — Я не философ и не судья. Я вижу цифры и процессы. Правильно это или нет, решать не мне.

Ответов не нашлось. Ни у неё, ни, тем более, у него самого. Но сам факт разговора, сама возможность произнести это вслух и услышать в ответ не осуждение, а хотя бы честное «не знаю», немного примирила его с тем, что случилось в лесу. Не оправдала. Просто сделала чуть менее невыносимой.

Зерон побыл ещё немного в этой безграничной черноте, разглядывая парящие вокруг Сигилы.

Потом, не дожидаясь напоминаний о протоколе, сам потянулся вниманием к пустоте за пределами Хаба.

И запустил новый цикл.

Статистика

Забегов: 3

Уровень: 2 (до следующего — 15)

Сила: 3

Ловкость: 4

Выносливость: 3

Интеллект: 3

Глава 7

Тело снова собиралось из ничего, привычной уже болью, и вместе с ней начинался новый забег.

Очнувшись, Зерон первым делом обратил внимание на две вещи. Во-первых, вокруг снова всё изменилось — другой участок леса, другой свет, другая температура. К постоянным переменам он, оказывается, успел притерпеться быстрее, чем ожидал. Хотя было бы куда спокойнее, если бы лес оставался прежним. Вторая вещь, на которую Зерон обратил внимание, его собственное тело.

Оно больше не было болезненно худым. Кости, ещё недавно обтянутые кожей до жалкого, стыдного состояния, теперь не выпирали так отчётливо. Движения стали чуть увереннее, дыхание — глубже, будто грудная клетка наконец получила разрешение расправиться до конца. Видимо, сказались очки, вложенные в Силу, Ловкость и Выносливость. А вот с Интеллектом, судя по всему, беда: умнее себя он особо не чувствовал.

Ну да ладно.

Он больше не жертва. Если таковы правила этого места и выбора у него нет, значит, время действовать. Цель проста: выбраться из леса. Если по пути придётся драться с зеленокожими, пускай. Он будет начинать снова и снова, пока не увидит выход.

И тут перед ним развернулось нечто, чего раньше не было.

Синий, полупрозрачный прямоугольник, парящий прямо перед лицом. Куда бы он ни поворачивал голову, тот послушно следовал за взглядом, будто приклеенный к самому зрению, а не к пространству вокруг. Внутри плясали строки текста. Он не сразу сообразил, что вообще способен их прочесть, а когда сообразил, удивился этому больше, чем самому факту появления окна. Он ведь уже читал похожие надписи про эссенцию. Значит, либо где-то в глубине него завалялось знание грамоты, о котором он сам не подозревал, либо система просто не утруждала себя такими мелочами и вкладывала понимание напрямую, минуя буквы как таковые.

[Ты инициирован в системе.]

[Ты не можешь рассказывать никому о системе. Попытка ведёт к мгновенному перезапуску. За нарушение предусмотрены дополнительные меры воздействия.]

[Ты должен постоянно двигаться и развиваться. Излишняя праздность приведёт к последствиям.]

Зерон хмыкнул. Кому он вообще собрался рассказывать — гоблинам? Формулировки про «меры воздействия» и «последствия» звучали достаточно туманно и зловеще одновременно, чтобы нарушать написанное совершенно не хотелось из чистого, хоть и не самого рационального страха перед неизвестностью.

Он дочитал, но окно не исчезло. В верхнем правом углу обнаружился крестик. Он машинально потянулся к нему рукой, чтобы нажать, как на обычную кнопку. Рука прошла насквозь, не встретив сопротивления. Он замер на секунду, чувствуя себя откровенно глупо, а затем потянулся к крестику вниманием, так же, как раньше тянулся к Сигилам в Хабе. На этот раз сработало. Окно послушно свернулось, и тут же на его месте развернулось новое.

[Получено достижение: первое убийство — количество поглощаемой эссенции незначительно увеличивается.]

[Получено достижение: первое перерождение — незначительное снижение болевой чувствительности.]

Убил он впервые, а вот перерождался уже не раз. Видимо, системные окна появились только сейчас, задним числом, уже после первого убийства и какой-то там инициализации, до

которой ему, честно говоря, не было почти никакого дела. Прочитав, он закрыл и это окно тем же способом.

Разобравшись с сообщениями, он заметил в правом верхнем углу зрения новую иконку — крохотную, почти незаметную, если специально не искать. Мысленно коснулся её, как и всего, что требовало взаимодействия с системой.

[Стартовый рут в процессе. Эссенции — семь. Карта — ошибка.]

Больше ничего.

У этого окна определённо есть что-то общее с Ариадной, — подумал он не без злорадства. — Такое же бестолковое.

Закрыв и это окно, Зерон принялся за дело. Снова вывалился в грязи, снижая видимость, — внезапные атаки уже доказали свою эффективность на практике, пусть и ценой не самой приятной. Осталось выбрать направление. Чтобы не плутать по лесу кругами, нужен был хоть какой-то ориентир, а единственным подходящим оставалось солнце.

Идти прямо на него — глупо, будет слепить. Идти против солнца — не разглядишь само светило, придётся всё время оглядываться через плечо. Он решил держать солнце по левую руку: если что, можно будет уклоняться в ту же сторону, и тогда слепить будет уже противника, а не его.

А может, интеллект всё-таки работает.

Выбрав направление, он двинулся вперёд и почти сразу заметил отряд гоблинов раньше, чем те заметили его. В этот раз, оценив ситуацию спокойнее, Зерон подметил, что гоблины оказались на редкость шумными, глупыми тварями: переговаривались в полный голос, ломились через подлесок, будто их специально учили привлекать к себе внимание.

Я тут маскируюсь, вываливаюсь в грязи, а они от природы зелёные. Не будь они такими громкими, вообще бы не заметил. Да и меня из-за этого же шума слышат хуже.

Тело ощущалось иначе, чем в прошлые забеги. Даже этого короткого отрезка хватило, чтобы понять — он стал лучше. Двигался увереннее, дышал ровнее, не задыхаясь на каждом третьем шаге, как раньше.

Наблюдая за отрядом издали, он снова погрузился в размышления. В прошлый раз, решив охотиться на гоблинов, он рассуждал как человек, которому никогда не приходилось убивать. Легко, отвлечённо, будто расписывал план на бумаге. Но оказавшись перед реальным выбором, замялся. Да, убийство сделало его сильнее. Но он не маньяк, готовый убивать всё живое ради силы. Защита это одно. Охота ради выгоды — совсем другое. Где-то между этим лежала грань, за которую заходить не стоило.

Он дождался, пока отряд пройдёт мимо, и двинулся дальше. Пропустил и следующий, различив голоса издали, заранее.

Не спеша пробираясь через лес, он вдруг услышал позади шелест и низкое, утробное рычание. Обернувшись, увидел стаю. Пять пар жёлтых глаз, смотрящих на него с той спокойной, деловой заинтересованностью, с какой смотрят на еду, а не на угрозу.

Волки.

Пятясь и понимая, что боя не избежать, он выхватил нож. Волки, как и полагается, начали кружить, расходясь широким полукольцом, ища удобный угол для броска. Ждать первого укуса казалось откровенно глупой тактикой. Зерон бросился на ближайшего первым.

Дальше была резня.

Уже имея опыт с гоблином, он вцепился зверю в шерсть на загривке и, притянув ближе, начал вгонять нож раз за разом, коротко, глубоко, без разбора, куда именно попадает. Волк захрипел и обмяк. Тело почти сразу залило знакомым теплом.

[Получено эссенции жизни — 3]

Радоваться было некогда. Что-то рвануло его сначала за ногу, потом за руку — острая, рвущая боль, от которой на миг потемнело в глазах. Развернувшись, он ударил наотмашь и

попал ещё одному волку в грудь. Новая тёплая вспышка внутри подтвердила — удар тоже оказался смертельным.

[Получено эссенции жизни — 3]

Дальше сплошная какофония. Волки рвали его, он отбивался наотмашь, сокращая их число одного за другим. Боль и странное, чужеродное удовольствие от каждого убийства смазались в одно сплошное, неразличимое ощущение. На всплывающие надписи он уже не обращал внимания, просто резал, бил, вырывался, снова резал. В какой-то момент, весь искусанный, продолжающий на автомате размахивать ножом в полубреду, он вдруг понял: тишина. Не то чтобы волков не осталось, они были рядом, только теперь неподвижными тушами, разброшенными по примятой траве. Живых среди них не осталось.

Хромой, кровоточащий, едва держащийся на ногах, он привалился на секунду к ближайшему стволу просто чтобы не упасть. Хватая ртом воздух, который почему-то отказывался наполнять лёгкие в достаточном количестве. Боль отдавалась сразу в десятке разных мест, не давая понять, какая из ран болит сильнее прочих. И где-то на задворках сознания билась одна мысль: он не должен быть жив после этого. То, с каким остервенением он только что резал живых существ, не задумываясь, было ему самому в новинку и вызывало смутное, глухое отвращение где-то на периферии чувств, задавленное куда более насущным инстинктом выживания. Он оттолкнулся от ствола и, хромая, продолжил пробиваться прочь из леса.

Отряд появился будто из ниоткуда. Не столько выскочив из-за какого-то конкретного укрытия, сколько соткавшись прямо из того марева, в которое успело превратиться его собственное, измученное восприятие. Их было шестеро или семеро, идущих вразвалку, не таясь, переговаривающихся между собой так же беспечно, как и все прежние. Заметив его — залитого кровью, хромого, с ножом в трясущейся руке, — они остановились. Не испугались. Скорее замерли с любопытством людей, наткнувшихся на что-то забавное посреди обычного дня.

В затуманенном сознании, толком не соображая, что делает, Зерон выставил перед собой нож и начал им размахивать, что-то выкрикивая. То ли угрозы, то ли просто бессвязный шум. Гоблины отреагировали не страхом, а приступом хохота.

— Эй, доходяга, — окликнул один, останавливаясь чуть поодаль, явно забавляясь зрелищем. — Откуда ты такой взялся?

Зерон не ответил. Не потому что не хотел, а потому что не был уверен, что способен сложить слова хоть во что-то, кроме рычания.

— А кровищи-то сколько, — заметил другой, разглядывая его с ленивым любопытством, будто оценивал никчёмный трофей. — Тебя кто так разукрасил, приятель?

— Не... подходите, — выдал он наконец, голос сорвался на середине слова, прозвучав жалко даже для его собственных ушей.

Гоблины переглянулись и рассмеялись ещё громче.

Дальше они не стали тратить время на разговоры. Один зашёл сбоку и полоснул его по подколенному сухожилию. Чётко, профессионально, без замаха. Нога подломилась сама собой, бросив его на землю. Второй наступил на запястье, вминая руку с ножом в грязь, пока третий склонился над ним, разглядывая его с той же ленивой заинтересованностью, с какой они недавно разглядывали его раны.

Первый удар пришёлся в живот — неглубокий, будто примериваясь. Зерон захрипел, попытался согнуться, но чужая нога на груди не позволила. Второй удар вошёл под ключицу. Третий — в бок, с тем влажным, чавкающим звуком, который ни с чем не спутать.

Кровь хлынула горлом, когда он попытался закричать, но получился только сдавленный, булькающий хрип. Кто-то из гоблинов, видимо, устав ждать, полоснул его поперёк шеи, широко, наотмашь, и мир, только что оравший болью со всех сторон, начал стремительно тускнеть.

Статистика

Забегов: 4

Уровень: 2 (до следующего — 15)

Сила: 3

Ловкость: 4

Выносливость: 3

Интеллект: 3

Глава 8

Пустота Хаба ощущалась привычно, и в ней Зерон дал волю накопившемуся возмущению.

— ЭТИ ЗЕЛЁНЫЕ ТВАРИ ЧТО, РАЗУМНЫ?! — рявкнул он, и звук разнёсся по темноте, будто здесь попросту не действовали привычные законы физики.

— Они передвигаются группами, у них есть речь, одежда и орудия труда, которые они тебе, к слову, неоднократно демонстрировали, — рассудительно заметила Ариадна. — Предположение обратного скорее говорило бы о том, что разумом здесь не обладаешь именно ты. Ты точно тратил очки развития на интеллект?

— Да не об этом я! Я имею в виду, что они понимают мою речь. И сами могут говорить!

— А ты пытался вступить с ними в контакт раньше?

— Нет, но звуки, которые они издавали, я не понимал. Разве что дело в прокачанном интеллекте, и он всё-таки работает. — Он на секунду задумался, будто взвешивая собственную догадку на вес. — Точно, наверное, поэтому.

— По-видимому, всё-таки не работает, — сухо заметила Ариадна.

— Эй!

— Вы принадлежите к разным видам, — пояснила она, перестав издеваться. — Очевидно, дело не в том, что они понимают твой язык, а в том, что ты не понимаешь их.

Разговор в таком духе продолжался ещё немного. Зерон упрямо цеплялся за мысль, что раз уж существа способны говорить, значит, с ними можно как-то договориться, а Ариадна с не меньшим упрямством напоминала, что способность говорить и готовность договариваться — вещи разные. В какой-то момент он вспомнил про волков и осёкся на полуслове.

Он потянулся вниманием к Сигилу Капли, знакомым уже движением, — и Дерево статов развернулось перед ним, завораживающе и послушное. Эссенции ждали своего применения: семнадцать за волков, плюс семь, оставшихся с прошлого раза. Он потратил пятнадцать на новый уровень, ощутив короткий, почти щекотный укол потери где-то внутри, а зерно, вспыхнувшее взамен, вложил в силу. Сам процесс, как из чужой смерти вырастает его собственная сила, аккуратно разложенная по цифрам, по-прежнему вызывал у него смутное, неприятное восхищение, будто он наблюдал за красивым, но неправильным фокусом. Оставалось девять эссенции.

Собравшись с духом, он не стал дожидаться, пока протокол вытолкнет его силой, и сам покинул Хаб.

Мир встретил его привычной болью, если слово «привычная» вообще было уместно для того, что он испытывал каждый раз при пересборке заново. Скорее уж ожидаемой, знакомой в своей неизбежности. А вот лес, как обычно, встретил его собственной, свежей непривычностью: другие деревья, другой изгиб тропы, другой оттенок зелени в кронах.

Убийства делали его сильнее, этого он больше не отрицал, и в перспективе могли бы стать простым, эффективным решением. Но убивать ему по-прежнему не нравилось. Так же, как не нравилось умирать. В этот раз он решил попробовать другой путь — поговорить, выяснить хоть что-нибудь, пусть это и выглядело откровенно наивно даже в его собственных глазах.

Отряд показался вдалеке спустя несколько минут блуждания. Вместо того чтобы прятаться или красться следом, как раньше, он вышел на открытое пространство, не таясь. Затем поднял свободную руку в неопределённом жесте, который сам счёл универсальным знаком мирных намерений, и окликнул гоблинов через разделявшую их поляну.

— Эй! Я хочу поговорить!

Голоса стихли. Отряд замер, переглядываясь между собой с явным замешательством, судя по всему, подобное обращение было для них в новинку настолько же, насколько для него

самого была в новинку мысль о переговорах с существами, которые уже четырежды являлись причиной его смерти. Заминка быстро сменилась нескрываемым любопытством, и гоблины, не торопясь, двинулись в его сторону.

— Брось нож, — потребовал тот, что шёл впереди, — судя по повадкам, здесь тоже был своего рода вожак.

— А вы бросите своё оружие, — парировал Зерон, не двигаясь с места. — На равных, или разговора не будет.

Гоблины расхохотались. Не зло, скорее весело, как над удачной шуткой, но оружие не бросили. Вместо этого они рассредоточились вокруг него тем же будничным, отработанным движением, какое он видел ещё в своё самое первое появление в этом мире, до того, как понял, что значит попасть в кольцо. В следующие разы его просто убивали без всяких церемоний, и он почти забыл, что у этого ритуала вообще есть более осторожная, начальная стадия.

— Кто такой? — спросил вожак, обходя его по кругу медленным, оценивающим шагом. — Откуда взялся? Разведчик?

— Больно он никчёмный для разведчика, — фыркнул другой, тыча в его сторону оружием. — Скорее сбежавший пленник.

— Ни то ни другое, — ответил Зерон, стараясь звучать спокойнее, чем чувствовал себя внутри. — Я просто пытаюсь выжить в этом лесу. Как и вы, наверное.

— И почему тогда до сих пор не бросил железку? — Вожак кивнул на нож в его руке. — Всерьёз думаешь, что она тебе поможет против пятерых?

— Хочешь умереть побыстрее — так и скажи, — хмыкнул третий. — Мы гоблины сговорчивые.

— Я лучше пойму, с кем разговариваю, прежде чем что-то бросать, — сказал Зерон, стараясь не показывать, насколько неуютно ему стоять в центре этого живого кольца. — Может, договоримся как-нибудь без ножей вообще?

Ответом ему был новый взрыв хохота, на этот раз более искреннего, будто сама идея показалась им особенно удачной шуткой дня.

— Договоримся, — фыркнул вожак, вытирая выступившие от смеха слёзы тыльной стороной ладони. — У нас, доходяга, всего два варианта для таких, как ты. Либо сдаёшься и топаешь с нами в лагерь, к остальным пленникам. Либо подыхаешь прямо здесь, на этой самой полянке. Третьего не предусмотрено. Переговоры тут, извини, не в почёте.

Судя по короткой перепалке, которую гоблины тут же затеяли между собой на своём языке — половину слов Зерон не разбирал, но общий тон был вполне понятен, — они и сами толком не определились, какой из двух вариантов им нравится больше.

— А почему вообще так? — спросил он, стараясь потянуть время. — Что я вам сделал?

— А должен был сделать что-то конкретное? — искренне удивился один из них, самый молчаливый до этого момента. — Ты человек. Мясо. Иногда полезное. Можно продать в лагерь, можно принести в жертву, если понадобится. А иногда и просто мясо, которое лишний раз путается под ногами. — Он пожал плечами с таким равнодушием, что Зерона пробрало холодком. — Если бы не эта твоя ценность, мы бы уже выпустили тебе кишки прямо здесь, забавы ради. Мы вашего брата ненавидим давно и с удовольствием. Как и всех остальных из Союза.

Сдаваться Зерон не планировал, тем более ради того, чтобы стать чьим-то рабом в неведомом лагере. Раз договориться не вышло и, судя по всему, не выйдет, он выхватил нож. Это не было самоубийственным жестом отчаяния, скорее расчётом. Он уже успел почувствовать, насколько быстрее двигается его тело после вложенных в характеристики очков, и ставку сделал именно на эту скорость. Одного гоблина он достал раньше, чем тот успел толком отреагировать: клинок вошёл в горло с сопротивлением, и он отчётливо ощутил, как расходится, подаваясь, живая плоть.

[Получено эссенции жизни — 8]

Вырвавшись из кольца, он остался один против четверых.

Лучника среди них, по счастью, не было, но в прямом столкновении с четырьмя противниками сразу победить он не мог, и это он понимал достаточно ясно, чтобы не тешить себя иллюзиями. Развернувшись, Зерон бросился бежать вглубь леса. Гоблины пустились в погоню, попутно свистя в сигнальные свистки — резкий, режущий ухо звук, от которого хотелось зажать голову руками. Спустя немного времени он услышал ответные свистки откуда-то издалека, с других направлений, и понял: на него объявили охоту, а его самого зажимают в клещи, методично, продуманно, будто не в первый раз проделывали этот трюк.

Пока он бежал, в голове крутилась мысль: он просто скот на убой, и с этим ничего не поделать. Грань, за которую нельзя заходить? Убийство живых существ, о которое он спотыкался всякий раз, стоило только по-настоящему решиться? Что за глупости. Сколько ещё он будет надеяться на чудо, а потом бежать, будто это чудо когда-нибудь само его найдёт?

Нет. Не знаю, как эти зеленомордые, но я умереть окончательно не могу. Боль, смерть? Я пройду через всё это. Но этих тварей я заберу с собой. Всех, до единого.

Он больше не жертва. Жертвы — они. А он — охотник, и охота начинается прямо сейчас.

Резко развернувшись, он бросился навстречу преследователям. Перехватив нож поудобнее, он выскочил прямо на отряд и всадил клинок в ближайшего гоблина, не сбавляя шага. Судя по вспыхнувшему следом оповещению, удар оказался смертельным, и тело противника завалилось назад, ещё не успев толком осознать собственную смерть.

[Получено эссенции жизни — 6]

Тепло разлилось по телу, но задерживаться на нём было некогда. Он прыгнул на второго. Тот увернулся от первого удара, дёрнувшись в сторону с ожидаемой для его комплекции резвостью, но Зерон повернул движение на обратном взмахе и полоснул его по глазам. Гоблин взвыл, вскинув руки к лицу, и в тот же миг нож вошёл ему в сердце.

[Получено эссенции жизни — 7]

В этот момент кто-то рубанул Зерона мечом через всю спину. Рассекающая, сплошная полоса боли от лопатки до поясицы. Когда он попытался развернуться, тем же мечом ему подсекли ноги — одну почти отрубив прямо у колена, оставив держаться на одних лоскутах кожи и сухожилий. Зерон рухнул на землю, ткнувшись лицом в холодную грязь.

Он закричал, но не от боли. Точнее, не только от боли.

— Я вернусь! Я заберу вас всех в ад! Я найду каждого гобл...

Договорить ему не дали. Колющий удар в сердце оборвал крик, и жизнь вместе с ним.

Статистика

Забегов: 5

Уровень: 3 (до следующего — 30)

Сила: 4

Ловкость: 4

Выносливость: 3

Интеллект: 3

Глава 9

Хаб встретил его залиvistым, ничем не сдерживаемым смехом Ариадны.

— Желание поговорить с зелёными человечками, видимо, вшито в природу твоего вида, — она давилась смехом, будто самой не верилось, насколько это забавно. — Помнишь, мы обсуждали твой интеллект? Забудь про него. Забудь совсем.

Зерон, злой и совершенно не расположенный шутить, проигнорировал её веселье.

— Да я этих тварей всех, до последнего...

Ариадна замолчала — резко, будто выключили звук.

— Мы мясо? — продолжил он, чувствуя, как злость снова поднимается по горлу тёплой, тошнотворной волной. — Скот на заклятие для их жертвоприношений? Ну хорошо. Я покажу им, кто здесь скот на самом деле.

— Зерон, — отозвалась она наконец, тише обычного, — когда ты говоришь «мы», ты ошибаешься. Уверена, меня они в расчёт не брали.

— Ты вроде должна мне помогать.

— Я и помогаю.

— И как же?

— Ну, я не только закрываю логические несостыковки в твоей картине мира, но и разряжаю обстановку, когда это требуется. Согласна, вещи они говорили крайне возмутительные, но и тебе не стоит закипать сверх меры. Не забывай, что ты жив, и этого у тебя никто не отнимет. И у тебя всегда есть шанс всё исправить. Сражаться за выживание — это не плохо. Это нужно, и это правильно. Живые существа убивают друг друга. Ради еды, ради территории, ради собственного права на жизнь. Таков естественный порядок вещей. И если тебе вдруг подумалось, что это применимо к животным, но никак не к людям, подумай, кого тогда может вести лишь слепая ненависть?

— Даже не знаю... может быть, гоблинов?

— Вообще-то я имела в виду монстров. Но твой ответ тоже неплох.

— Клятые гоблины.

— Клятые гоблины, — эхом повторила Ариадна, с такой убийственной серьёзностью в голосе, что он невольно фыркнул.

Обстановка разрядилась не до конца, но настолько, чтобы он смог наконец сосредоточиться на цифрах, а не на кипящей внутри злости. Зерон обнаружил, что получил двадцать одну эссенцию — итого ровно тридцать. Он тут же потратил их на новый уровень, вложив очко в ловкость. На вопрос, почему количество эссенции за убийство каждый раз разное, Ариадна ответила коротко: зависит от силы и навыков убитого существа. Чем крепче и опаснее противник, тем больше «жизни» он в себе содержит.

Перед новым забегом он услышал от неё неожиданное, короткое «удачи», и почти не успел удивиться этой перемене тона, как боль уже накрыла его с головой, обрывая всякую возможность спросить, что бы это значило.

Знакомый незнакомый лес.

Перед ним развернулось системное окно.

[Получено достижение: десять убийств — количество поглощаемой эссенции незначительно увеличено.]

Опять «незначительно», — раздражённо подумал он. Система, судя по всему, отличалась своеобразным чувством юмора в вопросах щедрости.

Следом развернулся целый список — и вот это уже заставило его напрячься по-настоящему.

[Получено проклятие: Метка изгоя — животные чувствуют в тебе что-то чужое. Собаки лают при виде тебя, лошади шарахаются и не подпускают близко.]

[Получено проклятие: Хроническая усталость — тело устаёт быстрее обычного и хуже восстанавливает силы даже после отдыха.]

[Получено благословение: Быстрее ветра — тело способно двигаться быстрее, чем позволяют натренированные мышцы.]

А это ещё что такое?

Тяжесть навалилась почти мгновенно. Не физическая, а какая-то всепроникающая усталость, будто он не спал несколько суток подряд, хотя он вообще ни разу за все свои забеги не спал. Захотелось лечь прямо здесь, на прелые листья, и не двигаться. Он с трудом подавил это желание.

Лениво, будто через силу, он обмазался грязью — привычный ритуал — и вышел на охоту. И, несмотря на усталость, придавившую его плечи невидимым грузом, довольно быстро заметил, что до нужных точек добирается неожиданно легко. Быстрее, чем должен был, будто расстояния сами сжимались под его шагами.

Он наткнулся на группу гоблинов и решил атаковать, толком не успев поразмыслить над стратегией. Благодаря внезапно обрётённой скорости он стремительно зашёл со спины и разделся с двумя противниками раньше, чем те успели среагировать. Быстрые, пусть и не самые чистые удары, один за другим.

[Получено эссенции жизни — 6]

[Получено эссенции жизни — 8]

Третьего он добил, пока тот всё ещё судорожно шарил рукой по поясу в поисках оружия. Движение получилось почти ленивым по сравнению с обычной паникой ближнего боя.

[Получено эссенции жизни — 7]

Уставший, выжатый проклятием почти досуха, он позволил себе передышку. Присел на корточки среди тел, борясь с настойчивым желанием просто лечь и закрыть глаза, и решил обождать трупы. Оружие у гоблинов оказалось лучше его собственного огрызка металла: настоящие клинки, пусть и грубой, варварскойковки. Он попробовал приладить и часть доспехов. Основные элементы, скроенные под коренастые гоблинские фигуры, не подошли по размеру совершенно, зато щитки на предплечья и голени удалось закрепить без особых проблем, пусть и с помощью самодельных узлов из обрывков верёвки.

Охота продолжилась, но на этот раз удача, до сих пор так щедро одаривавшая его скоростью, отвернулась полностью. Его заметили первым: отряд оказался и крупнее прежних, и, что куда хуже, с лучниками в составе. Первая же стрела прошла ему ногу навывлет и застряла где-то у самой кости, отозвавшись такой резкой, ослепляющей болью, что он на мгновение потерял из виду, где находится верх, а где низ.

Следом послышались уже знакомые свистки.

Уставший, с раненой ногой, едва слушающейся его, далеко он бы не ушёл, и понимал это достаточно ясно, чтобы не тратить последние силы на бессмысленный бег. Найдя укрытие за поваленным стволом, он дождался, пока гоблины подойдут вплотную, и использовал уже проверенную, отчаянную тактику — самоубийственную атаку с разменом собственной жизни на чужую. Ему удалось, вопреки всему, дотянуться до одного и вогнать нож под рёбра —

[Получено эссенции жизни — 11]

— прежде чем его самого настигали стрелами так, что дальнейшее сопротивление стало попросту физически невозможным.

Он лежал на спине, глядя в проглядывающий сквозь кроны клочок неба, и почему-то думал не о боли, хотя боли было в избытке, а о том, что небо здесь точно такое же, как в прошлый раз. И в позапрошлый. Гоблины не сразу поняли, что он ещё жив, а когда поняли, один из них подошёл ближе, лениво занося меч для последнего, решающего удара.

Зерон посмотрел на него снизу вверх и произнёс единственное, что у него ещё оставалось:

— Ну почему вы не лошади?

Гоблин, судя по всему, не оценил юмора.

После чего Зерон умер.

Статистика

Забегов: 6

Уровень: 4 (до следующего — 53)

Сила: 4

Ловкость: 5

Выносливость: 3

Интеллект: 3

Глава 10

Меня зовут Зерон. Я родился неизвестно где, вырос неизвестно где, в семье неизвестно кого. Мой, судя по всему, единственный день жизни состоит из сплошной рутины: я появляюсь в одном и том же лесу, пачкаю себя грязью, а в последнее время ещё и получаю случайный набор благословений и проклятий, а потом охочусь на гоблинов и обираю их. Так или иначе, это не сильно помогает, ведь после моей смерти всё исчезает. Интересный факт о гоблинах: оказывается, они бывают не только зелёными. Мне попадались и синеватые, и даже с рыжеватым отливом кожи. Диковинные твари, что тут скажешь.

Кстати, я получил достижение за десять смертей. Теперь у меня есть незначительное снижение болевой чувствительности. Ещё одно. Очень своевременно, учитывая, что прямо сейчас меня рвёт на части медведь-людоед.

Когти прошлись поперёк груди, и он почувствовал, как рёбра хрустят под чудовищным весом, придавившим его к земле.

Признаюсь, не самая приятная смерть из всех, что мне довелось пережить. Нож выпал из рук ещё в самом начале, так что остаётся только смиренно ждать, когда это мучение закончится. Кажется, будто у меня нет никаких перспектив. Но это не так. Когда медведь со мной закончит, я окажусь в Хабе, потрачу заслуженную эссенцию, и в следующий раз смогу охотиться чуть эффективнее. А если совсем повезёт — может, наконец выберусь из этого проклятого леса...

Челюсти сомкнулись где-то в районе плеча, и на этом внутренний монолог, как и всё остальное, милосердно оборвался.

Хаб встретил его знакомой чернотой.

— Разве родители не учили тебя не играть с дикими животными? — поинтересовалась Ариадна.

— Судя по происходящему, — отозвался он сухо, — есть у меня подозрение, что я сирота.

Он поделился с ней своей «тяжёлой долей». Раздражённо, но уже без прежнего надрыва, скорее по привычке проговаривать вслух то, что накопилось. Заглянув в Сигил-Каплю, он окинул взглядом плоды собственного труда за последнее время — не то чтобы он что-то забыл или пропустил, просто здесь, в Хабе, все эти забеги наконец-то выстраивались перед ним разом, итогом, а не разрозненным потоком отдельных смертей.

За несколько забегов, не считая крайнего, с медведем, эссенции набралось достаточно, чтобы поднять уровень до седьмого. Характеристики теперь выглядели солиднее: сила — 4, ловкость — 5, выносливость — 5, интеллект — по-прежнему скромные 3. Очко, полученное за новый уровень, — сверх него на этот раз ничего не оставалось, — он потратил иначе, чем привык: не на голую цифру стага, а на узел дерева навыков, светящийся среди тусклых, ещё запертых собратьев: «мягкий шаг», снижающий шум от собственных шагов. Решение было сознательным. Хватит полагаться на одну грубую силу, когда бесшумность спасала жизнь чаще, чем крепкий удар.

Пятнадцатый забег, вопреки всякой логике невезения, оказался на редкость удачным.

[Получено благословение: Улучшенный слух — способность различать звуки на значительно большем расстоянии и точнее определять их источник.]

[Получено благословение: Звериные рефлексy — тело реагирует на угрозу быстрее, чем сознание успевает её осмыслить.]

[Получено проклятие: Боязнь высоты — приступ головокружения и паники при удалении от земли выше собственного роста.]

— По деревьям теперь точно не ползать, — прокомментировал он вслух, ни к кому конкретно не обращаясь.

Партизаны по лесу с азартом, которого сам от себя не ожидал, он вычистил четыре отряда гоблинов подряд, действуя быстро, слаженно, почти не задумываясь. Тело теперь двигалось само, опережая мысли ровно настолько, насколько позволяли благословения.

Добывая четвёртый отряд, он не заметил, как один из гоблинов, уже падая, успел вложить последний вдох в пронзительный свист сигнального свистка. Понимая, что медлить нельзя, Зерон бросился прочь, и в следующее мгновение деревья вокруг расступились, а перед ним открылась поляна, огороженная грубым частоколом. Остановиться он уже не успевал.

Лагерь.

Его окружили и схватили прежде, чем он вообще осознал, что вбежал напрямик в чужой лагерь, а не просто выскочил на очередную прогалину.

Внутри частокола оказалось куда больше построек, чем можно было предположить снаружи, — россыпь наспех сколоченных хижин, дымящиеся костры, вытоптанная до состояния голой грязи земля. А в стороне, ближе к частоколу, стояли клетки. Не одна, не две. Целый ряд, сколоченных из грубых жердей, где-то дополненных ржавыми прутьями, явно снятыми с чего-то другого. Внутри — люди. Изнурённые, оборванные, с потухшими глазами, которые даже не поднялись навстречу новому шуму у входа в лагерь, будто давно перестали ждать, что происходящее снаружи вообще может иметь к ним какое-то отношение. Кто-то лежал неподвижно на голой земле, кто-то сидел, обхватив колени, кто-то тихо, монотонно раскачивался вперёд-назад, будто это единственное движение, которое ему ещё оставили. От клеток тянуло застоявшимся, кислым запахом пота, крови и ржавчины. Тем особым духом, что скапливается там, где людей держат взаперти достаточно долго, чтобы это перестало быть временным.

Зерона поволокли не в клетку, а к центру лагеря, туда, где на грубо сколоченном возвышении, больше похожем на трон из обломков, восседал гоблин, разительно отличавшийся от всех, кого Зерон успел повидать за свои четырнадцать смертей.

Крупнее прочих в полтора раза, с кожей почти чёрной, будто обугленной изнутри, с прожилками, тускло светящимися болезненным багровым светом под самой поверхностью. Глаза без белков. Сплошная чернота, в которой плавали крохотные искры того же тревожного цвета. Как будто испорченный. Не просто гоблин. Что-то, во что гоблина превратили.

— Ещё один, — произнёс вожак. Зерон почему-то сразу понял, что это именно вожак, глядел на него сверху вниз с ленивым, почти скучающим интересом. Голос звучал странно, будто из-под воды, с металлическим призвуком где-то на дне. — Свежее мясо для клеток. Или, — он наклонил голову, — для развлечения. Как настроение сегодня, скот?

— Я не скот, — процедил Зерон, стараясь не показывать, насколько ему не по себе от одного лишь взгляда этих чёрных глаз.

— Все вы так говорите. — Вожак равнодушно повёл рукой в сторону клеток. — А кончате там же, где и они. Или ещё быстрее, если мне надоест ваше нытьё раньше срока. Всем в этом лагере уготована смерть, рано или поздно. Вопрос лишь в том, насколько она будет медленной.

— Я так не думаю, — сказал Зерон, хотя внутри всё сжималось от одного лишь голоса собеседника.

Вожак рассмеялся. Низкий, скрежешущий звук, от которого по коже пробежали мурашки.

— Смелое заявление для существа, у которого даже ножа при себе не осталось. — Он подался вперёд, разглядывая Зерона с новым, куда более острым интересом. — А знаешь, мне скучно последнее время. Хочешь устроим представление? Ты и я, один на один. Победишь — заберёшь с собой хоть всех своих сородичей из клеток, мне не жалко. Проиграешь — что ж, тогда хотя бы честно.

Зерон обвёл взглядом клетки, обмякшие в них тела, глаза, которые всё же начали понемногу оживать при фразе «один на один». Робкая, почти невозможная надежда. Отступить было некуда, да и не хотелось.

— Согласен.

Гоблины развязали ему руки, и расступились, образуя неровный, но достаточно широкий круг посреди лагеря. Оружия, впрочем, так никто и не предложил, будто сама мысль о необходимости давать пленнику клинок казалась им излишней вежливостью. По периметру начали собираться зрители, гомоня, предвкушая зрелище с тем же нездоровым азартом, с каким прежние отряды предвкушали его медленную смерть.

И тогда вожак начал источать нечто, чему Зерон не сразу подобрал название.

Это была не магия в привычном смысле. Ни вспышки, ни свечения. Просто давление. Тяжёлая, тошнотворная волна первобытного, животного ужаса, обрушившаяся на него без предупреждения, будто сам воздух вокруг сгустился до состояния, враждебного самой мысли о сопротивлении. Колени предательски дрогнули. Дыхание сбилось. Даже звериные рефлексy, вложенные в него благословением, на мгновение захлебнулись под этой тяжестью, будто инстинкт выживания сам не понимал, куда бежать от того, что находилось буквально повсюду одновременно.

Гоблин оказался рядом с ним за долю секунды. Зерон даже не успел заметить движения, только ощутил лёгкий, почти ласковый надрез на бедре, сделанный будто мимоходом, без всякого усилия. Он развернулся, попытался ударить — воздух. Пустота. Вожак снова оказался у него за спиной, ещё один надрез, на этот раз по предплечью.

— Ну же, — с искренним, почти дружелюбным разочарованием протянул тот. — А я думал, ты хоть немного повеселишь меня.

Под нарастающее улюлюканье толпы вожак продолжал играть с ним, как кошка играет с полудохлой мышью, демонстрируя пропасть в силе между ними столь наглядно, что даже отчаянная, инстинктивная скорость, подаренная благословением, оказывалась не более чем красивой иллюзией контроля. Зерон бил в пустоту снова и снова, получал новые порезы, каждый из которых саднил сильнее предыдущего, и с каждой секундой этой унижительной пляски внутри крепло абсолютное, ледяное понимание: перед ним настоящее чудовище. Существо, победить которое он ещё очень, очень нескоро сможет, если вообще когда-нибудь сможет.

Финал наступил быстро и буднично. Короткий росчерк ножа поперёк горла, без всякого драматизма, без последних слов. Просто конец.

Оказавшись в Хабе, Зерон всё ещё не мог унять что-то похожее на дрожь — не физическую, поскольку дрожать было нечем, а какую-то более глубинную, будто саму суть того немногoго, чем он сейчас являлся, продолжало трясти эхом только что пережитого.

— Такого я ещё не встречал, — произнёс он тихо, без обычного сарказма.

— Если тебе от этого станет легче, — заметила Ариадна осторожно, — я тоже.

У него накопилось сто сорок восемь эссенции. Он решил: с этим лагерем лучше пока не связываться вовсе. Ни ради пленников, ни ради принципа. И маршрут придётся сменить, куда угодно, лишь бы подальше от того направления, где на возвышении из обломков сидит нечто, способное убить его одним лишь взглядом.

Статистика

Забегов: 15

Уровень: 7 (до следующего — 262)

Сила: 4

Ловкость: 5

Выносливость: 5

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг

Глава 11

Тело снова собиралось из ничего привычной уже болью, и вместе с ней начинался новый забег.

Зерон уже почти перестал удивляться самому факту пробуждения: привычный ритуал, будничней, как утренний зевок. Гораздо интереснее ему теперь было то, что появлялось следом.

[Получено проклятие: Неутолимая жажда — вода перестаёт по-настоящему утолять жажду, оставляя постоянное ощущение сухости во рту.]

[Получено проклятие: Нюх на страх — вы улавливаете запах чужого адреналина за версту.]

[Получено проклятие: Незаживающие порезы — ваши собственные раны не останавливают кровь самостоятельно.]

Три проклятия разом. Ни одного благословения.

Ну спасибо, мысленно проворчал он, разглядывая список. Не считая собственной неудачи с раскладом, что-то смутило его гораздо сильнее, и через секунду он понял, что именно: это был уже второй забег подряд, когда система как-то на него влияла. Обычно между такими подарками проходило несколько забегов.

Стоило бы спросить Ариадну, случайность это или нет.

«Разбирайся самостоятельно», заранее спародировал он про себя её же собственную интонацию и невесело хмыкнул.

Привычка ориентироваться по солнцу стала его второй натурой. Он выбрал направление, прямо противоположное тому, где остался лагерь с чёрным гоблином. Больше он туда не полезет. Ни за какие эссенции.

Двигаясь через подлесок, он на мгновение остановился, разглядывая собственные руки. Это были уже не те костлявые, дрожащие конечности, какими они были раньше. Легко читалось, насколько сильно он изменился снаружи. Мышцы наконец обрели форму, а движения перестали быть неуклюжими рывками перепуганного новичка. Изменения внутри читались не хуже. Там, где раньше сидел только животный ужас перед каждой тенью в кустах, теперь была хоть какая-то уверенность. Тактика партизанской войны полностью себя оправдала: он вычистил три полных отряда гоблинов подряд, действуя из засады, коротко и эффективно, суммарно шестьдесят три эссенции, и обошёл стороной ещё несколько групп, попавшихся по пути, просто потому что не видел смысла рисковать без нужды. В последней из трёх стычек один из гоблинов всё же успел зацепить его клинком по предплечью. Рана оказалась глубже, чем хотелось бы, и ткань рукава почти сразу начала пропитываться тёплым и липким. Вспомнив про свежее проклятие, Зерон с досадой понял, что останавливаться эта кровь не собирается.

Горло тем временем саднило от сухости. Обыскав тела убитого отряда, он нашёл у одного из гоблинов флягу и понюхал содержимое, но ничем подозрительным оно не пахло. Набрав немного жидкости в рот, он подержал её там, едва удерживаясь, чтобы не сглотнуть сразу. *Ну что самое плохое может случиться? Ну умру.* Хотя умирать, если честно, никакого желания не было. Убедившись, что жидкость безопасна, он жадно присосался к фляге и выпил всё без остатка. Саднить горло перестало, но жажда никуда не делась. Он вдруг понял, что это вообще первый раз, когда он что-то пил в этом мире с самого своего появления здесь. Субъективно не прошло и дня. А объективно... сколько он уже здесь? Не ел, не пил, ни разу за все эти многочисленные смерти. Отдёргнув себя от бесполезных размышлений, Зерон продолжил путь.

И вот, двигаясь всё дальше в противоположную от лагеря сторону, он вдруг уловил запах. Сильный. Резкий. Не похожий ни на что из прежнего опыта.

Запах чужого страха оказался чем-то животным, мускусным, с горькой примесью кислоты на самом дне. Тем самым запахом, от которого хочется либо сорваться в бег, либо, наоборот, броситься вперёд, навстречу источнику. Проклятие работало исправно: чутьё, которого у него ещё ранее не существовало, теперь безошибочно вело его на этот запах, будто кто-то вживил ему под кожу отдельный, неподвластный разуму компас.

Он пошёл на запах, не задумываясь особо, зачем, просто повинаясь этому новому, чужеродному инстинкту, и вышел к очередному лагерю.

Снова частокол. Снова клетки с пленниками.

Один из пленников сидел, обхватив колени и прижавшись спиной к прутьям решётки. Зерон готов был поклясться, что уже встречал его в прошлый забег. То же лицо, тот же истощённый взгляд, та же поза.

А потом он увидел того самого гоблина.

Того самого. С чёрной, будто обугленной кожей и багровыми прожилками под ней. Хотя минуту назад он был абсолютно уверен, что шёл в направлении, прямо противоположном тому, где остался этот лагерь.

Ничего не понимая, он развернулся и бросился прочь с той скоростью, на какую только были способны его ноги. Раненый, спешащий, не разбирающий дороги, он попутно вырезал ещё пару отрядов, попавшихся на пути отступления. В сумме это принесло ему ещё сорок пять эссенции. Но в спешке он нахватал несколько новых порезов, один из которых оказался достаточно серьёзным, чтобы к прежней слабости добавилась новая, более настойчивая.

Но запах снова начал усиливаться.

Нет. Не может быть.

Он пошёл на него, теперь уже с холодком где-то под рёбрами, отдельным от простой физической усталости, и вновь вышел к тому же самому лагерю. Те же клетки. Те же пленники. Тот же гoblin, восседающий на своём троне из обломков, будто вообще никуда не двигался всё это время.

Зерон окончательно потерялся в происходящем.

Ладно. Хорошо. Значит, я просто плохо ориентируюсь. Обойду по широкой дуге и продолжу двигаться в прежнем направлении.

К этому моменту пересохшее горло всё сильнее напоминало о себе с каждым новым шагом, но останавливаться в поисках воды было бы откровенной глупостью, да и, если проклятие не врало, толку от этого не было бы всё равно. Незаживающие раны также давали о себе знать в полную силу: слабость нарастала волнами, каждое движение требовало усилия чуть больше предыдущего, а позади него на примятой траве оставался отчётливый, влажный кровавый след. Чудо, что его до сих пор не преследовали, но это, очевидно, был лишь вопрос времени, особенно учитывая, насколько близко этот след пролегал к самому частоколу.

Обогнув территорию лагеря широкой дугой, он продолжил двигаться по прямой, стараясь избегать новых стычек и то и дело оглядывался, опасаясь погони. Но запах снова начал усиливаться. Медленно и неумолимо, будто сама земля под ногами упорно вела его к одному и тому же месту.

Спустя какое-то время он снова вышел к лагерю.

От беспомощности перед происходящим, а может, просто от того, что раны наконец взяли своё, Зерон рухнул на колени прямо там, на опушке, не в силах устоять на ногах.

Да что за чертовщина?! Лагерь и там, и в противоположной точке, и теперь ещё и позади. Куда бы я ни пошёл, я всё равно выхожу к нему!

Он опустил взгляд на землю, туда, где темнела влажно поблёскивающая полоса крови, и с растущим, тошнотворным ужасом понял — это был другой след. Его собственный, но другой. Кровь на нём успела подсохнуть, потемнеть по краям. Можно было бы решить, что это чья-то чужая кровь, случайно оказавшаяся рядом, но сомнений у Зерона не возникло ни на секунду.

Объяснения этому не находилось. И додумывать его сейчас не было ни сил, ни времени.

Измотанный, обескровленный, с горлом, будто набитым песком, шатающийся от слабости, Зерон принял решение, которое ещё несколько забегов назад показалось бы ему безумием: зашёл в лагерь открыто, прямо через главный проход, никого не таясь. Часовой у входа, гoblin, вооружённый копьём, даже не успел толком повернуться на звук шагов. Зерон всадил нож ему в спину, под лопатку, одним быстрым, отчаянным движением.

[Получено эссенции жизни — 10]

Долго наслаждаться этим маленьким триумфом ему не дали.

Крики поднялись почти мгновенно. Со всех сторон посыпались гоблины, и обескровленный, шатающийся Зерон, у которого от слабости уже подгибались колени, не смог продержаться против них дольше пары ударов.

Его убили быстро. Без особых церемоний, будто расправлялись с надоедливym насекомым, а не с чем-то, заслуживающим внимания.

Статистика

Забегов: 16

Уровень: 7 (до следующего — 262)

Сила: 4

Ловкость: 5

Выносливость: 5

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг

Глава 12

Хаб встретил его привычной пустотой. Первым делом Зерон поделился с Ариадной тем, что не давало ему покоя.

— Объясни мне одну вещь. Как я мог трижды подряд выходить к одному и тому же лагерю, двигаясь в разных направлениях? Один раз это случайность. Два, может, совпадение. Но три раза, да ещё когда я специально обходил его по широкой дуге?

— Не знаю, — ответила Ариадна, и в этой честности не было ни капли привычной насмешки. — Правда не знаю, Зерон. У меня нет объяснения этому явлению.

— Замечательно.

— Но если дела обстоят именно так, как ты описываешь, — добавила она после короткой паузы, — то боя с этим гоблином тебе, похоже, не избежать. Рано или поздно система, судя по всему, сведёт вас снова, хочешь ты того или нет.

Зерон невесело хмыкнул. Перспектива нравилась ему примерно так же, как перспектива снова быть задраным медведем, но спорить с очевидным смысла не было. Он принял это как данность, отложив тревогу куда-то на задворки сознания, туда, где уже скопилось достаточно неразрешённых вопросов, чтобы один лишний не особенно менял погоду.

Нужного количества эссенции на новый уровень не хватало совсем немного. Зато накопленного оказалось достаточно, чтобы наконец вложиться во владение кинжалом. Второй уровень, тот самый, за двести семь эссенции, на которые он присвистывал мысленно ещё несколько забегов назад. Разобравшись с этим, он снова покинул Хаб.

Оказавшись в теле, он машинально сжал в руке привычный треугольный кусок металла с деревянной ручкой, и что-то внутри отозвалось узнаванием: нож теперь ощущался в ладони иначе, увереннее, будто пальцы наконец запомнили правильный хват сами, без лишних раздумий.

Дальше потянулась череда забегов, слипшихся в памяти в одну сплошную полосу. Он убивал. Умирал. Возрождался и снова становился чуть сильнее. Где-то посреди этого потока пришло достижение за сотню убийств, вместе с незначительной прибавкой к поглощаемым эссенциям, которой он искренне обрадовался, хотя и не без горькой иронии по отношению к самому поводу для радости. Боль оставалась такой же острой и реальной, ничуть не смягчённой привычкой. А вот страх смерти постепенно выветривался, уступая место чему-то более спокойному, почти рабочему отношению к происходящему. Он не искал боли и не переставал её ненавидеть, но принял как неотъемлемую часть собственного существования здесь, столь же неизбежную, как дыхание.

Лагерь он всё так же старался обходить стороной, разворачиваясь в противоположном направлении, как только его замечал. С солнцем сверяться теперь не имело смысла: судя по всему, лагерь мог оказаться в любой стороне, куда бы он ни направился. Он знал, что рано или поздно окажется там снова, знал, каким будет исход этой встречи, и морально готовился к неизбежному так, как только мог готовиться человек, у которого нет ни единого способа этого избежать.

Так пришёл девятый уровень. А после очередной смерти на счету оказалось шестьсот четырнадцать эссенции. — Пожалуйста, выбери свой класс, — сказала Ариадна.

После того как Зерон взял десятый уровень, потратив пятьсот девяносто пять эссенции, весь Хаб преобразился. Привычные детали интерфейса разом померкли и отступили куда-то на периферию, а прямо перед ним развернулись три новых Сигила, каждый крупнее и ярче обычных.

На первом — воин с мечом и щитом, закованный в тяжёлые доспехи с ног до головы, застывший в стойке, будто вырезанной из камня. На втором — фигура в длинной мантии, с

посохом в руке, из намершия которого срывался огненный шар, застывший на середине полёта. На третьем — крадущийся силуэт в чёрном капюшоне, с двумя кинжалами наперевес, чуть подавшийся вперёд, будто готовый раствориться в тени в любую секунду.

— Выбрать класс? — переспросил Зерон, разглядывая троичу.

— Я так и сказала.

Уже привыкший к своеобразной манере общения Ариадны, он потянулся было к ближайшему Сигилу сам, но она его остановила:

— Имей в виду: класс выбирается только один раз. Перевыбрать ты уже не сможешь.

— Обнадёживает. — Он остановился. — И как мне выбирать? Да и что вообще означает этот выбор? В чём разница между этими тремя?

Ариадна объяснила: класс определит всё дальнейшее развитие. Часть узлов на дереве навыков, до сих пор тусклых и запертых, преобразится под выбранный путь и станет доступной для вложения очков, а оружейные умения обретут классовую специфику. Дальше она подробно прошла по каждому из трёх вариантов.

Воин, рассказала она, — прирождённый лидер: единственный класс, чья сила раскрывается через ауры — пассивные способности, действующие на союзников и врагов и проявляющие себя в полной мере лишь тогда, когда рядом есть кто-то ещё. Тяжёлая броня, щит или двуручное оружие, это сопутствующий, но не главный признак архетипа, суть в другом: Воин ведёт за собой, и его мощь измеряется не только собственным клинком, но и товарищами, следующими за ним. Профильный бонус — к силе.

Маг — редчайший путь, доступный, по её словам, немногим во всём мире, и единственный из трёх, кому вообще открыта магия как таковая. Огонь, лёд, молния, стихии, покорные одной лишь воле и годам обучения. Профильный бонус — к интеллекту, без которого никакая магическая теория попросту не удержится в голове.

А Плут — одиночка. Специалист по скрытности, ловушкам и ядам, тот, кто одинаково уверенно чувствует себя что в ближнем бою на кинжалах, что на расстоянии, с луком в руках. Ни ауры, ни магии. Вместо них независимость и умение выкручиваться там, где остальным классам понадобилась бы поддержка союзников или редкий дар. Профильный бонус — к ловкости.

Больше всего Зерона манил, если совсем честно, второй вариант. Что-то в идее швыряться файерболлами и молниями будоражило воображение почти по-детски. Глупо, наивно, но от этого не менее притягательно. Он на секунду представил, как гоблины горят заживо от его собственной руки, и, к некоторому своему стыду, эта мысль его согрела.

Они с Ариадной обсуждали перспективы долго и всерьёз. Он взвешивал все за и против, прикидывал, как магия могла бы изменить его нынешнюю тактику, но чем дольше размышлял, тем яснее становилось: у него уже давно сложился собственный, отработанный стиль. Партизанская война, засады, короткие смертоносные вылазки из тени, вот что действительно спасало его раз за разом, а не гипотетический огненный шар, брошенный неизвестно куда неопытной рукой. Да, магия могла бы, наверное, спасти его от стрелы в открытом бою, но проверять эту теорию ценой собственной жизни не было ни малейшего желания. Весь его путь, весь опыт, накопленный за двадцать шесть смертей, если верить имеющейся статистике, как будто вёл к одному-единственному, уже предreshённому выбору.

Он выбрал Плута.

Стандартные Сигилы появились снова, выстроившись в привычный полукруг. Клинок раскрылся первым, обнажая ранее заблокированные узлы, и подарил классовый бонус плюс пять к ловкости, коротким, почти щекотным приливом, после чего свернулся обратно. Следом открылся Манекен: безликая фигура сменила облачение на чёрное одеяние с защищённой грудью и спиной, дополненное щитками на предплечьях и голених. Ставший Зерону почти родным самодельный огрызок железки исчез со стойки, и на его месте появилась пара кинжа-

лов. Ничего выдающегося, никакой тонкой работы, просто хорошие, удобные, качественные клинки с лезвием, заметно длиннее и острее прежнего. Рядом с ними расположился лук. Такой же простой, безо всяких изысков, но добротный. А так же колчан с ровным рядом одинаковых стрел, каждая с аккуратным оперением.

Открылся и Сигил оружейных навыков: воин с кинжалом в руках потянулся и взял второй клинок во вторую руку, вставая в зеркальную стойку, будто наконец обретя завершённость. Следом появился совершенно новый силуэт — воин с луком, неловко, будто впервые, вскидывающий его к плечу. Сигил закрылся самостоятельно.

Зерон был приятно удивлён обновлением экипировки.

— Неплохо, — признал он.

— Поздравляю с выбором, — сказала Ариадна с явным теплом в голосе. — Хочешь опробовать изменения прямо сейчас?

— Не очень, — честно признался он. — Но, к сожалению, придётся.

Сигил Капли по-прежнему пульсировал, напоминая о себе. Он раскрыл его и обнаружил так и не потраченное за новый уровень зерно. Вместо того чтобы в очередной раз вложить его в голую цифру стага, он ещё раз внимательно осмотрел уже открытое древо и выбрал из доступных узлов «твёрдый хват» — предметы больше не выскользнут из рук в самый неподходящий момент. Мысль об этом навыке напрашивалась сама собой: слишком уж часто за последние забеги оружие норовило вылететь из ладони в решающий момент боя.

Оказавшись в знакомом лесу, он первым делом осмотрел себя — новая одежда сидела иначе, плотнее, надёжнее прежних лохмотьев, — а затем достал оба кинжала разом. Тот, что оказался в левой руке, лежал в ладони так же привычно, как и в правой, будто левая ладонь всю жизнь ждала своего оружия и наконец его дождалась. Зерон отметил про себя, насколько причудливо изменения, сделанные где-то в Хабе, отпечатываются на самом теле и его повадках. То, чему полагалось бы учиться месяцами тренировок, здесь просто вживлялось напрямую, минуя весь путь наработки.

Он убрал клинки и снял с бедра короткий лук. Тот крепился вдоль левого бедра, в узкой кожаной кобуре с жёсткой внутренней вставкой, чтобы не хрустела при движении, рукоятью вниз, тетивой к корпусу. Одним плавным рывком вверх он переложил его в левую руку. Колчан на правом бедре, плоский, из дублёной кожи, обшитой изнутри войлоком, держал каждую стрелу в отдельной кожаной петельке — оперение назад-вверх, наконечник вперёд-вниз, чтобы одно короткое движение руки от бедра вкладывало древко прямо в пальцы. Наложив стрелу на тетиву, он попробовал выстрелить, примериваясь.

Выстрел вышел кривым. Стрела ушла куда-то в сторону от намеченного дерева, вонзившись в землю совсем не там, где предполагалось. Стало ясно почти сразу: стрелять он толком не умеет, и никакая экипировка сама по себе этого не изменит. Сделав ещё пару столь же безуспешных попыток, он решил не тратить драгоценное время и силы впустую. Сперва нужен уровень владения луком, а уже потом можно будет говорить о какой-то практике.

С этим Зерон убрал лук обратно в кобуру и отправился на новую охоту.

Статистика

Забегов: 26

Уровень: 10 (до следующего — 844)

Сила: 5

Ловкость: 11

Выносливость: 5

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват

Уровень владения оружием: Кинжал — 2, Лук — 1

Глава 13

Отряд гоблинов попался почти сразу. Четверо шли привычным нестройным маршем, переговариваясь в полный голос, точно так же, как и все прежние. Он вышел на них из засады, оба кинжала уже в руках. На этот раз не было ни секунды колебания, ни того вопроса, который раньше всегда успевал прокрасться между намерением и действием. Первый гoblin упал раньше, чем успел развернуться. Короткий, точный удар под рёбра левым клинком, пока правый уже заходил на второго. Тело двигалось само, слаженно, будто танцевало давно выученный танец: шаг, разворот, укол, уклон, снова укол. Парные кинжалы работали не как замена одному ножу, а как что-то совершенно новое. Левая рука прикрывала правую, правая открывала левой путь, и вместе они складывались в узор, которого сам Зерон прежде представить не мог.

Он вырезал весь отряд меньше чем за минуту.

Стоя посреди упавших тел, тяжело дыша уже скорее по привычке, чем от реальной необходимости, он невольно вспомнил своё самое первое убийство. Гоблина в лесу, тот неловкий, отчаянный прыжок, дрожащие руки, страх и отвращение пополам с чем-то тёплым, разлившимся внутри. Тогда это далось ему на грани возможного, ценой последующей смерти. Сейчас он вырезал целый отряд без единой тени сомнения, только приятное, уже почти обыденное чувство от поглощённой эссенции, тёплой волной прокатившееся по венам.

Отряд за отрядом падали под его клинками — быстро, чисто, без лишней драмы. Он не лез напролом: заметив крупную группу, предпочитал выждать и пропустить её мимо, выбирая для атаки те, что поменьше, и партизанская тактика, доведённая теперь до почти механического совершенства, работала безотказно. Он двигался в сторону лагеря, того самого, и с каждым шагом сомнения, ещё живые где-то на дне сознания, становились тише. Лес успел вымотать его достаточно, чтобы он наконец решился: с этим вопросом пора покончить. Сегодня либо он, либо вожак.

Он как раз обдумывал, как подступиться к частоколу — с какой стороны, в какое время, когда посреди лагеря без всякого предупреждения распахнулось нечто, чему он поначалу даже не подобрал название.

Пространство там, в самом центре лагеря, будто треснуло. Вертикальная щель, из которой рвался наружу тусклый багровый свет, а по краям щели плясали статические всполохи, похожие на испорченную картинку, разбитую на квадратные, дрожащие фрагменты. Из этой щели, будто собираясь на глазах из отдельных бракованных пикселей, выползла тварь.

Мерцающий силуэт, не то человекоподобный, не то звериный. Форма его никак не желала устояться, то вытягиваясь в подобие вытянутой пасти, то сжимаясь в бесформенный ком острых углов. Свет проходил сквозь него неровно, будто через треснувшее стекло. Тварь издавала звук. Не рёв, не крик, а какой-то надсадный, режущий слух скрежет, будто кто-то одновременно проигрывал десяток испорченных записей.

Она начала крушить всё живое.

Гоблины падали один за другим. Тварь двигалась рывками, дёргано, будто пропуская кадры между движениями, но каждый удар оказывался смертельным, разрывая доспехи и плоть с одинаковой лёгкостью. Крики, паника, беспорядочное отступление. Лагерь, до этого казавшийся Зерону оплотом непобедимой угрозы, за считанные секунды превратился в хаос.

А потом в бой вступил сам вожак.

Он двигался с той же нечеловеческой скоростью, с которой Зерон уже успел познакомиться на собственной шкуре, но тварь, казалось, не уступала ему ни в чём. Удары сыпались с обеих сторон, ни одна не могла взять верх, и постепенно эта яростная, мерцающая схватка начала смещаться в сторону, ближе и ближе к тому месту, где Зерон замер за деревьями, наблюдая за происходящим с нарастающим напряжением.

Момент, возможно, самый удачный за весь мой путь.

Вопрос был только в одном: кого атаковать.

Вожака он хотел убить давно, с той самой первой унижительной смерти в кольце из гоблинов и их глумливого хохота. Но вожак оставался здесь всегда, циклично, забег за забегом, ждущим финалом одного и того же неизбежного маршрута. А тварь из Разлома была чем-то совершенно новым. Незнакомым. *Какая награда за неё вообще положена? Стоит ли рисковать ради неизвестности?*

Раздумывать дальше не было времени.

Повинуясь скорее интуиции, чем расчёту, Зерон выждал момент, когда тварь оказалась развёрнута к нему спиной, и стремительно бросился вперёд.

Всё сложилось на удивление удачно. Он напрыгнул сзади, вцепился свободной рукой в то, что можно было условно назвать загривком, и принялся вгонять кинжал в дрожащую, нестабильную плоть твари снова и снова, коротко, зло, без разбора. Точно так же, как проделывал это не раз прежде, оказываясь перед превосходящим противником. Тварь заскрежетала громче, забилась, пытаясь стряхнуть его, но твёрдый хват держал крепко: одной рукой он цеплялся за неё, другой продолжал бить, не сбавляя темпа.

В какой-то момент Зерон почувствовал нечто, отдалённо похожее на привычное поглощение эссенции, но другое. Глубже. Будто что-то не просто согревало тело изнутри, а на долю секунды проникало прямо в сознание, коснувшись чего-то такого, чему он даже мысленно не сумел бы подобрать слово. Ощущение исчезло так же быстро, как появилось.

Разбираться было некогда.

Тварь под ним содрогнулась в последний раз и рассыпалась. Буквально рассыпалась, как разбитое зеркало, на мелкие мерцающие осколки, растворившиеся в воздухе прежде, чем успели коснуться земли.

[Получено очко Разлома — 1]

[Получено эссенции жизни — 50]

Не давая себе ни секунды на осмысление, Зерон развернулся и бросился на вожака.

С прокачанными характеристиками, новым классом, парой кинжалов вместо голых кулаков он теперь был заметно ближе к этому существу по силе и скорости, чем в их первую встречу. Достаточно близко, чтобы впервые за всё это время нанести хотя бы пару настоящих, ощутимых ударов. Но всё ещё недостаточно.

Схватка вышла ожесточённой, короткой и, в конечном счёте, безнадёжной. Вожак парировал, уклонялся, бил в ответ с той же убийственной лёгкостью, что и в прошлый раз. Раскрытая ладонь с когтями вошла Зерону под рёбра. Всего один точный удар заставил его согнуться, хватая ртом воздух, которого уже не хватало. *Ближе, — успел подумать он сквозь боль, странно спокойно, почти с гордостью. — В этот раз я был ближе, чем когда-либо.* Следующий удар довершил начатое, оборвав мысль на середине.

Оказавшись в Хабе, всё ещё впечатлённый пережитым, Зерон сразу заметил перемену. Один из Сигилов, до этого тусклый и запертый, теперь пульсировал ярким, тревожным светом. Трещина в пространстве, из которой пробивался тот же багровый свет, что он видел там, в разрушенном лагере, только теперь спокойный, ручной, ждущий прикосновения.

А ведь точно, этот Сигил Ариадна называла Разломом. Именно так — прямо и буквально.

Он потянулся к нему вниманием. Сигил раскрылся вертикальной щелью, из которой вырвались три луча света, тут же оформившиеся в парящие сферы с образами внутри. Каждая живая, движущаяся, будто короткий зацикленный ролик.

— Взгляд сквозь стены, — пояснила Ариадна, когда в первой сфере фигура прижала ладонь к каменной кладке, и стена на мгновение сделалась полупрозрачной, обнажив силуэт

человека по ту сторону. — Позволяет видеть сквозь преграды. Не бесконечно далеко и не сквозь что угодно, но достаточно, чтобы не соваться в комнату вслепую.

Во второй сфере фигура исчезала на месте коротким росчерком, будто моргнула сама реальность, и в следующее мгновение уже стояла в нескольких метрах поодаль.

— Шаг в пустоту, — продолжила Ариадна. — Короткая телепортация. Пространство между двумя точками для тебя на мгновение попросту перестаёт существовать.

Третья сфера показывала фигуру, шагающую прямо по вертикальной поверхности стены, как по обычному полу. Несколько уверенных шагов вверх, прежде чем спрыгнуть обратно.

— А это — Вертикальный шаг. Способность пройти несколько шагов по стене или потолку, будто это горизонтальная поверхность.

— Что это вообще такое? — спросил он, разглядывая три сферы разом.

— Техники Разлома, — ответила Ариадна. — Не магия. Нечто иное.

Он не колебался долго. Стен, сквозь которые стоило бы смотреть, в лесу попросту не водилось, как и необходимости расхаживать по вертикальным поверхностям. Выбор напрашивался сам собой.

Он выбрал Шаг в пустоту.

Предвкушение новой силы, вживлённой прямо в сознание, было почти детским. Тем самым предвкушением новой игрушки, которое мог бы испытывать ребёнок. Но следом, вспоминая тот последний, безнадёжный обмен ударами с вожаком, пришло и другое, куда более трезвое понимание: этого всё равно недостаточно. Нужно становиться сильнее. Быстрее. Опаснее.

Значит, гоблинам пора устроить тотальную аннигиляцию.

С этой мыслью Зерон отправился в новый забег.

Статистика

Забегов: 27

Уровень: 10 (до следующего — 844)

Сила: 5

Ловкость: 11

Выносливость: 5

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват

Уровень владения оружием: Кинжал — 2, Лук — 1

Техники Разлома: Шаг в пустоту

Глава 14

Оказавшись снова в лесу, Зерон первым делом увидел перед собой знакомое системное окно.

[Получено достижение: первая убитая тварь Разлома — незначительное усиление всех разломных способностей.]

Опять «незначительно», раздражённо подумал он. Система, судя по всему, искренне верила, что скромность лучше щедрости.

Закрыв окно, он заметил в правом верхнем углу зрения новую иконку. Крохотную, пульсирующую едва заметным багровым светом. Он потянулся к ней вниманием, как привык делать с любым системным элементом.

Мир вокруг замер.

Не полностью, он всё ещё мог двигаться, но всё остальное застыло: ветер перестал шевелить листву, застывшая на середине падения пылинка зависла в воздухе. Иконка развернулась в тонкую полупрозрачную шкалу, парящую на периферии зрения. Стоило ему шагнуть вперёд, как шкала дрогнула и начала истощаться, деление за делением.

Он остановился, отпустил технику. Пространство вернулось в норму одним мягким толчком, будто выдохнуло вместе с ним, а шкала медленно поползла обратно к полноте.

Интересно.

Разобравшись хотя бы в общих чертах с новой силой, Зерон отправился на охоту. Первый отряд, второй, третий — падали легко, один за другим, под слаженной работой его кинжалов. А затем показался отряд с лучником в составе, и что-то внутри него отозвалось интересом.

Время пришло.

Он бросился прямо на отряд в лобовую, не таясь, не выжидая привычной паузы для скрытного захода со спины. Лучник, заметив его, вскинул лук и начал натягивать тетиву. Стрела едва сорвалась с неё, когда Зерон активировал Шаг в пустоту.

Мир снова замер. Он продолжал бежать сквозь эту застывшую картину. Гоблины, зависшие в незавершённых движениях, стрела, застрявшая где-то на полпути к цели. Но чем дальше он двигался, тем сильнее истощалась шкала на периферии зрения, и с каждым метром пространство становилось всё более вязким, будто он бежал сквозь загустеваяющий кисель. На последних, истончающихся делениях шкалы он всё же успел добраться до лучника и попытаться ударить ножом наотмашь. Клинок прошёл насквозь, будто гoblin был не более чем проекцией. Ещё одно мгновение, и он сам прошёл сквозь противника, ощутив короткий, странный холодок, будто на секунду перестал быть полностью реальным. Пространство схлопнулось обратно в норму почти сразу следом.

Развернувшись, теперь уже в обычном, текущем времени, он вогнал клинок лучнику под основание черепа, прежде чем тот успел толком осознать, что вообще произошло. После этого разобраться с остальными не составило труда.

Окончательно осваивая новую силу на практике в последующих стычках, Зерон продолжал бой, попутно следя за поведением шкалы, — прикидывал, сколько времени требуется на полное восстановление. Около минуты, как выяснилось. Это напоминало запас воздуха в лёгких: можно выдохнуть весь разом, одним рывком, а можно расходовать понемногу, короткими, экономными порциями.

С новой силой он с лёгкостью выкашивал отряд за отрядом. Подойдя достаточно близко к лагерю, он развернулся и пошёл в противоположную сторону, там снова обнаружились отряды, и снова, спустя какое-то время, тот же самый частокол на горизонте. Снова в противоположную сторону — тот же результат. Раз уж лабиринт леса всё равно неизменно возвращал его к одной

и той же точке, он решил больше не мелочиться: пора нападать и на более укомплектованные, тяжеловооружённые отряды. За них наверняка полагалось больше эссенции.

На этот раз удача отвернулась. Численный перевес и тяжёлая броня противников оказались весомее его новых умений. Его убили, и он снова оказался в Хабе.

Новый забег принёс с собой очередной набор системных подарков: проклятие монохромного зрения, лишившее мир красок разом; благословение вампиризма, обещавшее восполнение сил через чужую кровь; проклятие излишней заметности, будто в насмешку его привычным методам ведения боя. Зерон, привычно смирившись с непредсказуемостью системы, снова начал резню.

Дальше потянулась череда забегов, слипшихся в памяти в одну плотную полосу практики, смертей и медленного, упорного роста.

Зерон взял уже тринадцатый уровень. Ловкость выросла ещё на две единицы и теперь равнялась тринадцати. Остальные статки за это время не сдвинулись, ведь все свободные очки уходили именно на то, что действительно решало исход боя. К мягкому шагу и твёрдому хвату добавился эквилибрист из ветки ловкости, позволяющий уверенно держать равновесие даже там, где раньше он неминуемо оступился бы. Владение кинжалом он поднял до третьего уровня и стал орудовать ими ещё увереннее, а вот вложение эссенции во второй уровень владения луком пока себя не оправдывало — стрелы по-прежнему летели скорее приблизительно, чем метко.

Уже уверенный в собственных силах, он начал замечать перемену: отрядов становилось меньше, они попадались всё реже. Даже далёкие сигнальные свистки перестали вызывать привычную тревогу. Теперь они скорее избавляли его от необходимости самому разыскивать гоблинов по лесу, чем несли какую-то реальную угрозу.

Прочесав лес несколько раз и встретив за всё это время лишь один-единственный отряд, он снова вышел к знакомому частоколу. И на этот раз, глядя на него, ощутил не привычный липкий страх, а нечто совсем другое.

Я готов.

Он вырезал всех постовых по периметру, экономя каждое применение Техники, растягивая скудный резерв на самое необходимое, и лишь после этого вошёл в практически опустевший лагерь. Большая часть отрядов, судя по всему, уже никогда не вернётся из своих последних патрулей. Остались только сам вожак и несколько групп, охранявших клетки с пленниками.

— Я пришёл за твоей головой, — сказал Зерон, останавливаясь напротив возвышения из обломков.

Вожак впервые за все их встречи посмотрел на него иначе. Не с ленивым превосходством, а с чем-то, отдалённо похожим на настороженность.

— Теперь понятно, почему патрули перестали возвращаться, — произнёс он медленно, будто пробуя вкус собственных слов. — Твой запах.

Зерон не успел спросить, что именно тот имеет в виду. Гоблины вместе с вожаком разом бросились на него, без предупреждения, без предисловий.

Дальше всё превратилось в сплошной, оглушительный вихрь движения, где не было времени думать — только реагировать, снова и снова, на пределе всего, чему он успел научиться. Он использовал всё, что накопил за десятки смертей: парные кинжалы мелькали в обеих руках, Шаг в пустоту срабатывал ровно тогда, когда очередной клинок должен был найти его тело, но разил лишь застывший воздух там, где секунду назад стоял он сам. Одного гоблина за другим он выводил из боя короткими, точными движениями, не позволяя себе ни секунды промедления.

Когда очередь дошла до самого вожака, тот больше не играл с ним, как кошка с полухвостой мышью. Он бил в полную силу, стремительно, безжалостно, и Зерон впервые за всё

это время действительно держался. Уклонялся, парировал, наносил ответные удары, каждый из которых стоил ему сил, но каждый из которых теперь достигал цели.

— Ну давай же, — прорычал Зерон сквозь стиснутые зубы, уворачиваясь от очередного размашистого удара когтями. — Не такой уж ты и грозный без своей толпы зрителей, ублюдок.

Вожак ответил не словами, а новым, ещё более яростным натиском. Но что-то в его движениях уже надломилось, дало трещину, едва заметную, но такую же реальную, как любая рана. Зерон нырнул под очередной замах, вогнал оба клинка одновременно — под рёбра и в горло, — и почувствовал, как тело под его руками обмякает, теряя последнее сопротивление.

[Получено эссенции жизни — 35]

Тёплая волна прокатилась по телу, куда более насыщенная, куда более весомая, чем от любого прежнего убийства.

И в тот самый момент, когда добивающий удар был уже нанесён, когда всё должно было закончиться привычным ощущением победы и облегчения, реальность вокруг него вдруг начала осыпаться. Не взрывом, а мягко, слоями, как ветхая фреска, обнажающая под собой совсем другую, незнакомую картину.

Мир гас.

А на его месте проступало что-то ещё.

Статистика

Забегов: 49

Уровень: 13 (до следующего — 2013)

Сила: 5

Ловкость: 13

Выносливость: 5

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват, Эквилибрист

Уровень владения оружием: Кинжал — 3, Лук — 2

Техники Разлома: Шаг в пустоту

Глава 15

Боксёрский зал. Тусклый свет над рингом, запах пота, глухой гул наблюдателей за канатами.

На ринге дрался подросток. Узкоплечий, лет четырнадцати на вид, с разбитой бровью и упрямо стиснутыми зубами. Противник, покрупнее и опытнее, снова уложил его на настил ударом справа. Мальчишка упал, и тут же начал подниматься, опираясь на канаты, не дожидаясь счёта тренера. Наблюдатели загудели не то одобрительно, не то издевательски. Он бросился в атаку, размашисто, отчаянно, без всякого расчёта, и почти сразу оказался на полу снова.

Противник ухмыльнулся. Во второй раз мальчишка поднялся медленнее, шатаясь, — и в третий раз оказался на настиле, теперь уже окончательно. Тренер развёл руки в стороны, бой был закончен.

— Элиас! — рявкнул тренер, коренастый мужчина со сломанным носом, с такой силой, что перекрыл гул зала, помогая подростку подняться и уводя его за канаты. — Сколько раз тебе говорить: не лезь очертя голову, когда злишься! Драться нужно головой, а не только кулаками!

Мальчишка — Элиас — угрюмо молчал, размазывая кровь по губе тыльной стороной перчатки.

— Но дух у тебя есть, парень, этого не отнять, — добавил он уже мягче, хлопнув его по плечу. — Потенциал у тебя огромный. Просто сначала тебе нужно научиться побеждать самого себя, а уже потом соперника на ринге.

Картинка дрогнула, смазалась, будто кто-то быстро перемотал плёнку вперёд.

Тот же зал, но свет иначе падал на настил ринга. Время явно сместилось на пару лет. Тот же противник, только теперь Элиас выглядел старше, выше, увереннее в стойке. В опасный момент боя его отбросило к самым канатам сильным ударом. Он покачнулся, едва не упал, но удержался, вцепившись в верёвку, и почти без паузы вернулся в стойку. Уже не размашисто, не отчаянно, а сдержанно, расчётливо, будто прежний урок наконец улёгся где-то в мышечной памяти. Серия точных, коротких ударов, и противник осел на настил, не сумев подняться.

Зал взорвался рёвом.

— Вот это я понимаю, — сказал тренер, широко улыбаясь и вскидывая руку Элиаса вверх. — Юниорский турнир, парень. Ты готов. Я это чувствую.

Картинка снова смазалась.

Дебютный бой. Яркий свет прожекторов, куда больше зрителей, чем в скромном зале, — настоящая арена. Элиас, уже почти взрослый, двигался по рингу легко, уверенно, будто танцевал, и одним точным, коротким ударом отправил противника в нокаут. Зал взорвался овациями. Он вскинул руки над головой, празднуя. В одном кулаке всё ещё была зажата капя, влажная, потемневшая от использования.

Всё вокруг начало темнеть — трибуны, свет, гул толпы гасли один за другим, а капя в его руке, наоборот, начала светиться, разгораясь всё ярче, пока не осталась единственным, что было видно в этой сгущающейся черноте.

Зерон потянулся к ней вниманием.

Капя исчезла. Перед ним развернулось системное окно.

[Эхо обнаружено. Получен Эхо-предмет — Капя. Бонус: получить удар не так страшно.]

Он невесело усмехнулся про себя. «Незначительное усиление», «незначительное снижение чувствительности», а теперь — «не так страшно». Если у этой системы есть создатель, то чувство юмора у него весьма специфическое.

Эхо закрылось самостоятельно, так же внезапно, как и открылось, вытолкнув его обратно в реальность одним резким, почти физическим рывком.

— И что это сейчас было?

Мальчишка на ринге, тренер, гул зала. Он не знал этого лица, никогда прежде его не видел, и всё же почему-то не мог от него отделаться, будто оно приклеилось где-то за глазами и отказывалось стираться. Элиас. Так его назвал тренер. Имя царапало что-то внутри, не узнаванием, а тем странным, тревожным чувством, что оно должно быть знакомым, хотя вспоминать Зерону было попросту нечем. У него не было прошлого, откуда это имя могло взяться.

А если есть?

Может, это была не чужая жизнь, увиденная мельком. Не случайный обрывок чьей-то истории. Может, это была его собственная жизнь, та, которую отобрала пустота вместе со всем остальным, когда он впервые открыл глаза на той плите в лесу.

Вопрос, от которого он никак не мог отделаться, повис без ответа.

Перед ним всё ещё висело системное окно. Не разглядев в нём ничего нового, он закрыл его и оглянулся. Трупы гоблинов вокруг, опустевший, притихший после недавней резни лагерь.

— Прошу, помогите нам!

Голос донёсся от клеток — один из пленников вцепился в прутья решётки, глядя на него с отчаянной, почти болезненной надеждой.

Зерон ещё раз бегло осмотрелся, проверяя, не осталось ли где притаившихся гоблинов, — никого, и направился к клеткам. Замки на них оказались простыми, кустарными, поддававшимися после пары ударов рукоятью кинжала.

— Тебя прислали за нами? — спросил кто-то из освобождённых, пока остальные, шатаясь, выбирались наружу.

— Нет, — честно ответил Зерон. — Никто меня не присылал.

Он окинул взглядом собравшихся вокруг — изнурённых, оборванных, но уже начинающих понемногу оживать людей и, повинувшись скорее собственному любопытству, чем какой-либо необходимости, спросил:

— А вы вообще кто? Откуда? Что это за место такое? И почему я не могу выбраться из этого леса?

Женщина средних лет, прижимающая к себе ребёнка, осторожно уточнила:

— Ты... не знаешь?

Пленники вокруг переглянулись, и в их взглядах отчётливо читалось недоумение. Не испуг, а именно недоумение, будто он спросил что-то настолько очевидное, что сам вопрос показался им странным. Зерон не стал вдаваться в объяснения, чего именно он не знает.

— Чем ещё я могу помочь? — спросил он вместо ответа.

— Проводи нас из леса, — попросил кто-то из мужчин, разминая затёкшие от долгого сидения в тесной клетке конечности. — А мы взамен покажем тебе дорогу.

Зерон согласился.

В тот же момент перед ним развернулось новое системное окно.

[Стартовый рут завершён. Выбран рут — Спаситель. Контрольная точка зафиксирована. Для создания новой Контрольной точки завершите новый рут или отдохните в безопасном месте.]

Он моргнул, разглядывая текст. Пленники вокруг никак не отреагировали на его внезапную паузу, разумеется, не видя ровным счётом ничего. Закрыв окно, он заметил в правом верхнем углу зрения мигающую иконку. Ту самую, где раньше располагалась информация о стартовой руте, эссенциях и карте. Он потянулся к ней вниманием.

На этот раз напротив карты отсутствовала сноска об ошибке.

Карта развернулась перед ним, и он увидел абсолютно правильный, идеально круглый участок леса, по которому он на самом деле кружил все эти забеги, с лагерем, отмеченным ровно в его центре, будто циркулем.

Вот, значит, как это работало.

От изучения карты его отвлёк голос рядом.

— Всё в порядке? — спросил мужчина, стоявший чуть впереди остальных и, судя по всему, бывший здесь за старшего.

Староста деревни оказался невысоким, коренастым человеком лет шестидесяти, с обветренным, изрезанным морщинами лицом и седой бородой, коротко подстриженной, но неопрятной от долгого плена. Один глаз у него был чуть прищурен. То ли давняя травма, то ли просто привычка щуриться от солнца за годы работы в поле. Несмотря на явное истощение, держался он прямо, с достоинством человека, привыкшего отвечать за других даже тогда, когда сам едва держится на ногах.

— Ты как будто завис, — добавил он, вглядываясь в лицо Зерона с лёгкой тревогой.

— Всё в порядке, — отозвался Зерон, закрывая карту. — Просто устал.

Он выдохнул. Медленно, позволяя себе на секунду ощутить всю тяжесть только что пережитого. Староста понимающе кивнул, не став расспрашивать дальше, и на этом разговор сам собой затих.

Пленники приходили в себя и разбирали немногочисленные уцелевшие пожитки. Зерон тем временем осматривал то, что осталось от лагеря. Оружие гоблинов не вызвало у него особого интереса, а вот освобождённые разбирали его охотно, вооружаясь кто чем мог: и мужчины, которых среди пленников оказалось меньшинство, и женщины наравне с ними. Несколько элементов брони Зерон всё же приладил на себя. Выглядели они немного чужеродно на фоне остального снаряжения, зато плечи и бёдра теперь получили хоть какую-то дополнительную защиту. Больше ничего ценного для себя он не нашёл, не считая небольшого мешочка с горстью потускневших монет на теле самого вожака, к которому бывшие пленники так и не решились подойти, будто молчаливо признав его трофеем своего спасителя. Один из них, наблюдая за обыском, тихо назвал эти монеты искрами, с той узнающей интонацией, будто само это слово было ему знакомо куда лучше, чем самому Зерону.

Закончив со сборами, когда в лагере не осталось ничего ценного, они двинулись прочь. Маленькая, потрёпанная процессия, ведомая человеком, у которого не было ни имени, доставшего по праву рождения, ни малейшего понятия, куда на самом деле ведёт эта дорога.

Статистика

Забегов: 49

Уровень: 13 (до следующего — 2013)

Сила: 5

Ловкость: 13

Выносливость: 5

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват, Эквилибрист

Уровень владения оружием: Кинжал — 3, Лук — 2

Техники Разлома: Шаг в пустоту

Конец первого акта

Глава 16

Выход из леса получился резким, будто чаша до последнего шага цеплялась за них, не желая отпускать, а потом вдруг взяла и сдалась разом. Деревья поредели, расступились, и перед Зероном открылось поле, а за полем, на пологом холме, чернело то, что когда-то было деревней. Крыши обвалились внутрь, обугленные балки торчали из пепелищ, как рёбра выброшенного на берег кита, и над всем этим до сих пор поднимался тонкий, ленивый дымок. Не пожар уже, а его усталое послевкусие.

Зерон остановился.

— Что случилось? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь, но достаточно громко, чтобы слышали все.

Ответила ему женщина с ребёнком, та самая, что первой спрашивала его в лесу, знает ли он что-нибудь.

— Вольные кланы, — сказала она глухо, не отрывая взгляда от чёрных развалин. — В последнее время набеги участились. Союз... — Она осеклась, подбирая слова помягче, но так и не нашла. — Союз не в состоянии защитить своих. Не всех. Не всегда.

Один из мужчин, тот, что просил проводить их из леса, договорил за неё:

— Это наша деревня. Была. Они пришли внезапно, без предупреждения. Убили тех, кто взялся за оружие, а таких оказалось немного. Мы обычные хуторяне, не солдаты. Остальных согнали и увели. В лес, к тем самым тварям, что нас держали. — Голос у него дрогнул, но не сорвался. — Дальше вы знаете лучше нас.

— И куда вы теперь? — спросил Зерон, глядя на пепелище.

— Домой, — ответил мужчина, будто вопрос показался ему странным. — Дома отстраиваются заново. Идти нам всё равно больше некуда.

Зерон промолчал. Что-то в этой простоте, в словах о том, что дома отстраиваются заново, царапнуло его сильнее, чем он ожидал, хотя вряд ли сумел бы объяснить, почему.

Он всё ещё обдумывал их судьбу, когда со стороны низкой гряды холмов, огибавшей поле справа, показался отряд. Трое, двигавшихся с той слаженной, отработанной осторожностью, которая выдаёт людей, привыкших воевать вместе.

Впереди — эльф, тонкий, но не хрупкий, с коротким мечом на поясе. Среди пленников Зерону уже случалось видеть остроухие лица, так что особого удивления сама раса не вызвала. За эльфом — женщина с луком, уже наложенной на тетиву стрелой, хоть и опущенной.

Замыкающего Зерон разглядел не сразу, а когда разглядел, невольно замедлил шаг. Существо двигалось на двух ногах, было одето и вооружено не хуже остальных, но лицо его, с вытянутой мордой, острыми ушами, жёлтыми узкими зрачками, принадлежало не человеку и не эльфу, а чему-то куда более звериному. Гиена, если бы гиену вдруг заставили выпрямиться и облачили в чужую одежду и оружие. Гоблинов и людей Зерон уже успел повидать в достатке, но вот такое сочетание зверя, вставшего на путь разумного существа, видел впервые, и это удивило его сильнее, чем он готов был показать. С пояса и перевязи существа свисали амулеты и связки сушёных трав, тихо позвякивавшие при каждом шаге, точно кто-то настроил их на собственный, негромкий ритм.

Эльф остановился первым, вскинул ладонь, подавая сигнал замереть, и меч его наполовину вышел из ножен, куда быстрее, чем того требовала простая осторожность.

— Стоять! — Он смерил Зерона тяжёлым взглядом, задержавшись на его лохмотьях, на пленниках за спиной. — Кто ты и куда ведёшь этих людей? Живо отвечай, пока я не решил, что ты один из тех, кто на них наживается.

Зерон не успел ответить. Обстановка накалилась быстрее, чем он рассчитывал. Лучница уже подняла лук, зверочеловек забормотал что-то себе под нос, шевеля пальцами в жесте, явно предшествующем какому-то ритуалу.

— Я никого никуда не веду, — начал Зерон, но его тут же перебили, только не эльф, а сами бывшие пленники.

— Да вы с ума сошли?! — рявкнул мужчина, вставая между Зероном и остриём меча. — Это он нас спас! В одиночку! Пока весь ваш Союз и в ус не дул, что нас там держат, он вошёл в тот лагерь и вытащил всех, кто ещё был жив!

Остальные загомонили следом, вразнобой подтверждая сказанное, и что-то в этом нестройном хоре звучало убедительнее любой отдельной клятвы.

Эльф опустил меч медленно, будто до конца не веря услышанному.

— В одиночку, — повторил он. — Целый лагерь.

— Целый лагерь, — подтвердил кто-то из толпы.

Лучница опустила лук первой, разглядывая Зерона теперь с совершенно иным выражением. Уже не с подозрением, а откровенным, неприкрытым любопытством.

— Ладно, проехали, — буркнул эльф, убирая меч в ножны, но не до конца. Палец так и остался лежать на рукояти. — Не ожидал такого поворота, чего уж там. Тобиас, — представился он, — глава разведывательного отряда. Мы шли по следу похищенных, выполняя приказ коменданта Саркаса, чей лагерь находится неподалёку.

Он коротко представил остальных: Йолу — лучницу, и Зинка — ритуалиста. Затем повернулся к освобождённым.

— Комендант с радостью предоставит вам временный приют. Еда, кров, защита. Всё, что нужно, пока не решите, что делать дальше. — Он снова взглянул на Зерона. — А тебя я бы попросил пройти с нами и лично доложить коменданту о случившемся. То, что ты сделал, ему стоит услышать напрямую.

Люди согласились без единого возражения. Усталость и голод сделали выбор за них задолго до того, как Тобиас договорил. Зерон тоже кивнул. Другого варианта у него попросту не было. Идти, кроме как с ними, было некуда.

Дорога до лагеря заняла около часа, и почти всё это время отряд забрасывал его вопросами.

— Кто ты? Откуда родом? — спросил Тобиас, пристраиваясь рядом.

— Не знаю, — честно ответил Зерон. Он сам удивился этой честности. В ней, как ни странно, было что-то освобождающее. — Не помню ничего, кроме момента, когда очнулся в лесу. Даже как выгляжу не знаю.

— Серьёзно? — Йола, до этого державшаяся чуть позади, тут же поравнялась с ним, разглядывая с неприкрытым интересом. — Совсем ничего? Даже в воду не смотрелся?

— Как-то не до того было, — ответил он уклончиво.

— Ну тогда позволь, — Йола склонила голову набок, критически его осматривая, — я окажу тебе услугу. Волосы цвета каштана. Скулы, от которых любая портретистка бы разрыдалась от восторга. Глаза синие, глубокие. Брови изломаны мягко, но выразительно, будто ты вечно на грани немого вопроса. Губы полные, чётко очерченные, с лёгкой асимметрией. Подбородок аккуратный, но не слабый, с едва заметной ямкой. Придаёт лицу этакое хулиганское обаяние. А в целом выражение такое, будто ты только что вышел из сна и ещё толком не решил, нравится тебе явь или нет. — Она задержалась взглядом чуть дольше положенного. — В общем... вполне в моём вкусе, если тебе интересно моё мнение.

Зерон невольно улыбнулся, хотя сам факт этого описания вызвал в нём странное, двойственное чувство. Лицо, которое она описывала, совершенно не совпадало с тем, тёмноволосым пареньком с ринга из Эха. Он отметил это про себя молча. Ещё один вопрос без ответа, присоединившийся к длинному их списку.

— Йола, — резко произнёс Тобиас, и в его голосе на этот раз не было прежней лёгкости. Скорее неподдельное удивление, чуть отдающее обидой.

— Что? Я просто отвечаю на вопрос человека, который не знает, как сам выглядит. Это благотворительность.

Зинк за всё это время не произнёс ни слова, лишь изредка поглядывая на Зерона с тем же настороженным, оценивающим прищуром, с каким смотрел на него с самого начала. Бывшие пленники время от времени вставляли собственные реплики, то уточняя детали пути, то просто переговариваясь между собой в предвкушении близкого отдыха.

— А почему из леса вообще нельзя было выйти? — спросил Зерон, когда разговор ненадолго затих. — Я серьёзно. Куда бы я ни шёл, снова выходил к тому же самому лагерю.

Тобиас на секунду задумался, а потом хмыкнул.

— Значит, ты просто отвратительно ориентируешься в лесу, — сказал он с самой серьёзной миной, на какую только был способен, — и вдобавок редкостно невезуч. Другого объяснения у меня нет.

— Утешительно, — сухо отозвался Зерон.

Так, за разговорами, они и добрались до лагеря — куда более серьёзного укрепления, чем гоблинский часток: настоящая деревянная стена в два человеческих роста, ров вдоль неё, сторожевые вышки через равные промежутки. Их встретил комендант Саркас. Высокий, крепко сложенный мужчина лет сорока, с лёгкой щетиной, явно не отращенной специально, а просто оставленной без внимания за недели похода, и тяжёлым, спокойным взглядом металлических-холодных глаз. Отряд коротко доложил о произошедшем, после чего освобождённых повели к лекарям — подлечиться, поесть, наконец отдохнуть по-настоящему.

Перед тем как разойтись, каждый из них нашёл минуту подойти к Зерону. Кто-то коротко пожать руку, кто-то обнять, кто-то просто взглянуть с той благодарностью, для которой слов не находится. Обещания не забыть повторялись раз за разом, пока последний из них не скрылся за пологом лекарской палатки.

Саркас коротко переговорил с разведотрядом в стороне. Зерон не расслышал слов, но по тому, как напряглись лица бойцов и как коротко кивнул Тобиас, понял: разговор шёл о следующем задании.

— Пройдём, — сказал Саркас, кивнув Зерону в сторону своего шатра.

Тобиас хлопнул Зерона по плечу на прощание.

— Приятно было познакомиться при столь драматичных обстоятельствах, — сказал он с лёгкой усмешкой. — Нас, впрочем, уже ждёт следующее задание, раз уж эту работу, получается, уже выполнили без нас.

— Ещё увидимся, — добавила Йола, задержав взгляд на секунду дольше, чем требовалось для простого прощания, и в её голосе отчётливо прозвучало обещание, а не просто вежливая формальность.

Зинк издал короткий, гортанный звук. Не то рык, не то что-то похожее на прощальное «до встречи» на языке, которым он, наверное, пользовался куда охотнее общепринятых слов.

Отряд удалился, а Зерон вошёл в шатёр коменданта.

Разговор внутри вышел долгим и по-военному методичным. Кто такой Зерон, откуда родом, не шпион ли, не перебежчик ли, как именно ему удалось в одиночку справиться с целым гоблинским лагерем. Особенно Саркаса заинтересовало описание силы вожака. Той самой ауры, что давила Зерона к земле одним своим присутствием.

Зерон рассказал уже знакомую самому себе историю — третий раз за последние сутки, если считать разговоры с пленниками и разведотрядом: очнулся в лесу без памяти, выбраться не мог, куда бы ни шёл, снова и снова выходил к тому же лагерю.

Саркас нахмурился, побарабанив пальцами по столу.

— Возможно, дело в каком-то гоблинском ритуале, — произнёс он задумчиво. — Что-то, не позволявшее пленникам сбежать. А когда ты убил вожака, ритуал попросту рассеялся вместе с ним. Это бы объяснило и то, почему наши поисковые отряды никак не могли найти в этом лесу ровным счётом ничего.

Зерон не стал спорить. Версия звучала не хуже любой другой, которую он сам мог бы придумать.

Закончив расспросы, Саркас поблагодарил его. Коротко, без излишней теплоты, но вполне искренне, и предложил тоже воспользоваться помощью лекарей, поесть, отдохнуть.

— Только я попрошу пока не покидать лагерь, — добавил он. — Периметр в любом случае охраняется, так что уйти ты бы всё равно не смог, но мне хотелось бы поговорить ещё раз, когда отдохнёшь. — Он сделал паузу. — К твоей палатке на ночь приставят стражника. Ничего личного. Обычная предосторожность.

— Как скажете, — ответил Зерон без малейшего возражения.

Возражать, если честно, не хотелось совершенно. Он ни разу в жизни ничего не ел, насколько вообще мог судить. Только однажды пил воду из чужой фляги. Отдохнуть, а не резать гоблинов до потери сознания, звучало настолько заманчиво, что любые условия казались мелочью.

Умывшись в деревянной бадье у лекарской палатки, он впервые в жизни, или, по крайней мере, в той её части, которую помнил, увидел собственное лицо, отразившееся в тёмной воде. Каштановые волосы. Скулы, действительно достойные портрета. Йола описала его на удивление точно.

Лекарка, осмотревшая его раны, оказалась немолодой женщиной с усталыми, но добрыми глазами. Она провела ладонью над самым глубоким порезом на предплечье, и Зерон почувствовал, как кожа под её пальцами вдруг потеплела, а затем начала срастаться сама собой, будто кто-то невидимый сшивал её изнутри. Боль ушла раньше, чем он успел вздрогнуть от неожиданности.

— Магия? — спросил он, разглядывая ровную, уже зажившую полосу там, где секунду назад зияла рана.

— А ты как думал, — фыркнула лекарка, не отрываясь от следующего пореза. — Не мазью же с рынка тебя такого латать.

Зерон промолчал, разглядывая собственную руку с тем же благоговейным недоверием, с каким разглядывал недавно собственное отражение.

Получив помощь у местных целителей, он встретил старосту сожжённой деревни. Человека, которого сам же и вывел из плена. Они вместе дошли до полевой кухни, взяли по миске густой похлёбки и сели за длинный, грубо сколоченный стол.

Первая ложка отозвалась во рту таким количеством вкуса разом, что Зерон на мгновение забыл о разговоре вовсе: наваристый бульон, разварившийся картофель, кусок мяса, найденный где-то на самом дне миски. Стало вдруг ясно, зачем людям вообще сдалась вся эта возня с готовкой.

— Ты правда ничего не знаешь? Совсем ничего? — спросил староста, наблюдая, как он расправляется с похлёбкой едва ли не быстрее, чем прожёвывает.

— Совсем, — подтвердил Зерон. — Даже про то, где я нахожусь в общих чертах.

Староста хмыкнул, отставил в сторону свою ложку и заговорил. Неторопливо, как человек, которому не раз доводилось объяснять устройство мира собственным детям.

— Тогда слушай. На севере — Объединённый Союз. Люди, эльфы, гномы, халфлинги. Три государства под одной крышей: люди в Арондоле — это столица, там правит король Дариан. Эльфы в Итилионе, гномы в Кар-Друне. У халфлингов своей столицы отродясь не было, они живут анклавами по всей нашей земле, торгуют да мирят остальных, когда те ссе-

пятся. Все вместе они зовутся Советом Трёх. А мы вот здесь стоим на Железных Равнинах. Это приграничные земли, руду отсюда добывают и везут вглубь Союза, там уже куют.

— А кроме севера? — спросил Зерон.

— На востоке — Туманные Пределы. Земля беспокойная, там всё меняется само по себе едва ли не каждый день. Какая уж тут постоянная жизнь. Никто подолгу не задерживается. На западе — Архипелаг Тысячи Осколков, там зверюги живут, ныряльщики за астральным жемчугом. С нами не воюют, торгуют. — Он сделал паузу, будто нарочно оставляя самое неприятное напоследок. — А вот на юге Вольные Клань. Орки, гоблины, таурены, тифлинги, кобольды. Своей столицы у них тоже толком нет, разве что Грул-Кар считать. Это крепость, выдолбленная в потухшем вулкане. Земли у них зовутся Пепельными Равнинами. Правит там сильнейший — Верховный Вождь, сейчас это орк по имени Урган Сломанный Рог. Гоблины у них не в почёте, вечно в подчинении у орков, хотя, говорят, в последнее время что-то там меняется.

— И война связана с этими изменениями?

— Война у нас давно, парень. Дольше, чем кто-либо из живущих помнит её начало. Наши деды воевали, деды дедов воевали. Земля вдоль границы столько раз переходила из рук в руки, что уже никто толком не помнит, чья она была первой. — Он вздохнул, разглядывая остывающую в миске похлёбку. — А в последние месяцы Вольные Клань будто с цепи сорвались. Набеги участились. Ты и сам видел последствия. Что-то там у них явно происходит, но что именно, толком никто сказать не может.

Он рассказал ещё немного. Про Фронтир в самом центре континента, нейтральную землю, где живут в мире даже враждующие фракции, про столицу тех земель, Вавилон, про Драконов, которых чтут, но видят разве что в храмовых фресках. Зерон слушал внимательно, время от времени вставляя наводящие вопросы, и разговор незаметно растянулся на весь вечер, пока небо над лагерем не потемнело окончательно.

Все разошлись спать. Зерон — не исключение.

Он лежал на грубом, но неожиданно удобном тюфяке в отведённой ему палатке и не до конца верил, что действительно может вот так просто закрыть глаза и уснуть, не опасаясь за жизнь. Ощущение было настолько чуждым, что казалось почти подозрительным.

Тем не менее сон забрал его быстро.

Он оказался в Хабе.

Первой мыслью была паника: неужели он умер во сне? Неужели что-то подкралось к палатке незамеченным, и вот сейчас, наяву, его горло...

— Расслабься, — раздался голос Ариадны, в котором отчётливо слышалось веселье. — Хотя, знаешь, вероятность того, что ты всё-таки умер прямо там, в палатке, я исключить не могу. Заманчивая версия, если подумать.

— Очень смешно.

— На самом деле нет, — продолжила она уже серьёзнее. — Каждый раз, засыпая, ты будешь получать возможность потратить накопленную эссенцию. Как своего рода бонусное окно между забегами. — Она сделала короткую паузу. — И у тебя появилось что-то новое.

Перед ним развернулся Сигил незнакомый прежде, простой и лаконичный: полумесяц, будто дремлющий сам по себе.

— Точка сохранения, — пояснила Ариадна. — Прикоснёшься к нему, и Контрольная точка зафиксируется прямо в момент твоего пробуждения. Здесь, в лагере, а не там, где зафиксирована нынешняя Контрольная точка.

Зерон замер, осмысливая услышанное, и тут же похолодел от новой мысли.

— Стой. То есть когда я выйду из Хаба, меня снова ждёт та же боль? Пересборка тела заново, вот это всё?

— Нет. — Голос Ариадны прозвучал неожиданно мягко. — Нового тела не будет. Изменения произойдут прямо в уже существующем. А со стороны, для любого, кто на тебя посмотрит, это будет выглядеть как самый обычный сон. Ты просто проснёшься.

Он выдохнул с облегчением, которого не ожидал от себя сам.

Разобравшись с новым Сигилом, Зерон заглянул в раздел Эхо. Тот самый, что до этого оставался запертым. Сигил рассыпался, открывая ряд пустых, слабо мерцающих ячеек. Витрины, ожидающие содержимого, которого пока не было. В одной-единственной из них лежала потрёпанная капа.

Бонус: получить удар не так страшно, как кажется.

— Это с чего они вообще так решили? — спросил он, разглядывая описание.

— Судя по всему, разработчики этой системы решили, что психологическая подготовка не менее важна, чем физическая, — невозмутимо ответила Ариадна. — Или у них просто закончились идеи получше.

Обсудив нелепость бонуса ещё немного, Зерон коснулся Сигила сохранения и отправился обратно.

Возвращение из Хаба обернулось не пробуждением, а погружением ещё глубже. В сон. Настоящий, лишённый всякого контроля.

Ему снились гоблины. Много гоблинов. Очень много. Куда больше, чем он когда-либо встречал за один забег, и все они, разумеется, его убивали, снова и снова, в каком-то нескончаемом, лишённом логики калейдоскопе смертей.

Он подскочил с криком, ещё не до конца понимая, где находится, — и напугал сидевшую рядом Йолу так, что та отшатнулась, едва не опрокинув табурет.

— Спокойно, спокойно, это я! — быстро сказала она, вскинув руки. — Пришла тебя будить, а ты так мирно поначалу спал, что я, признаться, засмотрелась.

— Извини, — выдавил он наконец. — Дурной сон.

— Судя по твоему воплю, не просто дурной, а эпически дурной. — Йола дождалась, пока Зерон поднимется. — Идём завтракать, расскажешь по дороге, если захочешь.

Он не захотел, и она, к чести своей, не настаивала.

По пути к столовой Зерон заметил старосту, направлявшегося от завтрака в противоположную сторону, и коротко кивнул ему в знак приветствия. Тот ответил тем же, с тёплой, узнающей улыбкой.

В столовой собрался весь вчерашний разведотряд, пополнившийся тремя новыми лицами. Гном с арбалетом за спиной, представившийся Греггом Крепкозубом, сидел за столом, зажав между колен какой-то мелкий механизм, и деловито возился с ним прямо между ложками похлёбки, то подкручивая крохотный винтик, то поднося деталь к глазу для оценки. Рядом халфлинг по имени Тиббит, вертлявый и любопытный, то и дело поглядывающий на Зерона с нескрываемым интересом; у скамьи, прислонённый рядом с ним, стоял посох, до странности похожий на тот, что Зерон видел на Сигиле мага во время выбора класса. И, наконец, огромный воин по имени Лео, с мечом в ножнах за спиной — оказавшийся, вопреки первому впечатлению, весьма разговорчивым: он с ходу включился в застольную беседу с той лёгкостью, какая бывает только у людей, годами делящих один и тот же стол и одни и те же шутки.

Гном и халфлинг привлекли внимание Зерона куда сильнее человека и эльфа. На людей он уже успел насмотреться, а вот такие расы видел впервые, и ему стоило усилий не разглядывать их слишком уж откровенно.

За завтраком выяснилось: позавчера Вольные Клань, пробравшись лесами скрытно, совершили набеги сразу на все окрестные деревни разом, и Зерон оказался единственным, кому вообще удалось хоть кого-то вернуть.

— Целый отряд разведчиков рыскал по лесу, — заметил Грегг, не отрываясь от своего механизма. — А тут является какой-то никому не известный парень и вытаскивает пленных. Обидно, если по-честному.

— Не обижайся, — хмыкнул Зерон. — Мне просто повезло.

За столом ненадолго повисла неловкая тишина, прежде чем Лео со смехом не разрядил обстановку:

— Обидно ему не поэтому. Обидно, что все его хитрые игрушки так ни разу и не пригодились, а тут раз, и без единой железки.

Гном что-то беззлобно проворчал в ответ, покосившись на собственный механизм, и разговор соскользнул на менее колючую тему.

После завтрака Зерона снова вызвали в шатёр коменданта.

Саркас повторил уже известную из утреннего разговора информацию, подтвердив вчерашнюю теорию о ритуале как официальную версию произошедшего, а затем задал прямой вопрос:

— Ты точно больше ничего не можешь рассказать?

— Не знаю, — ответил он, и впервые действительно ощутил неловкость собственной честности. — Я же говорю, ничего не помню до момента пробуждения.

Саркас кивнул, будто ожидал именно такого ответа, и озвучил ту же теорию ещё раз, уже развёрнуто: судя по рассказу, поисковые отряды не могли найти пленников из-за ритуалов, вызывавших пространственные искажения, а Зерону каким-то образом удалось сквозь них проникнуть.

— Возможно, — неосторожно уточнил Зерон, — искажение образовалось прямо там, где я уже находился. То есть я оказался внутри него ещё до того, как оно вообще возникло.

Взгляд Саркаса моментально изменился. Стал острее, внимательнее.

— А что ты вообще делал на этой территории до того, как искажение возникло?

Вопрос повис в воздухе, и Зерон почувствовал, как атмосфера в шатре ощутимо сгустилась.

— Не знаю, — честно ответил он. — Я же говорю, ничего не помню до момента пробуждения.

Саркас помолчал, разглядывая его с прежним, тяжёлым спокойствием.

— Тебе следует отправиться вместе с разведывательным отрядом в Вавилон, — сказал он наконец. — Там есть менталисты, способные прочесть память. Возможно, именно в твоём прошлом спрятан ключ к спасению остальных пленных. — Он выдержал паузу. — Если откажешься, я заставлю тебя силой. При всей моей благодарности за то, что ты сделал, спасение людей для меня важнее.

Зерон не колебался.

— Согласен. — Он взял со стола Саркаса какую-то мелочь, повертел в пальцах и положил обратно. — Если эти менталисты правда смогут заглянуть в моё прошлое, это будет только мне на руку. Я и сам хочу знать, кто я такой, не меньше вашего.

Саркас коротко кивнул, будто удовлетворённый ответом.

— Отряд соберётся через пару часов. Выдвигаетесь сразу же. — Он посмотрел на Зерона внимательнее. — Хотя ты и не пленник, и согласился добровольно, до отправления тебе стоит подождать здесь, в шатре, под присмотром стражи. Разумная предосторожность против побега. Не в твой адрес лично, так заведено для всех.

— Логично, — отозвался Зерон с лёгкой усмешкой. — Предосторожность есть предосторожность, я не в обиде.

Время потянулось медленно. Он сидел на грубой лавке в углу шатра, разглядывая карту на столе коменданта и сверяя её с тем, что вчера вечером рассказал ему староста, пытаясь мысленно уложить услышанное в некое подобие цельной картины мира.

Снаружи вдруг раздался шум. Крики. Звон металла. Где-то совсем рядом взревел рог тревоги.

Зерон вскочил и бросился к выходу. Стражники у порога тут же скрестили копья, преграждая путь.

— Стоять! — рявкнул один из них.

— Что происходит?! — крикнул Зерон, пытаясь заглянуть через плечо стражника наружу.

— Приказ коменданта, — отрезал второй. — Никуда не выходить.

В следующую секунду в шатёр ворвался сам Саркас — взмокший, с обнажённым мечом в руке.

— Лагерь атакован, — бросил он с порога, не тратя время на объяснения. — Ты, возможно, ключ к разгадке всего происходящего, а значит, слишком ценен, чтобы рисковать тобой в этой драке. Прямо сейчас, немедленно, вместе с разведотрядом ты бежишь в сторону Вавилона.

— Вы уверены, что это правильное решение? — спросил Зерон, чувствуя, как внутри поднимается что-то похожее на протест. — Люди здесь дерутся, а вы предлагаете мне сбежать?

— У нас был уговор, — жёстко ответил Саркас, глядя ему прямо в глаза. — Если ты действительно на нашей стороне, не усложняй мне работу сейчас, когда каждая секунда на счету.

Зерон коротко кивнул, подавив желание спорить дальше.

Вместе с разведывательным отрядом, наспех собранным среди поднявшегося вокруг хаоса, они покинули лагерь, оставляя за спиной звон оружия, крики и багровые сполохи занимающегося где-то пожара.

Статистика

Забегов: 49

Уровень: 13 (до следующего — 2013)

Сила: 5

Ловкость: 13

Выносливость: 5

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват, Эквилибрист

Уровень владения оружием: Кинжал — 3, Лук — 2

Техники Разлома: Шаг в пустоту

Глава 17

Лагерь горел.

Не отдельными очагами, а весь, целиком, будто кто-то методично прошёлся факелом по каждой второй палатке. Дым стелился низко, разъедая глаза, и в этом дыму метались фигуры. Свои, чужие, было уже не разобрать, только сталь, то и дело отражавшая пламя, да крики, слишком много криков разом, чтобы вычленишь из них хоть что-то осмысленное.

Весь отряд пробивался наружу разом. Тобиас впереди, прорубая дорогу коротким мечом, резкими, злыми, выверенными до предела ударами. Йола чуть позади, выцеливая всё, что подступало со стороны. Лео прикрывал фланг размашистыми ударами двуручника. Грегг стрелял из арбалета в любую щель между союзными спинами. Зинк и Тиббит держались чуть в стороне от общей давки, не участвуя в ближнем бою напрямую, и то, что они творили издалека, заворачивало не меньше самой резни. Тиббит вскидывал посох, и в воздух срывались продолговатые ледяные иглы, входившие во врагов с влажным, хрустящим звуком. Зинк тем временем плёл руками сложный, почти гипнотический узор, бормоча что-то на своём языке, и там, куда падал его взгляд, воздух густел, приобретал почти осязаемую, маслянистую плотность, обрушиваясь на выбранную цель проклятием. Кто-то из поражённых падал замертво без единой видимой раны, кто-то вдруг разворачивался и с диким рыком набрасывался на собственных соратников. Зерон бежал рядом с Йолой, добывая тех, кого она успевала лишь ранить.

— Как они вообще оказались внутри?! — крикнул Зерон Лео, отбивая очередной удар.

— Ударили со стороны леса! Оборона там не выдержала! Не отвлекай!

С боем вырвавшись за пределы горящего лагеря, отряд тут же попал под преследование — организованное, слаженное, будто их специально выдавливали в нужном направлении, а не просто гнали. Первым отстал Лео. Зерон услышал его короткий, оборвавшийся на середине рёв где-то позади и не успел даже обернуться, чтобы понять, что произошло. Следом не стало Тиббита. Халфлинг вскрикнул один раз, тонко и резко, и голос его тут же захлебнулся в общем шуме боя.

Зинк продержался чуть дольше остальных, прикрывая тыл отчаянными рывками вперёд-назад. И всё же его настигли, повалили общей массой, и последним, что Зерон успел разглядеть, был звериный оскал зубов на его морде, а следом просто крик боли.

Дальше бежать становилось всё труднее, а спустя ещё немного и вовсе стало некуда. Впереди, отрезая путь так же надёжно, как настоящая стена, вырос строй преследователей, наконец настигших измотанный отряд.

Среди преследователей были крупные, коренастые, напоминавшие гоблинов существа, только размером чуть больше человека. Были массивные, рогатые, похожие на быков, поставленных на две ноги. И совсем уж непонятные создания с кожей цвета тлеющих углей, у которых по ладоням временами пробегало дикое, живое пламя. Каждый из них по отдельности стоил десятка гоблинов, и Зерон понял это не только по тому, с какой лёгкостью они рвали строй отряда, но и по системным вспышкам, накрывавшим его с каждым удачным ударом:

[Получено эссенции жизни — 41]

[Получено эссенции жизни — 57]

[Получено эссенции жизни — 63]

Цифры взлетели настолько, что он на долю секунды даже сбился с ритма боя, слишком поражённый несоответствием привычных единиц и десятков.

Отряд отбивался яростно, но их выбивали методично, одного за другим. Сперва Грегг, затем Тобиас, пока рядом с Зероном не осталась только Йола, отступавшая спиной к спине с ним. Численный перевес был подавляющим. Одна из рогатых громадин снесла его с ног един-

ственным боковым ударом, отшвырнув на несколько метров, и, прежде чем он успел подняться, чей-то топор нашёл его ударом в грудь.

В следующее мгновение он уже был в Хабе.

— Ну хоть бы один день без смертей! — заметила Ариадна с той интонацией, в которой сквозила чистая, ничем не прикрытая насмешка. — Не сказать, чтобы я возлагала на тебя большие надежды, но мне казалось, к своей жизни стоит относиться бережнее.

— Да я бы, знаешь, с радостью. Поел, поспал, никого не трогал, а тут очередная гора трупов и лагерь в огне. — Он выдохнул. — Хотя, если по существу: раз уж всё пошло наперекосяк, теперь моя задача, судя по всему, как-то во всём этом разобраться. Найти способ, при котором лагерь выживет, а вместе с ним и все, кто в нём остался.

Зерон невесело хмыкнул и тут же залез в энциклопедию, чтобы проверить кое-что. Раздел заметно расширился: то ли рассказ старосты сыграл роль, то ли собственный опыт боя, а может, и то и другое разом, но теперь там значились названия существ, с которыми он только что дрался. Крупные, похожие на гоблинов, только выше и мощнее — орки. Рогатые быки на двух ногах — таурены. Существа с угольной кожей и пламенем в ладонях — тифлинги.

— А ты заметила, сколько эссенции они давали? — спросил он. — Один орк, как половина отряда гоблинов.

— Заметила, — подтвердила Ариадна. — Так что, возможно, дело пойдёт веселее, чем кажется на первый взгляд.

С этим он отправился обратно. Привычный приступ боли пронзил тело, и на этот раз пробуждение не показалось Зерону таким приятным.

Он вскочил с криком, перепугав сидевшую рядом Йола ещё сильнее, чем в прошлый раз. Теперь она всё же не удержалась и свалилась с табурета, шумно приземлившись на пол палатки.

— Кошмар? — спросила она, поднимаясь и отряхиваясь, стараясь звучать легко, хотя тревога в её голосе была вполне искренней.

— Вроде того, — отрезал он, уже вскакивая на ноги и натягивая сапоги на ходу. — Мне срочно нужно к Саркасу.

Он выбежал из палатки прежде, чем Йола успела спросить что-либо ещё, и, пока бежал к шатру коменданта, замечал вокруг те же незначительные изменения, к которым уже успел привыкнуть в лесу: не выкорчеванный валун у тропы, которого в прошлый раз не было, чуть иначе выстроенные телеги у дальнего склада.

Что сказать Саркасу?

Про перерождения, про Хаб, про повторяющиеся забеги не расскажешь никому, не нарушив прямого предупреждения системы. Но соврать, соврать он вполне мог попробовать.

Практически ворвавшись в шатёр, он с порога выпалил:

— Прошу прощения за вторжение.

Саркас поднял голову от карты, на удивление спокойный.

— Я ждал тебя. Просто не так скоро.

— Сейчас не до любезностей. — Зерон перевёл дыхание. — На лагерь готовится нападение.

— Откуда тебе это известно?

— От главы гоблинского лагеря, — соврал он, стараясь звучать как можно увереннее. — Забыл упомянуть раньше. Видимо, сказалась усталость.

Саркас напрягся, и весь его вид разом изменился. Расслабленность утренней беседы сменилась настороженной, почти враждебной сосредоточенностью.

— Ты говоришь это всерьёз?

— Абсолютно.

— Тогда объясни мне вот что. — Саркас медленно поднялся из-за стола. — Я уже опросил спасённых пленников. Ни один из них ни словом не обмолвился ни о каком нападении. Ни

намёка, ни слуха, ничего. А теперь являешься ты и рассказываешь мне то, что противоречит показаниям всех остальных свидетелей разом.

Зерон замер, только сейчас в полной мере осознавая, насколько глупо выглядела его затея со стороны, но отступить было уже поздно.

— Это военный лагерь, — продолжил Саркас, а голос его стал ледяным. — Мы готовы к нападению всегда, вне зависимости от твоих откровений, более того, мы его ждём каждый день. Но вот что меня беспокоит куда сильнее — я и без того тебе не доверял, а теперь ещё и поймал на откровенной лжи. — Он кивнул кому-то за спиной Зерона. — Значит, придётся допустить, что ты ведёшь какую-то свою, грязную игру. И до выяснения обстоятельств тебя придётся взять под стражу.

Двое воинов, стоявших у входа, шагнули вперёд без лишних слов. Зерон не сопротивлялся, пока на его запястья защёлкивали холодные, тяжёлые кандалы. Сопротивление сейчас выглядело бы куда более подозрительным, чем покорность.

— Последнее, — сказал он Саркасу, пока стражники разворачивали его к выходу. — Они ударят со стороны леса. Оборона не выдержит. Время я не могу назвать точно, но скоро. Очень скоро. В течение часа-двух.

Саркас смерил его долгим, непроницаемым взглядом, но кивнул страже:

— Объявить повышенную готовность.

Зерон сидел в кандалах в углу того же шатра, куда его привели под конвоем, и ждал.

Ждать пришлось недолго.

Первые крики донеслись снаружи спустя, наверное, час, не больше. Затем шум нарастал: звон стали, треск горящего дерева, рёв боевых рогов. Освобождать Зерона никто не спешил, но по звукам, доносящимся снаружи, по тому, как крики защитников постепенно сменялись криками боли, а победные возгласы атакующих становились всё увереннее, было ясно: лагерь медленно, но верно сминают.

Полог шатра дрогнул. Внутри проскользнула Йола.

— Будет обидно, если такая красота просто так сгинет в этом шатре, — сказала она, окидывая его быстрым, оценивающим взглядом и уже доставая из-за голенища тонкую отмычку, чтобы разобраться с замком кандалов. — Нам вроде как надо уходить.

— Ценю жест, — отозвался Зерон, — но если я сбегу, Саркас точно не одобрит.

— Саркас уже ничего не одобрит. — Голос Йола прозвучал непривычно жёстко. — Он мёртв. И если мы прямо сейчас не уйдём отсюда, мертвы будем и мы.

Расклад ему совсем не нравился. Он ведь сам решил попытаться спасти этот лагерь, а идея сбежать после собственного же предупреждения выглядела как минимум неуместно. Но пока он существует, всё, теоретически, можно исправить, а умрёт сейчас, значит, начнёт заново, и толку от этого будет ещё меньше. Быстро прикинув все за и против, Зерон решил всё же посмотреть, куда это приведёт.

Замок поддался. Кандалы с грохотом упали на землю.

У выхода из шатра, настороженно вглядываясь в дым, их ждал Тобиас. Целый, без единой видимой раны.

— Стражники, что охраняли тебя, были уже мертвы, когда мы подошли, — коротко пояснила Йола, перехватив недоумённый взгляд Зерона. — Кто-то расправился с ними раньше нас, а внутрь, видимо, сунуться поленился. Считай, повезло.

Дальше они побежали втроём, прорываясь через дым и огонь к дальней стене лагеря.

— Остальные из нашего отряда мертвы, — бросил Тобиас на бегу, не глядя на Зерона. — Грегг, Тиббит, Лео, Зинк — все. Если бы не Йола, ты бы уже присоединился к ним. Помни об этом. Будь благодарен.

Зерон не совсем понял, к чему это было сказано именно сейчас, посреди бегства, но переспрашивать времени не было.

Они почти пробились. Впереди уже виднелся пролом в стене, свободный от боя коридор к спасению, когда Зерон заметил их: небольшую группу гражданских, зажатую в углу между двумя палатками. Бойцы Вольных Кланов уже обступали их плотным полукольцом, явно не собираясь тянуть с развязкой.

Он не выдержал.

Развернувшись, он бросился в их сторону. Не думая, не взвешивая, просто повинуюсь чему-то, что оказалось сильнее любого расчёта.

Врываясь в самую гущу вражеского кольца, он думал только одно: этот расклад ему всё равно не нравится, и побег — не выход, вне зависимости от того, сколько раз он попытается его повторить. Йолу и Тобиаса он не винил, они были разведчиками, а не героями по долгу службы, и просто выбрали не умирать там, где можно было этого избежать. Выбор как выбор, ничем не хуже любого другого. Где они сейчас, он уже не знал. Потерял из виду где-то в дыму, среди общего хаоса, и оборачиваться, чтобы проверить, не было времени. Да, они его спасли. Но умирать вместе с ним не поспешили.

Ну и хорошо. И правильно.

Он активировал Шаг в пустоту, пытаясь выиграть хоть немного пространства для манёвра среди наседающих врагов, но численное превосходство и на этот раз оказалось решающим. Меч вошёл под лопатку прежде, чем шкала успела истощиться даже наполовину.

Зерон проиграл. И умер.

Статистика

Забегов: 50

Уровень: 13 (до следующего — 2013)

Сила: 5

Ловкость: 13

Выносливость: 5

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват, Эквилибрист

Уровень владения оружием: Кинжал — 3, Лук — 2

Техники Разлома: Шаг в пустоту

Глава 18

Зерон завис в пустоте Хаба, прокручивая варианты один за другим.

Врать Саркасу тем же способом, что и в прошлый раз, снова придумывать историю про главу гоблинского лагеря, не имело смысла. Саркас точно так же опросит пленных, точно так же не найдёт в их словах подтверждения, и результат окажется абсолютно идентичным прошлому — не хуже и не лучше, просто тем же самым.

И всё же в этот раз он, судя по всему, изменил ход событий куда сильнее, чем рассчитывал: пара неосторожных фраз, и вместо простой отправки с разведотрядом Саркас погиб. Да и сам отряд практически весь лёг там же, в лагере. Может, их спешно бросили в оборону, вместо того чтобы отправить в путь?..

Йола. Тобиас.

Они ведь спасли его. Рискнули собой ради человека, которого знали от силы сутки. И этот завтрак. Обычный, ленивый разговор ни о чём, где они вполне дружелюбно к нему отнеслись. Может, стоит попробовать не хитрить, а просто попросить о помощи напрямую?

План начал складываться. Сырой, с кучей незакрытых дыр, но хоть какой-то план. А терять ему, если подумать, было особо нечего.

Отправляясь в новый забег, Зерон впервые за долгое время ощутил что-то похожее на воодушевление.

Привычный приступ боли, крик, и рядом, как всегда, испуганная Йола. И в этот раз она не удержалась и свалилась с табурета, шумно приземлившись на пол палатки.

— Кошмар? — спросила она, поднимаясь и отряхиваясь.

— Да, вроде того.

— Прости, — сказала она. — Пришла тебя разбудить и немного засмотрелась, как ты спишь.

— Очень рад тебя видеть.

Йола на секунду смутилась, Впрочем, не слишком сильно, а во взгляде вдруг проступило что-то более тёплое, чем обычная настороженность.

— Уже флиртуешь со мной?

— Нет. Но я правда рад. — Он сел, потирая виски. — Пойдём позавтракаем, у меня будет несколько вопросов к тебе и твоим товарищам. Они ведь нас уже ждут?

— И откуда такая уверенность?

— Просто знаю. Об этом тоже нужно будет поговорить.

Зерон вышел из палатки. На этот раз лагерь встретил его лёгкой моросью, оседающей на лице холодными, редкими каплями. Он отметил про себя: с каждым повтором что-то незначительное меняется — погода, положение какого-нибудь валуна, но ключевые события остаются прежними, будто их держит на месте что-то куда более прочное, чем случайность.

На завтраке он поздоровался со всеми по именам, которых, по идее, не должен был знать, вызвав удивлённые взгляды, но развивать эту тему не стал, сразу переходя к делу:

— Куда вас вчера отправляли?

— Искали похищенных, — ответил Грегг, не отрываясь механизма. — Безрезультатно.

— Когда вернулись?

— С полчаса назад, — добавил Тобиас, уже с лёгким подозрением разглядывая Зерона. — А тебе с чего вдруг такой интерес к нашим маршрутам?

Зерон понимал: он переступает грань между обычным дружелюбием и подозрительным любопытством, но решил добавить, раз уж отступить всё равно было некуда.

— Уже докладывали Саркасу?

— Ещё нет, — ответил Тобиас, прищурившись.

— Отлично. Тогда слушайте внимательно, у меня просьба. — Он выдержал короткую паузу, собираясь с духом. — Знаю, звучит дико. Не могу объяснить, откуда знаю, но знаю так же, как знаю ваши имена. Сегодня, через пару часов, на лагерь произойдёт нападение. Все погибнут. Саркас мне не доверяет, и если я расскажу это ему напрямую, он заподозрит меня ещё сильнее. Я хочу, чтобы вы ему соврали. Скажите, что во время вылазки наткнулись на следы армии. Саркас всё равно захочет отправить меня с вами в Вавилон, но выбраться мы уже не успеем.

За столом повисла тишина, густая и настороженная. Бойцы смотрели на него с той смесью подозрения и растерянности, с какой смотрят на человека, только что предложившего что-то одновременно безумное и слишком конкретное, чтобы быть простой шуткой.

— Что ты несёшь? — первым не выдержал Грегг, отложив отвертку. — Ты что, ясновидящий? Откуда у тебя такие знания? То, что Саркас тебе не доверяет, мы и так знаем. Мы тоже тебе, если по-честному, не особо верим. А то, что он отправит нас с тобой в Вавилон, он сказал ещё перед последней вылазкой — это ты вполне мог подслушать. Но остальное... что ты вообще затеял?

— Считайте меня ясновидящим, — ответил Зерон, глядя ему прямо в глаза, — или кем угодно ещё, если так проще принять услышанное. Но это правда. На лагерь нападут, и без вашей помощи мне со всем этим не справиться в одиночку. Во-первых, если вас всё же отправят в Вавилон, вы все погибнете по дороге. Во-вторых, лагерь будет сметён, а я хочу его отбить. Я сильнее, чем кажусь, — способен переломить ход этого боя, если у меня будет время и хоть немного помощи. Я хочу спасти лагерь. И этих людей.

Тишина затянулась ещё на несколько секунд. Тобиас переглянулся с остальными, будто взвешивая невидимые чаши весов, а затем повернулся к отряду:

— Предлагаю проголосовать.

Первой руку подняла Йола. Почти сразу, без раздумий.

— Кто бы сомневался, — беззлобно фыркнул кто-то из бойцов.

Следом руку поднял Тиббит.

— Я его не знаю, — сказал он, пожимая плечами, — но привык искать в людях хорошее. Плохого в этом мире и без того хватает. Да и, если он прав, а мы ему не поверим. Умирать совсем не хочется.

— А я, — Зинк заговорил вдруг настолько чисто и разборчиво, что Зерон едва не вздрогнул от неожиданности, — доверяю своим инстинктам. Они пока не подводили.

Тобиас обвёл взглядом отряд, будто подводя итог.

— Значит, ситуация следующая, — произнёс он медленно. — У нас есть безумная просьба поверить в сверхъестественные знания человека, которого мы видим почти впервые, соврать коменданту, и половина отряда уже согласна. Причём без единого веского аргумента, просто по наитию. Всё верно?

Никто не возразил.

— Звучит как полнейший бред, — заключил он и вздохнул. — Но я согласен.

Отряд явился к Саркасу единым фронтом. Тобиас, не моргнув глазом, доложил о «следах армии», якобы замеченных во время вылазки. Крупный отряд, движущийся со стороны леса, судя по всему, готовящийся к скорому нападению. Саркас слушал внимательно, задавал уточняющие вопросы про численность и вооружение, на которые бойцы отвечали с той же убедительной неопределённостью, какую обычно допускают настоящие разведданные. Комендант кивнул, объявил повышенную готовность по всему лагерю, и следом вызвал к себе Зерона.

Разговор в шатре пошёл почти так же, как в первый раз. Саркас предложил менталистов в Вавилоне, ключ к спасению остальных пленных, всё то же самое, слово в слово. Но когда дело дошло до отправки, комендант вдруг остановился и заявил:

— Учитывая, что нам предстоит отражать нападение, отправку придётся отложить. Тобой нельзя рисковать в разгар боя, ты переждёшь его здесь, под стражей.

— Позвольте мне остаться и помочь в обороне, — попробовал Зерон. — Я справлюсь лучше, чем кажется.

— Ты переждёшь здесь, под стражей, — повторил Саркас тем же непреклонным тоном, каким уже озвучивал похожее решение прежде. — Разговор окончен.

Протестовать дальше не было смысла. Зерон мысленно смирился и решил: когда начнётся нападение, он просто сбежит из-под охраны, используя Шаг в пустоту, и вступит в бой сам, наплевав на любые приказы. План не самый изящный, но других вариантов пока не нашлось.

Время шло. Зерон сидел в отведённой ему палатке под присмотром двух стражников, напряжённо прислушиваясь к малейшему шуму снаружи, готовый сорваться с места при первом же тревожном звуке. Час. Два. Дождь снаружи то усиливался, то стихал, лагерь жил обычной вечерней жизнью. Переключки часовых, звон котелков на кухне, ничего похожего на панику или бой.

Но нападения так и не произошло.

Саркас, зная из доклада разведки, что где-то в лесу враги якобы готовятся к атаке, держал на всякий случай повышенную готовность до самого вечера, а затем, так и не дождавшись ничего, отдал приказ выдвигаться.

Зерона вместе с разведотрядом всё-таки вывели из лагеря, конвоируя в сторону Вавилона, и он ещё долго оглядывался через плечо на удаляющиеся стены, целые, невредимые, ничем не напоминающие то пожарище, которое ему довелось видеть дважды. Ложь сработала. Атаки не случилось.

Радоваться этому почему-то не получалось. Кандалы натирали запястья при каждом шаге. Не так сильно, как хотелось бы Тобиасу, судя по тому, с каким мрачным удовлетворением тот их защёлкивал, но достаточно, чтобы Зерон постоянно помнил об их присутствии.

Отряд выводил его из лагеря под конвоем. Не таясь, среди бела дня, мимо тех самых людей, которых он сам же вытащил из гоблинского плена. Кто-то из них, заведя кандалы, рванул было вперёд, что-то возмущённо крича, но стражники у ворот привычным, отработанным движением оттеснили их в сторону, не позволяя приблизиться.

— Отпустите его! Он нас спас! — донеслось откуда-то сзади, но голос быстро потонул в общем гуле лагеря, и никто из конвоя даже не обернулся.

По дороге в сторону Вавилона бойцы почти не скрывали своего раздражения.

— Ты нас заставил врать коменданту, — процедил Грегг, не глядя на Зерона. — Врать напрямую, в лицо. А теперь ещё и выясняется, что вся эта твоя история с нападением была... чем? Ошибкой? Выдумкой?

— Хуже, — тут же добавил Тобиас, и в его голосе звучала настоящая, неприкрытая злость. — Ты использовал наше доверие. Мы поверили тебе на слово, без единого доказательства, — а ты подставил нас всех перед комендантом.

Йола единственная промолчала, коротко взглянув на Зерона с чем-то похожим на сочувствие, но вмешиваться не стала.

— Я не врал, — возразил Зерон, стараясь звучать как можно спокойнее, несмотря на кандалы и общую враждебность вокруг. — Я не знаю, почему нападения не случилось. Если бы я хотел вам навредить, если бы был врагом, разве я не мог бы просто сказать Саркасу прямо, что вы солгали ему по моей просьбе? Это было бы куда проще и надёжнее.

Тобиас замедлил шаг, обдумывая услышанное, и Зерон видел, как злость на его лице чуть смягчается, уступая место сомнению.

— Может, и так, — признал он наконец, неохотно. — Но это ничего не меняет. Тебя всё равно доставят в Вавилон. Любой ценой. Хоть силой, если понадобится.

Разговор на этом угас, оставив после себя тяжёлое, недоверчивое молчание.

Зерон шёл, разглядывая дорогу под ногами, и параллельно прокручивал в голове куда более насущную проблему. Текущий рут не был завершён, а значит, если он сейчас позволит увезти себя в Вавилон, с лагерем будет покончено. Спасённых людей либо перебыют вместе со всеми остальными, либо снова захватят, и на этот раз их уже вряд ли спасут.

Нужно что-то делать. Причём быстро.

Он начал перебирать варианты.

Побег? Даже с Шагом в пустоту далеко не уйти. Шкала истощится раньше, чем он оторвётся от конвоя, а бежать с кандалами на запястьях и вовсе абсурдная затея. Освободиться от оков силой? Он вспомнил, как одежда оставалась при нём даже во время телепортации, а значит, кандалы, скорее всего, последуют тем же правилам и просто переместятся вместе с ним. Напасть на конвой? Шестеро вооружённых бойцов против одного безоружного — самоубийство без всякого смысла, да и убивать их не хотелось совершенно.

Покончить с собой? Мысль промелькнула и тут же показалась абсурдной: он видел местную магию исцеления, видел, как быстро срастаются даже самые тяжёлые раны под чужими пальцами. Откуси он себе язык, его, скорее всего, просто спасут, а сам он останется калеккой без единого шанса объясниться хоть с кем-нибудь.

И тогда он вспомнил.

Нельзя рассказывать никому о системе. Попытка ведёт к мгновенному перезапуску.

Он замер на секунду, взвешивая эту мысль со всех сторон. Мгновенный перезапуск — это ведь тоже способ вернуться в Хаб?

— Хотите узнать, — сказал он вслух, останавливаясь, — как я на самом деле узнал про нападение?

Отряд остановился следом, недоумённо переглядываясь.

— Ну давай, — фыркнул Тобиас, скрестив руки на груди. — Удиви нас.

И Зерон начал рассказывать. Про смерти. Про перерождения. Про голос в темноте, который называет себя Ариадной, про Хаб, про сигилы, про то, что нынешний день он проживает уже не в первый раз.

Слова вдруг начали даваться труднее, будто сам воздух вокруг сопротивлялся их произношению. Он не успел договорить и половины, когда мир начал стремительно терять цвет.

Краски гасли неровно, толчками, будто кто-то раз за разом выкручивал яркость всё ниже и ниже, не давая глазу привыкнуть к новому оттенку серого, прежде чем убрать ещё немного. Но коллапс, как выяснилось почти сразу, ударил не по окружению, не по бойцам, застывшим перед ним с непонимающими лицами, а по нему самому. Пространство будто выталкивало его собственное присутствие вместе с только что произнесёнными, запретными словами. Резкая, дезориентирующая боль, куда мучительнее той, к которой он уже успел притерпеться за десятки обычных смертей. Он не успел даже толком испугаться. Темнота проглотила его целиком, вместе с оборвавшимся на полуслове криком.

Системное окно развернулось раньше, чем он успел осознать, что глаз, которыми можно было бы его прочитать, у него больше нет.

[Энтропийное проклятие добровольно активировано. Штраф!!! Ошибка!!! Рут в процессе!!! Пересмотр!!! Ошибка!!! Зафиксированы активные действия. Штраф не наложен!!!]

Он успел изучить текст от начала до конца, прежде чем закрыть окно, и лишь потом заметил, что уже находится в Хабе, лишённый тела, лишённый боли.

— Что это вообще было? — спросил он, всё ещё пытаясь осмыслить пережитое. — «Штраф», «ошибка», «пересмотр» — оно там что, спорило само с собой?

— Похоже на то, — ответила Ариадна, и в её голосе впервые за долгое время звучала не насмешка, а нечто похожее на искреннюю неуверенность. — Я, честно говоря, тоже не до конца понимаю все внутренние механизмы. Я — твой внутренний помощник, а не внешний

наблюдатель за самой системой. Я не вправе вмешиваться в её решения или как-то на них влиять. Вижу примерно то же, что и ты. Хотя, стоит отметить, твоё решение было довольно оригинальным.

Зерон помолчал, переваривая это признание, а затем не выдержал.

— Да чтоб его. — Он в сердцах выругался, хотя ругаться сейчас было решительно не на кого. — План ведь был хорош! Ребята мне поверили, согласились помочь, а нападения так и не случилось! Я не могу ни остаться и вмешаться напрямую, ни предупредить их толком, чтобы это сработало!

Он замолчал, обрывая собственную тираду на середине, потому что только сейчас, немного остыв, начал понимать очевидное. Смысла в самом предупреждении, как оказалось, было немного. Во второй попытке лагерь был готов к нападению заранее и его всё равно смяли. Значит, дело не в том, чтобы просто заранее знать. Значит, нужно не предупреждать, а суметь вмешаться в сам бой, оказаться там, где решается исход, а не сидеть под замком в шатре коменданта.

Немного успокоившись, он позволил себе задуматься глубже, и в голову закралась мысль, от которой стало не по себе.

Почему, когда он рассказал всё разведотряду заранее, а не Саркасу напрямую, — нападения не случилось? А когда он сказал Саркасу лично, — оно состоялось точно в срок?

Объяснений напрашивалось три: чистая случайность, кто-то подслушал разговор с отрядом, или же среди самих разведчиков затесался предатель. Мысль эту не хотелось даже допускать всерьёз. Йола, Тобиас, остальные, все они казались достаточно искренними, чтобы поверить в такое было тяжело. Но и полностью исключить эту возможность он не мог, особенно учитывая одно неизменное обстоятельство: ключевые события, судя по всему, никогда не менялись сами по себе, а значит, разница в исходе была вызвана именно тем, что он сделал по-другому, и ничем иным.

Вопрос нужно решать именно с комендантом, лично, без посредников. Но как, если любая прямая попытка убедить его неизменно сводилась к одному и тому же: отправке в Вавилон, вопреки любым уговорам?

Если бы он не соглашался фиксировать Контрольную точку во сне, можно было бы заново поговорить со старостой и пленниками, договориться с ними, но теперь Саркас уже успел их допросить. Что именно он у них спрашивал? Что они рассказали, а о чём умолчали?

Зерон решил: для начала стоит поговорить со старостой ещё раз, выяснить все детали, а уже оттуда двигаться дальше, шаг за шагом, пока не найдётся способ, который действительно сработает.

С этим он отправился в новый забег.

Статистика

Забегов: 51

Уровень: 13 (до следующего — 2013)

Сила: 5

Ловкость: 13

Выносливость: 5

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват, Эквилибрист

Уровень владения оружием: Кинжал — 3, Лук — 2

Техники Разлома: Шаг в пустоту

Глава 19

Зерон снова проснулся с криком.

Йола не удержалась и свалилась с табурета, шумно приземлившись на пол палатки.

— Прости, — сказала она, поднимаясь и отряхиваясь. — Пришла тебя разбудить и немного засмотрелась, как ты спишь.

— А мне как раз снился кошмар, в котором ты меня не разбудила, — отозвался Зерон, садясь и потирая виски.

Йола на мгновение растерялась, а затем покраснела, заметнее, чем обычно.

— Идём завтракать, — бросила она, направляясь к выходу, будто желая скрыть смущение за деловитостью.

— Спасибо за приглашение, — сказал Зерон ей вслед, про себя уже решив, что на самом деле следовать за ней прямо сейчас не собирается.

Он вышел из палатки следом, но чуть отставая, зная заранее, что где-то на этом пути должен появиться староста, возвращающийся с завтрака. Так и вышло. Знакомая, чуть сутулая фигура появилась ровно там, где он и ожидал.

— Доброе утро! — окликнул его Зерон, а затем повернулся к Йоле. — Извини, догоню тебя чуть позже. Хочу узнать, как дела у спасённых.

— Составить тебе компанию? — предложила она.

Зерон улыбнулся, стараясь, чтобы отказ не прозвучал обидно.

— Не в этот раз. Мне нужно поговорить с ним наедине, дело личное.

Йола пожала плечами и, не настаивая, пошла дальше в сторону столовой одна.

Оставшись со старостой, Зерон, понимая, что времени у него не так много, сразу перешёл к делу.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал он без лишних предисловий. — Можете считать меня плохим человеком за то, что я прошу об этом сразу после спасения, пусть так, но мне правда важно, чтобы вы ответили.

Староста нахмурился, окидывая его долгим, изучающим взглядом, но кивнул.

— Спрашивай.

— О чём вас допрашивал Саркас и его люди?

Старик медлил с ответом, разглядывая его чуть прищурившись.

— А тебе зачем это знать?

— Я оказался в непростой ситуации, — честно ответил Зерон. — И не знаю, как из неё выбраться. Меня сейчас подозревают, и эта информация может помочь.

Старик помолчал, разглядывая его так, будто взвешивал что-то куда более важное, чем простой вопрос.

— Когда вся эта хваленая армия не смогла нам помочь, — сказал он наконец медленно, — а спас нас именно ты, в одиночку, я понял одну простую вещь. Ты хороший человек. Ни в чём не виноватый, что бы там ни думал комендант. — Он тяжело вздохнул, будто принимая какое-то давно откладываемое решение. — Идём. Пойдём к нему вместе.

Двадцать лет назад в Арондоле жил очень сильный менталист.

Тогда его звали иначе, тем именем, которое он сам похоронил вместе со всей своей прежней жизнью, но сейчас, вспоминая себя того, он предпочитает думать о нём просто как о «менталисте», будто это был кто-то другой, а не он сам.

Он прорывается на пятую ступень рано, значительно раньше положенного срока. Редчайший, почти легендарный успех для его возраста. Новое развитие его магии оборачивается проклятием почти сразу же: способность, которую он про себя называет Оракулом, выходит

из-под контроля. Он перманентно читает чужие мысли. Не по желанию, а против всякой воли. Видит чужое прошлое, чужие страхи, чужую боль. Существование превращается в сплошную какофонию образов, в которой он сам, собственная его личность, теряется всё безнадежнее с каждым новым днём.

Всё заканчивается во время обычной, ничем не примечательной прогулки по городу. В голове случайного прохожего он вдруг видит воспоминание — совсем свежее, ещё влажное от собственной свежести. Дети. Убийство. Настоящее, совершённое буквально недавно, без единого раскаяния в чужом сознании. Напротив, с отчётливым, тошнотворным послевкусием удовольствия, которое этот человек испытывал, вспоминая содеянное.

Разум к тому моменту уже трещит по швам, годами не выдерживая собственной перегрузки. Не владея собой, он убивает этого человека прямо посреди улицы, среди бела дня, без суда и следствия наказав виновного единственным доступным ему в тот момент способом.

Суд состоится, но заслуги, статус, влиятельные знакомые семьи и сама уникальность его состояния сыграют свою роль. Вместо казни — ссылка, фактически изоляция где-то на самом краю известного мира.

Со временем он сбегает. Затерявшись среди бесчисленных приграничных поселений, он оседает в отдалённой деревне, той самой, что позже назовёт своим домом. Там он ведёт тихую, незаметную жизнь: никто здесь не знает ни о его прошлом, ни о его силе, которую он тщательно, годами учится держать взаперти. Со временем, очень медленно, шаг за шагом, он заслуживает уважение соседей. А потом и должность старосты.

Спустя много лет на деревню нападают. Его берут в плен, а затем спасает Зерон.

Менталист попытался прочесть его прошлое тайком, украдкой, привычным жестом, который давно уже стал частью его самого. И не смог. Будто прошлого у Зерона попросту нет. Пустота там, где полагалось бы быть хоть чему-то.

Когда их приводят в лагерь, Саркас не узнаёт его. Двадцать лет, это достаточный срок, чтобы стереть черты лица из памяти даже того, кто некогда знал его лично. Тогда, во времена их знакомства, комендант был всего лишь двадцатипятилетним молодым офицером, а не грозным командиром пограничного гарнизона.

На вечернем допросе менталист не раскрывает себя. Молчит. За плечами у него всего один настоящий грех, но грех этот стоил слишком дорого, чтобы рисковать снова. Прочитанные в лагере обрывки чужих планов так и остаются при нём, невысказанными, хотя часть его прекрасно понимает: поделиться было бы просто правильно. Но раскрыться страшно. Страх слишком стар, слишком въелся в кости, и малодушие, как и всегда прежде, берёт верх.

Но в этот раз что-то меняется.

Когда Зерон приходит к нему за помощью, старик уже прекрасно понимает, чего именно тот хочет добиться и что за игру ведёт Саркас. Способность видеть насквозь никуда не делась, даже спустя двадцать тихих лет. И всё же есть в этой просьбе что-то простое и честное, без единой попытки манипулировать, то, чего он не встречал уже очень давно. Что-то внутри старика вдруг ломается. Искренняя просьба человека, который спас их всех, оказывается последней каплей той чаши, что копилась двадцать лет.

Они вдвоём вошли в шатёр коменданта.

Саркас поднял голову от карты, коротко кивнув Зерону, а затем перевёл взгляд на старосту, замершего чуть позади.

— У вас ко мне какое-то дело? — спросил он, явно не ожидая ничего сверх обычного.

Расправив плечи жестом, которого Зерон никогда прежде за ним не замечал, староста произнёс одно-единственное слово, своё настоящее имя, которое не звучало вслух уже два десятка лет.

Саркас застыл.

— Не может быть, — произнёс он тихо, вглядываясь в лицо старика с нарастающим, почти пугающим узнаванием. — Ты... Двадцать лет прошло. Я думал, тебя давно нет в живых.

— Как видишь, ошибался, — сухо ответил старик. — Я до сих пор читаю мысли, комендант. Годы эту способность не притупили. — Он кивнул в сторону Зерона. — Я пытался прочитать его. Ничего не вышло. Совсем ничего, будто прошлого у него попросту нет. Ни единого образа, ни единого воспоминания, за которое можно было бы зацепиться. — Он развёл руками. — Если даже я не смог его прочитать, а поверь, за свою жизнь я не встречал никого, хотя бы отдалённо равного себе по силе, значит, все менталисты Вавилона окажутся так же бессильны. Что это? Проклятие? Магия? Что-то ещё, чему я даже названия не подберу? Не знаю. Но ключом к разгадке, которую ты ищешь, этот человек стать не может. Просто физически не способен.

Саркас долго молчал, разглядывая старика с прежним, тяжёлым спокойствием.

— С чего мне вообще тебе доверять? — спросил он наконец. — Ты беглый преступник. Осуждённый убийца, скрывавшийся от правосудия двадцать лет.

— С того, — ответил старик без малейшей заминки, — что я расскажу тебе всё, что успел узнать в том лагере, слушая мысли гоблинов. И впредь буду помогать тебе на любом допросе, если попросишь. Способность при мне, никуда она не денется. Считай это честной сделкой: я приношу пользу, ты забываешь моё прошлое.

Саркас думал недолго.

— Договорились, — сказал он наконец. Затем перевёл взгляд на Зерона, потерявшего, судя по всему, всякую ценность в качестве потенциального источника ответов. — Раз читать тебя всё равно бессмысленно, планов на тебя у меня больше нет. Что ты намерен делать дальше?

— Остаться в лагере ещё на день, — быстро ответил Зерон, не давая себе времени на колебания. — Если позволите.

— Хорошо. — Саркас коротко кивнул и повернулся к старосте. — А теперь оставь нас со старейшиной наедине. У меня есть к нему ещё разговор.

Зерон вышел из шатра, всё ещё до конца не веря, что вопрос разрешился настолько неожиданно легко. Из всего услышанного он вынес немного, но и этого хватало, чтобы голова слегка кружилась: тихий, неприметный старик оказался невероятно сильным менталистом, некогда осуждённым за убийство и двадцать лет скрывавшимся от правосудия. И что именно он имел в виду, говоря про его, Зерона, прошлое — «будто прошлого попросту нет»? Вопросов становилось только больше, а ответов не прибавлялось.

Он наконец добрался до столовой, где его всё ещё ждал разведотряд. Заново познакомился с новой троицей, состоявшей из гнома, халфлинга и огромного воина, и завёл непринуждённую беседу, попутно внимательно вслушиваясь в каждую фразу, каждую интонацию. Подозрений до конца снять не получалось, но и обвинять кого-то голословно тоже не выходило: слова звучали слишком естественно, слишком обыденно, чтобы за ними стояла хоть какая-то фальшь.

Он вспомнил про старосту. Захотел обратиться к нему ещё раз, когда тот освободится после разговора с комендантом.

Завтрак затянулся. Отряд тоже ждал, когда Саркас освободится, чтобы отправиться к нему с обычным утренним докладом. В какой-то момент прибежал посыльный. Комендант вызывал бойцов к себе.

Чуть позже Зерон заметил старосту, направлявшегося от шатра коменданта в его сторону, и перехватил того на полпути.

— Ещё раз спасибо, — сказал он тихо. — Правда, я вам искренне благодарен. Но у меня есть ещё одна просьба. Я подозреваю, что среди разведотряда может быть предатель. Если бы вы могли как-то... помочь с этим.

Старик тяжело вздохнул, но кивнул.

— Хорошо. Но для этого мне нужно оказаться рядом с ними. Достаточно близко, чтобы уловить хоть что-то.

— Я всё устрою, — пообещал Зерон.

Время шло медленно. Бойцы наконец вышли от коменданта, и Зерон, снова подходя к отряду, чувствовал растущее беспокойство, ведь нападение должно было вот-вот начаться, а он до сих пор не был готов встретить его как следует. Хотя, если подумать, всё время, потраченное этим утром, того определённо стоило.

— Слушайте, — начал он, стараясь звучать непринуждённо. — Я тут подумал. Я один, ничего толком не помню, идти мне некуда. Не нужен ли вам ещё один товарищ в отряде?

Бойцы переглянулись, и по их лицам было видно: предложение застало их врасплох, но не показалось совсем уж неуместным. Тобиас уже открыл было рот, чтобы ответить, — но договорить не успел.

— Нападение! Они атакуют! — закричал кто-то со стороны стены.

Саркас выскочил из шатра почти мгновенно, будто ждал этого крика всё утро. Взгляд его метнулся от бойцов к Зерону и обратно.

— В авангард, живо! — рявкнул он разведотряду, и те без промедления бросились исполнять приказ. Затем комендант повернулся к Зерону. — А ты что собираешься делать?

— Сражаться, — ответил Зерон без малейшего колебания. — Наравне со всеми. Защищать людей в этом лагере.

Саркас смерил его долгим, оценивающим взглядом, и на этот раз в нём не было прежнего холодного подозрения.

— Ты не мой солдат, — сказал он наконец, — но от помощи бойца, который в одиночку вырезал целый гоблинский лагерь и, судя по всему, обладает ещё какой-то силой, я точно не откажусь.

Он протянул руку.

Зерон пожал её крепко, и впервые за долгое время оказался на этой стороне сражения не потому, что его вынудили, а потому что сам так решил.

Статистика

Забегов: 52 (в процессе)

Уровень: 13 (до следующего — 2013)

Сила: 5

Ловкость: 13

Выносливость: 5

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват, Эквилибрист

Уровень владения оружием: Кинжал — 3, Лук — 2

Техники Разлома: Шаг в пустоту

Глава 20

Зерон отделился от общего построения и коротким перебежками добрался до края лагеря, туда, где у самой стены каким-то чудом уцелело одинокое дерево. Остальные давно перевели на брёвна и дрова, а это, видимо, оказалось слишком огромным, по крайней мере в этот раз. Забравшись на нижние ветви, он огляделся.

Из леса на лагерь наступала армия.

Не отряд и не патруль. Настоящее, организованное войско, растянувшееся тёмной, ошетилившейся сталью полосой вдоль всей опушки. Орки, таурены, тифлинги — те же самые твари, что убивали его уже не раз, только теперь их были сотни, а не десятки. Стройности в их движении не было и в помине. Вольные кланы, дикая, необузданная орда неслась вперёд стремительной, накатывающей волной, почти как саранча, сметающая всё на своём пути одной лишь массой и скоростью.

Он окинул взглядом лагерь внизу. Разведотряд занимал позицию у восточного фланга — Тобиас, Йола, остальные. Саркас метался вдоль строя, выкрикивая команды, которые тонули в общем шуме подготовки. Все были напряжены. Все готовились умирать.

Участвовал ли я в подобных битвах раньше? Или это моя первая война?

Мысль ударила неожиданно остро, но додумать её он не успел: крик Саркаса, отдающего команду построения, разорвал общий гул, и Зерон спрыгнул с дерева, занимая место среди пехоты, там, где строй казался наиболее уязвимым.

Лучники ударили первыми. Сотни стрел взметнулись над стеной одновременно, чёрной тучей перечеркнув небо, уже клонившееся к полудню, а следом за ними сорвались и первые заклинания: огненные росчерки, ледяные копы, что-то фиолетовое и склизкое, разъедающее землю там, где падало. Передние ряды наступающей армии просели, будто скошенные единым движением серпа.

Ответ не заставил себя ждать.

Волна встречных снарядов ударила по стене и людям за ней. Грубее, менее точно, но не менее смертоносно. Кто-то закричал совсем рядом с Зероном, получив стрелу прямо в горло. Короткий, булькающий звук, оборвавшийся раньше, чем тело успело осесть на землю.

Первые потери.

Дистанция сокращалась стремительно. Ещё несколько ударов сердца, и вражеская волна врезалась в оборону лагеря с тем звуком, который ни с чем не спутать: лязг металла о металл, треск ломающихся щитов, глухие удары плоти о плоть, и поверх всего этого — рёв, вой, крики, слившиеся в один сплошной гул, лишённый отдельных голосов.

Началась рубка.

Зерон дрался двумя кинжалами, экономными, расчётливыми ударами, стараясь держаться там, где оборона казалась наиболее шаткой. Первый орк упал под его клинком быстро. Распоротое горло, фонтан тёмной крови, окатившей его руку до самого плеча. Но на его место тут же встал второй, а за вторым третий, и очень скоро он перестал считать, скольких уже уложил.

[Получено эссенции жизни — 44]

[Получено эссенции жизни — 39]

Тепло разливалось по телу волнами, почти назойливо, но задерживаться на этом ощущении было некогда. Каждая секунда промедления могла стать последней. Он парировал удар топора, нырнул под замах, вогнал клинок под рёбра, тут же развернулся, встречая нового противника, и с каждой минутой этой мясорубки всё отчётливее понимал: это не лес. Не засады, не одиночная охота на разрозненные отряды. Здесь не было пространства для манёвра, не было роскоши выбирать момент атаки, здесь была только сплошная, беспросветная резня, в которой

личное мастерство значило куда меньше, чем банальная удача оказаться не там, где в следующую секунду опустится чужой клинок.

Тифлинг вынырнул откуда-то сбоку, быстрее, чем он успел среагировать, и его ладонь, охваченная пламенем, коснулась плеча Зерона. Боль ожога была почти терпимой на фоне всего остального, что творилось вокруг, но, разворачиваясь для ответного удара, он не заметил второго противника, зашедшего со спины.

Удар пришёлся куда-то в район затылка. Тяжёлый, окончательный.

Всё вдруг стало темно. Тело сделалось лёгким, невесомым, будто сбросило какой-то давно надоевший груз, и в следующее мгновение Зерон уже был в Хабе.

Он парил в знакомой пустоте, осмысливая пережитое.

Раньше он раз за разом возрождался в лесу, снова и снова, отряд за отрядом, гоблин за гоблином. Теперь его ждало то же самое, только на поле боя. Не охота, не одиночные вылазки, а бесконечная, беспощадная война, которую невозможно было выиграть за один заход, сколько бы раз он ни пытался.

Он попробовал вспомнить: видел ли он в последние минуты боя разведотряд? Саркаса? Нет. В той мясорубке, в которую превратилось поле, он не разглядел ни единого знакомого лица, только чужие, искажённые яростью или ужасом, мелькавшие перед глазами доли секунды, прежде чем исчезнуть навсегда.

Пора обратно.

Зерон проснулся утром с криком, как обычно, испугав сидевшую рядом Йолу.

— Прости, — начала она привычно. — Пришла тебя разбудить и немного засмотрелась, как ты...

— С такой красоткой рядом я готов просыпаться вечно, — перебил он её, и Йола осеклась, явно не ожидав подобного поворота.

Она недоверчиво прищурилась, но не нашлась с ответом, и Зерон, воспользовавшись паузой, поднялся, уже мысленно готовясь к очередному повтору дня.

аз успех уже был достигнут однажды, когда Саркас пожал ему руку и признал бойцом, он решил пока ничего не менять в общей канве событий: снова разговор со старостой, снова визит к коменданту, снова завтрак с отрядом, полный настороженных, изучающих взглядов. Он не знал заранее, какое из этих повторений станет последним, а потому, даже не всегда успевая уложиться в те же самые временные рамки, всё равно упрямо шёл к старику, снова и снова выпрашивая ту же самую помощь.

А потом всё повторялось заново.

Армия против армии. Лучники, огонь, лёд. Рубка, в которой не было ни начала, ни конца, только смерть за смертью, забег за забегом, каждый раз чуть иначе, но неизменно заканчивающийся одним и тем же: клинком, топором, стрелой, находящей его в самой гуще сражения.

Дни начали сливаться в один длинный, кровавый, беспросветный цикл — утро, старик, отряд, поле боя, смерть, Хаб, снова и снова, без счёта, без остановки, пока сама граница между отдельными забегами не начала стираться в его памяти в сплошную, неразличимую полосу. Зерон завис в Хабе, разглядывая цифры, выстроившиеся перед ним ровными, послушными рядами.

Восемнадцатый уровень. Сила — шесть, ловкость — пятнадцать, выносливость — семь, интеллект — по-прежнему скромные три, плюс мягкий шаг, твёрдый хват, эквилибрист. Не видя острой нужды в узлах древа, до которых пока не дотянуться, он вкладывал свободные зерна в чистые статые. Так надёжнее, проще, без риска промахнуться с выбором. Владение кинжалом он тоже подтянул, теперь седьмой уровень против прежнего третьего. А вот лук так и остался сиротливо торчать на втором, заброшенный за ненадобностью.

Свободных эссенций оставалось две тысячи шестьсот девяносто четыре.

Разобравшись с распределением, он покинул Хаб.

Кажется, я уже прикипел к ней. И к этим подъёмам.

Он проснулся с криком, как всегда, испугав сидевшую рядом Йолу, и она, как и всегда, не удержалась и свалилась с табурета, шумно приземлившись на пол палатки.

Приятно, честно говоря, каждое утро видеть, что кому-то не всё равно. Вот бы ещё точно знать, что этот кто-то не предатель. А вообще... может, взять её за руку. Поцеловать...

Он оборвал мысль на полпути, будто устыдившись собственной невольной нежности к человеку, которого он, если вдуматься, знал от силы несколько часов.

Так. Куда меня понесло.

Они вышли из шатра вместе, Йола повторяла уже привычную реплику, а Зерон, слушая её вполуха, продолжал размышлять о своём.

С седьмым уровнем владения кинжалами я стал куда смертоноснее. Как там было в описании на пятом? «Вы понимаете, как держать нож для боя. Обратный хват — для ударов сверху и снизу, прямой — для колющих. Нож перестаёт быть куском металла и становится продолжением руки. Большие никаких неловких перехватов». Кажется так банально, но на пятом уровне в моём понимании ножа действительно изменилось многое. И навык, полученный вместе с уровнем, теперь помогает мне удерживать нож, когда я быю по чему-нибудь твёрдому, а ещё он как будто сам держится в правильном положении. Но теперь я на седьмом и понимаю нож ещё лучше. Прокачанные статьи так же дают о себе знать: я выносливее, сильнее и гораздо быстрее среднего бойца в этом лагере.

Он встретил старосту там же, где и всегда.

Итак — да, я сильнее, выносливее и быстрее среднего вояки. Но разведотряд, они на другом уровне. Каждый из них сильнее меня. Задав правильные вопросы за завтраком, я выяснил: они по сути наёмники из гильдии. Армия заключает контракт, а гильдия присылает отряд профессионалов. Разведка, диверсии, а то и перелом хода небольшого конфликта. Каждый из них стоит десятков местных солдат. Разве что кроме офицеров.

Старик выслушал просьбу о помощи, и они вдвоём направились к шатру коменданта.

К одному из них мы сейчас и идём. К коменданту этого лагеря. Вот кто настоящий монстр. По скорости превосходит даже меня. Работает мечом аккуратно, ювелирно, и в то же время размашисто, агрессивно, будто сама смерть с косой. Постоянно в самом авангарде. Ни одного лишнего движения. Рубит, рубит, рубит. Я видел, как он одним ударом двуручника располовинил сразу двух тауренов, как будто между делом, и продолжил махать мечом дальше. Думаю, если бы он один вышел против всего разведотряда... бой мог бы получиться честным. Хотя им пришлось бы попотеть.

А вот и он.

В шатре разговор потёк по накатанной колее. Те же слова, тот же короткий обмен фразами, та же знакомая сделка. Пока старик говорил, Зерон продолжал перебирать в голове накопленные наблюдения.

Но как бы ни был силен человек, один он не переломит ход целой битвы. Каждый раз оборона захлёбывается. И я не исключение. Да, я могу становиться сильнее, но... кстати, получил ачивку за тысячу убийств. Уже тысячу. Прибавка к поглощаемой эссенции снова незначительная, как обычно, впрочем. А чего я ещё ждал?

Возвращаясь к теме: сколько времени это займёт, и насколько сильным мне вообще нужно стать, чтобы хоть с поддержкой противостоять целой армии... нет, бред. Мне даже до Саркаса далеко. А ведь даже он не может выстоять против целой армии в одиночку, что уж говорить обо мне, даже с учётом всех тех благословений, которые мне порой выпадают. Из интересного было: сбитое восприятие времени, когда мир то замедлялся, то ускорялся; сферическое зрение, когда я видел пространство вокруг себя целиком, — очень странное ощу-

иение; и совсем некстати подвернувшееся проклятие жажды крови, когда меня почти в самом начале накрыло состояние берсерка, и я тупо кинулся в бой и умер...

Кстати, Саркас знатно недооценивает противника. Я никогда не спрашивал напрямую, но судя по его уверенности, по тому, что он даёт приют беженцам и держит лагерь так близко к этому лесу, можно сделать вывод: он чертовски уверен в своих силах и в победе. И, конечно же, это не так.

Разговор в шатре завершился привычным согласием Саркаса. Зерон оставил старика с комендантом и направился на завтрак, а мысли его тем временем неслись значительно дальше, туда, где уже начинался настоящий бой.

В первые несколько попыток я пытался переломить ход боя лично. Быстро понял: невозможно. Тогда стал думать, что вообще могу сделать, и нашёл решение. Я начал предотвращать чужие ошибки. Вместо собственной битвы — наблюдение за Саркасом и отрядом.

Несмотря на то что комендант в авангарде, первым каждый раз погибает Тиббит — ловит стрелу в самом начале. Он каждый раз так удивляется, когда я появляюсь из ниоткуда и принимаю удар на щит. В первый раз, правда, я попробовал отбить стрелу кинжалом. Вышло глупо.

А теперь очередь Саркаса: находясь в авангарде, он не успевает среагировать на напор и частично принимает удар в бок. Сейчас не смертельно, но позже аукнется. И в этот момент снова появляюсь я, убиваю тифлинга быстрее, чем тот успевает нанести удар. Саркас удивлён, но времени на похвалу нет: появился — исчез.

Он пришёл на завтрак и, будто впервые, заново познакомился с новой троицей: гномом, халфлингом и воином, хотя в голове уже давно жили десятки версий этого самого разговора.

Дальше должен упасть Лео. Прикрывая Грегга, он один сдерживает пятерых орков, но в итоге его бы смяли, если бы не я. Стремительный удар из ниоткуда одному в шею, второму под лопатку, теневой шаг, и третий падает. Остальных двух Лео добивает сам. Принимать благодарности некогда: сейчас маленькие уродливые гоблины, проникшие в лагерь под шум боя, доберутся до склада с припасами и устроят там взрыв. Это сильно качнёт бой в сторону нападающих, а значит, нужно быстро ретироваться к складу и устроить отряду диверсантов вендетту за лес. Шесть гоблинов легли, а я даже не заметил. В лесу эти твари казались сильными. Точнее, это я был слабым.

Возвращаемся в бой.

Разведотряд отправился на доклад к Саркасу. Зерон снова подошёл к старику. Известно, какой раз станет последним.

Вернувшись на поле боя, наблюдаю, как Йола закладывает стрелу за стрелой. Отряд работает слаженно и смертоносно. Снова кидаюсь в авангард к Саркасу. Прямо сейчас в него должен прилететь удар молнией. Собьёт с ритма, а затем жизнь оборвёт орочий топор. Но не в мою смену.

Он подобрал брошенный кем-то щит, рассчитал время до удара с точностью, отточенной десятками повторов. Прыжок, перехват молнии на выставленный щит, теневой шаг в сторону, уводящий его из-под неминуемого следующего удара топором.

Зерон нашёл возвращающийся отряд и, как уже делал это не раз, предложил себя в качестве нового товарища — почти те же самые слова, про то, что ему больше некуда идти. Тобиас уже открывал рот, чтобы ответить, но вместо ответа воздух разрезал крик о нападении.

На этот раз всё пошло иначе. Не как бесконечное повторение одного и того же дня, а как единственная, настоящая попытка, вобравшая в себя весь накопленный опыт десятков прошлых.

Он присоединился к защитникам и снова проиграл знакомый сценарий: тот момент, когда весь отряд, повинаясь приказу, срывается к своей позиции, оставляя его один на один со всем, что должно произойти дальше. Дальше он уже знал наизусть.

Зинк — ритуалист поскользнулся, сбитый с ног ударом орочьего копья, и Зерон оказался рядом на долю секунды раньше самого древка, отбив его в сторону клинком. Затем Грегг. Гном замешкался, перезаряжая арбалет, и не заметил, как со спины к нему подступил орк с занесённым молотом. Зерон рванулся вперёд, сбив нападавшего с ног прежде, чем тот успел довести замах до конца, и добил его коротким выпадом в горло. Тиббит, оставшийся без прикрытия Тобиаса. Снова он, снова щит, снова стрела, увязшая в дереве вместо халфлинговой груди.

Снова Лео. Помочь удержать прорыв с фланга. Зерон рванулся вперёд стремительным рывком, не жалея теневого шага, и клинки его нашли двух кобольдов, невысоких, юрких тварей с крысиными мордами. Редкая раса, которую он почти не встречал среди основной массы нападавших.

Йола. Грегг снова. Саркас — уже третий раз за этот забег. Тобиас. И опять Саркас — последний, самый долгий момент из всех, до которого он прежде ни разу не добирался.

Дальше этого момента я ещё не заходил. Но уже чувствую, мы близки к концу.

Массивная фигура таурена вырвалась из общей давки, набирая разбег для удара, который должен был снести коменданта с ног. Зерон перехватил его на середине разгона, вогнав оба клинка в бок зверя одновременно, и почувствовал, как что-то внутри самого сражения вдруг переломилось.

Из защитников они превратились в нападающих.

Враг сперва медленно отступил, будто пробуя почву под ногами, а затем побежал по-настоящему, не таясь, оставляя за собой раненых и убитых. Лагерь, ещё минуту назад казавшийся обречённым, вдруг ожил новой, яростной волной, преследуя отступающих почти до самой опушки леса, пока Саркас не поднял руку, останавливая погоню.

Они победили.

По-настоящему победили. Один человек — Зерон, как могло показаться, никем толком не замеченный в общей мясорубке, сумел переломить ход целого сражения.

Солдаты ликовали посреди грязи, крови и трупов, радуясь простому, животному факту: они проживут ещё хотя бы день.

Зерон стоял чуть в стороне от общего ликования, и радость почему-то не спешила приходить вместе с остальными.

«Дальше он уже знал наизусть», — вспомнил он собственную мысль из середины боя, и только сейчас, в тишине после победы, расслышал в ней то, что не успел расслышать в горячке сражения. Десятки раз подряд он смотрел, как Зинк захлёбывается криком под орочьим копьём. Десятки раз — как Тиббит оседает со стрелой в груди, как Лео валится под пятью топорами разом, как Грегг застывает с незаведённым арбалетом в руках. И каждый раз он не бросался спасать. Он ждал. Считал такты. «Не в мою смену», — вот как он сам это называл, спокойно, буднично, будто речь шла о расписании дежурств, а не о людях, которые за минуту до этого шутили с ним за завтраком.

Он использовал их смерти как разметку на карте. Как метроном, по которому сверял собственные движения.

То, что сегодня все они остались живы, не отменяло того, сколько раз до этого он смотрел им вслед и молчал.

Зерон не знал, куда девать эту мысль, а потому просто сунул её туда же, куда обычно прятал всё, чему пока не находил места: поглубже, до следующего раза, когда она сама решит напомнить о себе.

Саркас нашёл его сам, ещё не отдышавшись после боя.

— Ты, — сказал он, глядя на Зерона с чем-то, чего прежде в его взгляде не было, — раз за разом спасал меня от смертельной опасности. Я опытный воин. Я вижу, когда могу справиться сам, а когда нет, и каждый раз, когда я должен был умереть, рядом оказывался ты.

— Он не одного тебя спас, — добавил подошедший Тобиас, обменявшись коротким взглядом с остальным отрядом. — Каждый из нас хотя бы раз был обязан ему жизнью сегодня.

Зерон потёр переносицу, думая над ответом.

— Видимо, у меня хорошее чутьё. — Он пожал плечами. — Я ведь ничего о себе не помню и совсем не знал, как вести себя на войне, вот и решил, что проще помогать тем, кто знает.

Саркас протянул руку.

Зерон пожал её крепко, и в тот же момент перед ним развернулось системное окно.

[Рут «Спаситель» завершён. Создана Контрольная точка.]

Он ощутил радость. Настоящую, тёплую. Но вместе с ней и странную, необъяснимую тревогу, царапнувшую что-то глубоко внутри.

Наверное, потому что Йола больше не будет будить меня по утрам, — попытался отшутиться он про себя, хотя веселья в этой мысли было немного.

— Собраться в лагере, — скомандовал Саркас, отпуская его руку. — Оказать помощь раненым. Проверить гражданских.

Зерон не особенно переживал за последнее, он уже проверял их в паре предыдущих попыток, и бой туда не добирался, но всё равно решил дойти и убедиться лично.

Придя к месту, где держали спасённых, он увидел: все оплакивали старосту.

— Что случилось? — спросил он, не понимая. — Как? Кто?

— Он жаловался на плохое самочувствие ещё перед боем, — объяснил ему пожилой мужчина, которого Зерон прежде почти не замечал среди прочих. — А перед тем как стихли звуки сражения, ему вдруг стало хуже. Он умер естественной смертью. Не пережил этого нападения.

Зерон замер, чувствуя, как земля под ногами будто дрогнула. Не от боя, не от усталости, а от чего-то иного, куда более тяжёлого.

Мир вокруг начал распадаться.

А затем его резко и неотвратимо опрокинуло в Эхо.

Статистика

Забегов: 96

Уровень: 18 (до следующего — 5 843)

Сила: 6

Ловкость: 15

Выносливость: 7

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват, Эквилибрист

Уровень владения оружием: Кинжал — 7, Лук — 2, Щит — 1

Техники Разлома: Шаг в пустоту

Глава 21

Мир перестал держать форму. Зерону уже был знаком этот распад. Он проходил через него не в первый раз, и теперь безошибочно узнавал момент, когда картинка вокруг начинает терять правильные очертания, готовясь смениться совсем другой.

Плач вокруг, свежая земля под ногами. Всё это гасло, сменяясь совсем другими звуками.

Сад. Яркое, почти летнее солнце, пробивающееся сквозь листву старой яблони. Смех был звонкий, мальчишеский, а вслед за ним послышалось тяжёлое, сбивчивое дыхание немолодого человека, явно проигрывающего в скорости своему маленькому противнику.

— Не поймаешь! — выкрикивал мальчик лет восьми, петляя между грядками, оглядываясь через плечо с озорной, торжествующей улыбкой.

— Ну сейчас я тебя точно... — Дед, раскрасневшийся, растрёпанный, сделал финальный рывок, и, конечно же, промахнулся, растянувшись на траве в шаге от цели.

Мальчик остановился, испуганно замерев на секунду, но старик тут же перевернулся на спину, расхохотавшись во весь голос, и мальчик, поняв, что всё в порядке, бросился к нему, повалившись рядом в траву.

— Элиас, — произнёс дед, всё ещё стараясь отдышаться, — да ты меня когда-нибудь до инфаркта доведёшь этой беготнёй.

Имя зацепилось за что-то внутри. Зерон уже слышал его однажды, из уст тренера, в совсем другом воспоминании. Он попытался удержать эту связь, разглядеть её отчётливее, но картинка уже смазывалась, утягивая его дальше.

Мастерская. Тесная, заставленная инструментами, пропахшая машинным маслом. Мальчик здесь заметно старше, лет двенадцати, стоял рядом с верстаком, а дед доставал из ящика наручные часы.

— Смотри, — сказал дед, протянув их мальчику на раскрытой ладони. — Хочу, чтобы однажды они стали твоими. Ремешок только подгоню под твою руку, пока большеват будет.

Мальчик осторожно тронул пальцем циферблат, не решаясь взять часы полностью.

— А когда?

— Когда время придёт, — усмехнулся дед своей же шутке, забирая часы обратно и убирая их в ящик стола. — Не торопи.

Картинка снова смазалась.

Похороны. Серое небо, чёрные зонты, слишком тихие голоса вокруг. Мальчик стоял у края могилы в тесном, явно впервые надетом пиджаке, разглядывая свежий холм земли с застывшим, отсутствующим лицом. Мать держала его за плечо. Отец стоял чуть поодаль, глядя прямо перед собой.

Люди расходились постепенно, тихо переговариваясь.

Следующая сцена. Та же мастерская, но пустая, темнее обычного, без привычного гула десятков тикающих механизмов. Мальчик, всё ещё в похоронном костюме, вошёл один, толкнув дверь без стука. Подошёл к верстаку, где на самом виду лежали те самые часы, законченные, с новым, подогнанным под его руку ремешком, и взял их со стола.

В тот же момент его прошибло резкой болью. Пальцы онемели, часы выскользнули из них и полетели вниз.

Но упасть они не успели.

Время замедлилось, а затем замерло совсем. Пространство вокруг начало темнеть — не гасить свет ламп, а будто впитывать его в себя, и на этом сгущающемся фоне часы, зависшие на полпути к полу, наоборот, разгорались всё ярче. Мальчик вцепился руками в собственную голову, оседая на пол между верстаком и стеной, а часы продолжали светиться, единственным ярким пятном во всей замершей картине.

Зерон потянулся к ним вниманием.

Часы исчезли. Перед ним развернулось системное окно.

[Эхо обнаружено. Получен Эхо-предмет — Часы. Бонус: вы хорошо чувствуете время.]

Каждый следующий бонус казался глупее предыдущего. Он провёл ладонью по лицу, будто снимая усталость, и закрыл окно. Эхо свернулось, мир вокруг вернулся на место, время снова пошло своим чередом.

Я уже видел этого парня раньше. Там, в лесу, — подумал он. Почему я его вижу? Как мы вообще связаны? И тот мир выглядел совсем иначе, чем этот.

Плач вокруг него всё ещё не стихал. Староста умер тихо, естественно. Разбитый этой потерей, Зерон понимал: спасти его он уже не сможет. Даже если бы и мог вернуться назад, против старости его сила была попросту бессильна.

На плечо легла ладонь Йола.

— Ты какой-то потерянный, — сказала она, вглядываясь ему в лицо. — Понимаю, смерть штука тяжёлая. Но ты ведь его почти не знал. Что вас вообще связывало?

Зерон помолчал, подбирая слова.

— Это сложно объяснить, — сказал он наконец. — Я ничего не помню о себе. Совсем ничего. Этот мир для меня чужой. Я в нём как будто заблудившийся человек, который даже не понимает, где именно заблудился. Знакомых у меня немного. Считай, по пальцам одной руки пересчитать можно. А он был одним из них.

Йола обняла его. Крепко, без лишних слов.

— Тогда идём с нами, — произнесла она, не разжимая объятий. — В Вавилон. Там сможешь остановиться по-настоящему. Вступишь в гильдию, обзаведёшься крышей над головой. Мир перестанет быть для тебя чужим, если у тебя появится, куда возвращаться.

Зерон задумался.

Он вспомнил свои подозрения насчёт возможного предателя в отряде, но теперь, когда старика не стало, проверить это стало попросту некому. Оставалось либо цепляться за недоказанное сомнение до бесконечности, либо однажды довериться хоть кому-то. Он решил довериться искренности Йола.

— Хорошо, — сказал он. — Я пойду с вами.

Она издала короткий, счастливый возглас и обняла его ещё крепче, почти вытеснив воздух из лёгких.

— Ещё немного, и ты меня задушишь, — просипел Зерон, и Йола, рассмеявшись, наконец ослабила хватку.

Они вернулись к остальному отряду, где Йола тут же с гордостью объявила:

— Я пригласила Зерона пойти с нами.

Грегг присвистнул, окидывая Зерона оценивающим взглядом.

— После того, что он сегодня устроил, я бы удивился, если бы ты этого не сделала. Такой боец в гильдии точно пригодится.

— Сначала, впрочем, нужно закончить дела здесь, — добавил Тобиас. — Нам поручили выяснить, как вообще проникнуть в этот лес. Саркас изначально собирался отправить нас обратно вместе с тобой ещё до всей этой заварухи, но перед самым нападением почему-то передумал и отменил приказ. Так что впереди у нас ещё вылазка.

— Я с вами, — сказал Зерон.

Все вместе они направились к шатру коменданта, где Саркас как раз принимал донесения — подсчёт погибших, раненых, общее состояние обороны. Когда отряд подошёл, он оторвался от бумаг.

— Времени немного, — сказал он без предисловий, — но момент удачный. Враг отброшен, а у армии сейчас нет сил идти в лес без подкрепления. Попробуйте пройти, вдруг в этот раз получится.

Бойцы и Зерон немедленно получили поверхностную помощь от лагерных целителей и выдвинулись в лес.

На этот раз они действительно смогли войти. Лес встретил их непривычной тишиной. Ни шли по свежим следам вражеской армии, замечая примятую траву и брошенное снаряжение, но довольно быстро стало ясно: отступавшие ушли далеко, оторвавшись от преследования сразу после боя. Разделившись на два отряда, они прочесали ближайшую часть леса, находя то тут, то там следы лагерей, где держали пленников. Больше ничего существенного обнаружить не удалось. К вечеру оба отряда сошлись обратно и направились назад, в свой лагерь.

Саркас выслушал доклад молча, кивнув. Пленников в этих брошенных лагерях уже не оказалось. Спасать было некого, радоваться особо нечему. Но и катастрофы, судя по его лицу, он тоже не ждал.

— Хорошая работа, — сказал он всё же. — Идите получите помощь, поешьте, отмойтесь и отдохните. На сегодня миссия закончена. Дождитесь завтрашнего дня: должно прибыть подкрепление из ближайшего гарнизона. Армия двинется дальше в лес, а вы с Зероном сможете вернуться в Вавилон.

Возражать никто не стал.

Все получили полноценную помощь у целителей и сели ужинать густой похлёбкой за общим столом. Зерон, воспользовавшись случаем, расспрашивал бойцов о Вавилоне.

— Хочешь понять, куда идёшь — придётся начать издалека, — сказал Тобиас, отставляя миску. — Давным-давно в этот мир из Астрала пришли Древние. Питались они негативными эманациями. Страхом, болью, отчаянием. И первое время этого хватало с избытком: мир жил под их тиранией, а тирания, сам понимаешь, эманаций не жалеет. Но со временем им стало мало. Жадность росла быстрее, чем мир успевал производить страх сам по себе, и Древние принялись пожирать смертных напрямую, отбирая заодно и плоть, и саму душу. А чем дольше они питались так, тем сильнее теряли собственную астральную природу, перерождаясь во что-то новое, осязаемое, в подлинных чудовищ. Настали времена абсолютного мрака.

— И тогда явились Драконы, — подхватил Грегг, не удержавшись. — Шестеро Старших: Люмиара, Мину, Региас, Мортис, Гонтагар, Снормак, — пришли тоже из Астрала, во главе с королём-драконом Аурелианом, объединили под собой все живущие здесь народы и дали Древним бой прямо в центре континента.

— Победили и заточили их глубоко под землёй, — продолжил Тобиас, — обратив саму их темницу в источник собственной силы. Земли, где Древние запечатаны, Драконы назвали Фронтиром и сделали своей священной территорией. Так началась золотая эра. Мир и процветание. Прямо на том самом месте построили столицу мира, Вавилон, и Драконы правили там. Им поклонялись.

— Спустя двести лет Драконы ушли обратно в Астрал, — добавила Йола. — Но говорят, до сих пор присматривают за миром издалека. И одно правило у них абсолютное: никаких войн на земле Фронтира. Страх, боль, смерть — это как раз то, чем питаются Древние, а Драконы за этим следят особо пристально.

— Оставшись без общего врага и без покровителей, расы взялись делить мир между собой, — закончил Тобиас. — Так и началась эта война. Тянется уже четыреста лет. Север против юга, Союз против Вольных Кланов. Фронтир воюющие обходят стороной. Никто не рискует нарушать правило Драконов. Хотя и в самом Вавилоне забот хватает. Открыто воевать там нельзя, зато интриг, шпионажа и подковёрной грызни сколько угодно. Гильдий там, кстати, две. одна тяготеет к Союзу, другая к Вольным Кланам. Заказы часто уводят за пределы Фронтира и работают на интересы той или иной стороны. Хотя попадают и такие, кто состоит сразу в обеих. Им, по большому счёту, всё равно, чьё знамя нести, лишь бы контракт был честным.

Зерон слушал, пытаясь уложить услышанное в голове, а затем спросил про дату, которую уже слышал раньше.

— А что вообще за месяц Южного Ветра? Календарь у вас как устроен?

— Тринадцать месяцев, каждый со своим названием и смыслом, — ответила Йола. — Сейчас у нас как раз Южный Ветер. Весна. Тот самый месяц, когда ветер с Пепельных Равнин приносит с собой пепел вулканов. А в конце года, после последнего, тринадцатого месяца, есть ещё один день, отдельный, не входящий ни в один месяц вообще, — День Вне Времени.

— И что в этот день?

— Считается, что в этот день грань между Астралом и Анамом истончается сильнее всего.

— Анамом? — переспросил Зерон.

— Так называется наш мир, — пояснил Тобиас. — Ты правда вообще ничего не помнишь, да?

После ужина все пошли прощаться со старостой и остальными погибшими. Деревенские и солдаты уже сложили большой погребальный костёр на краю лагеря — общий, для своих и чужих потерь разом. Люди подходили по очереди, кто-то клал на костёр личную вещь погибшего, кто-то просто стоял молча, не в силах произнести ни слова. Солдаты обнимали друг друга, прощаясь с боевыми братьями, кто-то тихо плакал, не стесняясь остальных. Пришёл и Саркас. Постоял немного в стороне, склонив голову, прежде чем отдать короткий приказ поджигать.

Зерон стоял среди прочих, глядя, как пламя поднимается всё выше, забирая с собой и старика, которого он, если вдуматься, знал совсем недолго, но успел за это время назвать едва ли не единственным настоящим союзником в этом мире.

После похорон Зерон с мужской частью отряда пошёл мыться к общей бадье на окраине лагеря. Оставшись изолированной компанией, парни довольно быстро принялись беззлбно подтрунивать над ним.

— Она на тебя смотрит так, будто ты последний кусок хлеба на всём континенте, — заметил Грегг, отжимая мокрые волосы.

— Неровно дышит, чего уж там, — добавил Лео с добродушной ухмылкой.

Тобиас за всё это время не сказал ни слова — просто молча тёр плечо мочалкой, глядя на Зерона исподлобья с выражением, которое сложно было принять за обычную мужскую подначку. Что-то в этом взгляде отдавало не столько весельем, сколько плохо скрытым раздражением.

Зерон прикрыл глаза и медленно, с усилием выдохнул.

— Йола, конечно, очень милая, — признал он. — Но я сейчас в такой ситуации, что толком не могу разобраться даже в самом себе, не то что в подобных вещах. Третий лишний в этих отношениях сейчас, это я сам, получается. Хотя её компания мне правда приятна.

— Не загоняйся ты так, — посоветовал Грегг, посерьёзнев. — Жизнь короткая и совершенно непредсказуемая штука. Ты вон сам видел сегодня, сколько народу мы потеряли. Пока будешь копать в себе, момент вполне может быть упущен.

Зерон промолчал, не найдя, что на это ответить.

Тобиас поднялся первым, не дожидаясь, пока разговор свернёт ещё куда-нибудь, коротко бросил, что замёрз, и ушёл одеваться, оставив после себя ощущение, что весь этот разговор был ему по какой-то причине неприятен.

Помывшись и наговорившись, все разошлись спать по палаткам. Зерон лежал на тюфяке, думая о прошедшем руте, о завтрашнем пути в Вавилон, когда снаружи послышался тихий шорох.

Он мгновенно насторожился. Либо кто-то следит за палаткой, либо готовится нападение. Рука сама потянулась к ножу под тюфяком.

Полог откинулся. Внутрь скользнула Йола.

Он отпустил рукоять ножа. Йола, не говоря ни слова, легла рядом с ним, придвинувшись ближе.

Он сперва засомневался, а затем вспомнил слова товарищей. Йола. Тепло, исходившее от неё в темноте, ни на что не похожий запах её волос совсем рядом. Сопротивляться дальше показалось попросту глупым. Её пальцы нашли его руку, скользнули выше, а дыхание вдруг участилось у них обоих разом. Дальше слов уже не было. Только тепло чужой кожи, тихий, срывающийся шёпот у самого уха, и та особая, ни с чем не сравнимая жадность, с которой тянутся друг к другу двое, прекрасно понимающие, насколько хрупко и недолговечно всё, что у них есть прямо сейчас.

Засыпая, Зерон снова оказался в Хабе.

— Поздравляю с завершением рута, — промурлыкала Ариадна тоном, в котором отчётливо слышалась усмешка. — А ещё, судя по некоторым звукам, долетавшим до меня оттуда, с не менее успешным завершением вечера. Йола, значит. Наконец-то что-то интереснее гоблинов.

— Ты специально это подслушивала?

— Я вижу всё, что с тобой происходит, это входит в должностные обязанности. Так что нет, не специально. Считай это бонусным развлечением на скучной смене.

— В чём вообще смысл всего этого? — спросил Зерон серьёзнее, не поддаваясь на подначку. — Рутов, контрольных точек, забегов? Что там, в самом конце?

— Хороший вопрос, — отозвалась Ариадна после паузы, впервые без тени иронии. — Жаль, что у меня нет на него хорошего ответа. Возможно, смысл в том, чтобы просто идти дальше, шаг за шагом, и однажды понять, куда все эти шаги вели. А возможно, смысла в привычном понимании тут нет вовсе — есть только путь, и то, каким ты становишься, пока идёшь по нему.

Зерон издал неопределённый звук — не то смешок, не то вздох. Ответ, при всей своей красоте, оставлял его ровно там же, где он и был: без единого твёрдого ориентира.

Перед ним появился Сигил сохранения. Причин отказываться Зерон не видел. Максимум потеряет вчерашнюю половину дня уже после боя. Он принял сохранение.

Зерон проснулся утром рядом с Йолой. Она лежала, подперев голову рукой, и смотрела на него с тем внимательным, чуть насмешливым выражением, какое бывает у человека, довольного собой.

— Такое чувство, будто я просыпался с тобой уже много-много раз, — сказал он, невольно улыбнувшись.

Можно было бы, впрочем, и не сохранять, — добавил он про себя. Жизнь у меня беспокойная, погибаю я часто. А вчерашняя ночь пока что — лучший отрезок этой самой жизни.

Они пошли завтракать. Отряд уже сидел за столом, обсуждая план на день: собраться, дожидаться подкрепления, выдвигаться. Пока остальные заканчивали сборы, Зерон отправился попрощаться с деревенскими.

— Мы возвращаемся в деревню, — сказал ему один из мужчин. — Дома отстроим заново. А если будешь когда-нибудь проходить мимо, обязательно зайди.

— Обещаю, — ответил Зерон, пожимая протянутую руку.

В лагерь вскоре прибыло подкрепление и началось движение. Зерон нашёл отряд, и вместе они направились к шатру коменданта.

Саркас принял подкрепление, отдал приказ сворачивать лагерь, а затем ещё раз поблагодарил Зерона и бойцов, выразив надежду однажды увидиться снова. Подписал документ, официально закрывающий контракт с гильдией.

Разведотряд вместе с Зероном покинул лагерь.

Ворота, через которые их с пленниками впервые провели в этот лагерь, теперь провожали их в обратную сторону. Зерон обернулся один раз, разглядывая стены, дым над кострами, суету

сворачиваемого лагеря, а затем отвернулся окончательно и зашагал дальше, туда, куда вела дорога.

Как только они вышли за пределы лагеря, перед Зероном развернулось системное окно.
[Выбран рут «В Вавилон. Попутчики». Контрольная точка зафиксирована.]

Контрольные точки появляются довольно часто, — подумал он, разглядывая знакомую формулировку. Да ещё и сохранения каждую ночь в придачу. Короткими шагами, но уверенно.

Под эти мысли начинался новый путь, и, куда бы он ни вёл, Зерон входил в него впервые не один.

Статистика

Забегов: 96

Уровень: 18 (до следующего — 5 843)

Сила: 6

Ловкость: 15

Выносливость: 7

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват, Эквилибрист

Уровень владения оружием: Кинжал — 7, Лук — 2, Щит — 1

Техники Разлома: Шаг в пустоту

Конец второго акта

Глава 22

Дорога до Вавилона растянулась на несколько дней, и Зерон не жалел ни одной минуты, потраченной на неё. Каждый час пути превращался в очередную порцию сведений о мире, в котором он оказался.

— А насчёт календаря, — спросил он на второй день, когда разговор в очередной раз коснулся дат, — вы сказали, тринадцать месяцев. Названия у них какие?

— Ледяное Крыло открывает год. Самая глухая зима, когда даже Астрал кажется невероятно далёким, а любая магия слабеет, будто засыпает вместе с миром, — начала перечислять Йола. — Молчаливые Звёзды. Именно тогда лучше всего сбываются пророчества, произнесённые шёпотом. Потом Пробуждение. Ранняя весна, время, когда Шепчущие снова выходят в море за жемчугом. Дальше Южный Ветер, наш нынешний. За ним следует Дракониный Глаз. Астрал в это время особенно близок к миру, и маги ждут его весь год ради этой близости.

— Дальше проще, — продолжила она. — Пламя знаменует начало лета и жару. В этот месяц Вольные Клань обычно берутся за оружие всерьёз, но в этом году поторопились. Затем наступает Железное Солнце, разгар военных кампаний. Следом приходит Шёпот, конец лета, время бурь и Кошмаров Древних. Далее Золотой Трон, ранняя осень, когда по всему Вавилону празднуют в честь Аурелиана. Потом Урожай, сбор налогов, самое нелюбимое время у крестьян. После него Пепельное Небо, поздняя осень, когда вулканы Пепельных Равнин особенно беспокойны. За ним Закат, начало зимы и время перемирий. И наконец Вечный Цикл, последний месяц, когда принято подводить итоги и вспоминать ушедших. Сразу после него наступает День Вне Времени, про который я тебе уже рассказывала.

Разговор о названиях месяцев неспешно перетёк в разговор о географии. Зерон спрашивал про земли за пределами тех, что уже успел услышать от старосты, и в какой-то момент в беседу неожиданно включился Зинк, до этого момента предпочитавший держаться в стороне от общей болтовни.

— Запад, — сказал он, — Архипелаг Тысячи Осколков. Моя родина. — В его голосе, обычно ровном и настороженном, впервые за всё время пути проступило что-то похожее на тепло.

— Расскажи, — попросил Зерон, стараясь скрыть, насколько сильно ему любопытно.

— Острова, разбросанные по морю, будто кто-то нарочно раздробил один большой континент на сотни осколков. Живут там зверюлюди. Никакого единого государства у нас нет, только гильдии. Гильдия Нырляльщиков, которую ещё называют Шепчущими, главная среди них. Именно она держит монополию на астральный жемчуг, а это единственный ресурс, без которого ни магия Союза, ни гномье рунное дело толком не работают.

— Почему именно они? Что мешает остальным просто взять и добыть этот жемчуг самим?

— Жемчуг рождается в глубоководных разломах, куда обычному существу не спуститься, — пояснил Зинк. — Давление, холод, темнота, и кое-что ещё. Астральная турбулентность, от которой любой разум, кроме зверюльского, мгновенно рассыпается. У Шепчущих особое устройство нервной системы. Они этот шум просто не слышат сознанием, он проходит мимо, не долетая до мысли. Даже гномьи игрушки там бесполезны, механизмы сразу же ломаются.

— Оскорбительно, если по-честному, — вставил Грегг с притворной обидой, будто лично отвечал за все механизмы своего народа разом. — Мы вообще-то гордимся, что наши штуки работают везде.

— Не везде, — усмехнулся Зинк. — Сам Союз, к слову, пробовал решить вопрос иначе. Примерно век назад, эльфы возглавили целый поход всей коалиции, вбив себе в голову, что

жемчуг должен принадлежать сильнейшим магам по праву. С треском провалились. Дело в том, что добыча жемчуга требует спокойствия. Под принуждением, в панике, Шепчущие просто не могут погружаться так, как нужно. Завоюешь остров силой, а толку с него ноль, добыча попросту останавливается. К тому же в дело вмешались Вольные Клань, а вести войну сразу на два фронта Союз себе позволить не мог. Жемчуг сам себя защищает лучше любой армии.

— Занятно, — сказал Зерон, мысленно откладывая услышанное в тот же уголок памяти, где уже хранились Союз, Вольные Клань, Драконы и всё остальное, из чего постепенно складывалась хоть какая-то карта этого мира.

Зинк рассказал ещё немного: про Рысь, капитана гильдии наёмников звероловцев, про главу гильдии Шепчущих, слепого старика, которого все звали просто Дедом и который, по слухам, слышал песню жемчуга даже стоя на суше. Потом разговор незаметно перетёк в обсуждение других земель, других народов, пока солнце не начало клониться к закату.

К вечеру отряд решил разбить лагерь у небольшой роши в стороне от дороги. С рассветом можно было снова двинуться дальше. Ужинали припасами из заплечных мешков, устроившись вокруг небольшого костра, и разговор, прежде такой насыщенный сухими фактами о мире, постепенно свернул на что-то более личное.

Зерон посмотрел на Грегга, сидевшего чуть сгорбившись над очередным винтиком. Коре-настоя, шире в плечах, чем полагалось бы гному его роста, с рыжеватой бородой, аккуратно заплетённой в несколько тонких косичек, и с носом с заметной горбинкой. Пальцы у него были покрыты въевшейся металлической пылью, которую, судя по всему, не отмыть было уже никаким мылом.

— Зинк упоминал про гномьи механизмы, — сказал Зерон. — Расскажи подробнее, откуда это у тебя.

— У нас в Кар-Друне без этого никак, — ответил Грегг, не отрываясь от работы. — Отец кузнецом был, дед тоже, прадед механизмы для рудников строил. Молоток мне в руки вложили едва ли не раньше, чем я толком научился разговаривать. Просто в какой-то момент понял, что арбалет и такая жизнь мне подходят больше. Вот так и отправился в мир.

Рядом с ним сидел Тиббит. Щуплый, с копной выющихся волос и внимательным, цепким взглядом человека, привыкшего замечать больше, чем показывает. Посох его, прислонённый к бревну неподалёку, тускло поблёскивал в свете костра.

— Эти ледяные иглы, — сказал ему Зерон. — Выглядело красиво.

— Магия среди халфлингов, та ещё редкость, — с гордостью ответил Тиббит. — Это не то что у эльфов, у которых она чуть ли не в крови от рождения. У нас это либо редкий дар свыше, либо результат какого-то давнего кровосмешения. Никто толком не разбирается откуда. Уж не знаю, кому сказать спасибо, Драконам или какой-нибудь из моих прабабок, но я родился с этим даром. Народ мы маленький, вояки из нас так себе, а вот маг из меня вышел вполне приличный.

— А ты? — Зерон повернулся к Тобиасу: тонкому, с острыми, почти хрупкими на вид чертами лица, с тем неизменно настороженным, немного отстранённым выражением, которое, казалось, редко его покидало, и со светлыми, почти бесцветными волосами, собранными в тугий хвост. — Ты же эльф. Почему меч, а не магия?

Тобиас на мгновение замер, потеряв переносицу, а затем заговорил.

— Потому что магии у меня нет. Для эльфа это редкость и, если совсем честно, позор. Такое случается, когда рождается двойня или тройня. Магический дар достаётся только одному из детей, зато его сила словно вбирает в себя долю остальных. Того, кому повезло, воспитывают как надежду рода. Остальных как изгоев, которым в приличном эльфийском обществе попросту нет места.

Зерон помолчал, обдумывая услышанное.

— Значит, у тебя есть брат или сестра?

— Две сестры, — ответил Тобиас после паузы. — Ирис и Лея. Я из тройни. Семья у нас была знатная, и магию унаследовала одна из сестёр. Огромный потенциал, настоящая надежда рода. Её убили, когда ей было десять. Конкурирующие семьи испугались, какой силы она могла достичь, повзрослев.

— Мне жаль, — тихо сказал Зерон.

— Мы с Ирис были изгоями с самого рождения, — продолжил Тобиас, глядя в огонь, а не на кого-то из собеседников. — Сбежали, когда нам исполнилось четырнадцать.

— А вторая сестра? Ирис?

— Тоже умерла. — Голос Тобиаса стал жёстче, отрезая любые дальнейшие вопросы. — Не хочу больше об этом говорить.

Настроение у костра ощутимо изменилось. Стало тихо, будто сам воздух стал плотнее. Зерон заметил, как напряглась Йола, сидевшая чуть в стороне. Плечи вдруг стали неестественно прямыми, а взгляд метнулся куда-то в темноту за пределами костра.

Затянувшуюся тишину разбил Лео: огромный, широкоплечий, с обветренным, загорелым лицом человека, привыкшего к тяжёлой работе под открытым небом, и той открытой, простодушной улыбкой, которая, казалось, никогда полностью не сходила с его лица. Заговорил он нарочито бодрым, почти шутовским тоном, будто задался целью силой вытащить компанию обратно на свет.

— А я вот, если тебе интересно, фермер бывший, — объявил он, широко улыбаясь и обращаясь именно к Зерону. — Землю пахал, представляешь? Причём не абы как. У нас в семье это было целое искусство: отец учил, дед учил, все гордились урожаем на всю округу. А толку-то, землепашеством особо не разбогатеешь, сколько ни старайся, сколько бы там ни хвалили твою пшеницу на ярмарке. А ещё у меня с детства был один талант, за который на ярмарках хвалили ничуть не меньше. Я умел набить морду любому, кто слишком много о себе возомнил. Однажды набил её страннику, который оказался бывшим наёмником, и вместо того чтобы обидеться, он полдня меня разглядывал, а потом предложил пойти с ним. Прикинул я тогда: с мечом заработаю куда больше, чем с плугом, и, как видишь, как в воду глядел.

На лицах снова появились улыбки, искренние, с явным облегчением. Обстановка вокруг костра снова потеплела, будто истории Тобиаса и не было вовсе.

Боясь снова задать неуместный вопрос, Зерон лишь покосился на Йолу, но та, будто уловив этот взгляд кожей, сама заговорила, не дожидаясь просьбы.

— Отец был егерем, — сказала она, ловко чистя наконечники стрел, не глядя на собственные руки. — С пяти лет таскал меня по лесу. Учил читать следы, различать голоса птиц, стрелять так, чтобы стрела не дрожала в полёте. Иногда даже приходилось охотиться на людей: браконьеров, которые лезли в чужие угодья. Отец не церемонился с такими.

— А каково это было, впервые? — осторожно спросил Зерон.

Йола на секунду замерла, разглядывая наконечник стрелы в руках.

— Мерзко, — призналась она честно. — А потом привыкаешь. Как ко всему, наверное.

Зерон слушал внимательно, стараясь удержать в памяти каждую деталь этих рассказов. Своих собственных историй у него не было ни одной, и чужие сейчас служили единственной опорой, за которую можно было хоть немного зацепиться в этом чужом мире.

Он повернулся было к Зинку, ожидая и от него какого-то рассказа, но тот, вместо того чтобы включиться в разговор, сосредоточенно рылся в своей сумке, перебирая содержимое снова и снова, с каждым разом всё более хмуясь.

— Всё в порядке? — спросил Тобиас, заметив, что это затянулось дольше обычного.

— Не хватает амулета отложенного убийства, — ответил Зинк, не отрываясь от поисков. — Не верю, что мог его потерять. Я никогда не теряю своих амулетов.

— А что это за амулет? — заинтересовался Зерон.

— Проклятие, — коротко пояснил Зинк, наконец оставив в покое сумку. — Подложишь его кому-нибудь незаметно, и тот умирает спустя время, безо всякой видимой причины.

— И как ты его вообще с собой носил, если это проклятие?

— Активируется кровью, — ответил Зинк. — Пока амулет не смочен ею, это просто безобидное плетение.

Он ненадолго замолчал, а затем неохотно рассказал немного о себе. Вырос где-то среди островов Архипелага, никого, кроме звероловцев, за всю жизнь там не видел, ремеслу ритуалиста учился с детства у старших, а в отряд наёмников пришёл, когда собственное племя стало ему тесновато. Договорив, он снова помрачнел.

— Всё равно не понимаю, куда он мог деться, — пробормотал Зинк, ещё раз обшаривая сумку напоследок, прежде чем сдаться и убрать её в сторону.

Ночью, когда лагерь затих, снаружи послышался тихий шорох. Полог палатки дрогнул, и внутрь скользнула Йола. Бесшумно, привычным уже движением, будто это давно стало между ними чем-то само собой разумеющимся.

Она опустила руку рядом с ним, и в темноте её пальцы нашли его сразу, без раздумий, провели по груди, задержались на секунду, а затем притянули его ближе требовательным, нетерпеливым движением.

Позже, когда она уснула, устроившись головой у него на плече, Зерон ещё долго лежал без сна, разглядывая её в тусклом свете, пробивавшемся сквозь щель полога. Рыжие волосы, разметавшиеся по его руке, казались в этом свете почти тёмными, бронзовыми. Едва заметная россыпь веснушек на переносице и скулах обычно терялась на фоне её зелёных глаз, но сейчас, когда те были закрыты, вдруг стала единственной деталью, за которую цеплялся взгляд. Она хмурилась даже во сне, чуть заметно, будто и в снах не могла до конца расслабиться, а он смотрел на это лицо и думал, что, пожалуй, впервые за всё время своего существования в этом мире совершенно не хочет, чтобы наступало утро.

Когда сон все-таки победил, он снова оказался в Хабе.

— Знаешь, — сказал он Ариадне, паря в привычной черноте, — такая жизнь мне нравится куда больше прежней. С тех пор как закончилась осада лагеря, я как будто наконец начал жить, а не просто выживать. У меня появились друзья.

— Друзья? — повторила Ариадна с той интонацией, в которой безошибочно угадывалась приподнятая бровь, будь у неё лицо, чтобы её поднимать.

— И вообще, — продолжил Зерон, будто убеждая не столько её, сколько самого себя, — кто вообще сказал, что предатель кто-то из них, а не просто кто-то посторонний, случайно подслушавший разговор? Они ведь бились рядом со мной во время осады. Приняли меня к себе. Ведут за руку через весь этот мир. Они...

Он не договорил, не найдя подходящего слова.

— По крайней мере, — сказал он наконец, — ко мне они точно относятся хорошо.

— Трогательно, — отозвалась Ариадна, и в её голосе смешались добрая насмешка и что-то похожее на настоящую теплоту. — Ладно, живи в своё удовольствие, раз оно у тебя наконец появилось. Заслужил, наверное.

Зерон решил заглянуть в Сигил Глаза и обнаружил там куда больше, чем ожидал. Энциклопедия расплзлась целым сводом знаний, накопленных буквально за последний день: Свободный Архипелаг, Шепчущие, устройство гильдий, календарь, названия месяцев. Отдельная вкладка теперь показывала журнал забегов и ключевых решений. С датами, привязанными к местному летоисчислению, будто система наконец начала всерьёз воспринимать его пребывание в этом мире как нечто, достойное подробной хроники.

Он заглянул и в Сигил Эха. Пересмотрел оба фрагмента ещё раз — капу, дедовские часы. Задал Ариадне несколько вопросов про Элиаса, про связь между ними, про то, что вообще всё это значит, но у неё, как обычно, не нашлось ответов.

— Не торопись с этим, — посоветовала она мягко. — Оно само придёт, когда придёт. Вытягивать клещами бесполезно.

Раз жизнь мне сейчас нравится, — подумал он, — глупо было бы не пользоваться этим, пока получается.

Он коснулся Сигила сохранения. Каким бы удачным ни выдался этот день, переживать его заново не стоило, как и любой другой день его жизни. С этой мыслью Зерон покинул Хаб.

Ему снился Элиас. Тот самый, дерущийся. Квадратная площадка, обнесённая верёвками, гул толпы вокруг, капа, зажатая в кулаке.

Он проснулся утром от того, что его тормозила Йола. Они позавтракали остатками припасов и снова отправились в путь.

По дороге Зерон продолжал расспрашивать обо всём подряд, и в какой-то момент вспомнил приснившееся.

— А что за вид драк, где на руки надевают большие мягкие перчатки? — спросил он, не особо надеясь на внятный ответ. — Не знаю названия, просто... видел где-то.

Грегг рассмеялся первым.

— Перчатки? Для драки? Зачем бы кому-то смягчать собственные удары специально? Ты это выдумал, что ли?

— Приснилось, — признался Зерон, чувствуя себя немного глупо. — Подумал, может, связано с моим прошлым. Видимо, просто фантазия сна.

— Ну, драки у нас есть, — сказала Йола. — Обычные, без всяких перчаток. Уличные, трактирные. А ещё есть настоящие турниры в коллизее Вавилона. Крупные, зрелищные, с настоящими ставками.

— Лео вон пару раз участвовал, — добавил Грегг с ухмылкой, кивнув в сторону воина.

— Участвовал, было дело, — отозвался Лео, и на лице его тут же появилась знакомая шутовская улыбка. — Оба раза продул, зато с блеском. В первый раз соперник меня пощадил. Видимо, решил, что урок и так усвоен на всю жизнь. Во второй раз пощады не дождался. — Он картинно похлопал себя по груди сквозь рубаху. — Шрам вот теперь ношу через всю грудь, красавец. Целители еле откачали. Зато девчонок впечатляет невероятно.

Разговор ненадолго затих, а затем сам собой свернул на тему амнезии Зерона. Способы вернуть память, менталисты Вавилона, слухи о редких артефактах, способных восстанавливать утраченные воспоминания.

— А знаешь, — сказал вдруг Тобиас, до этого державшийся в стороне от разговора, — может, оно и неплохо, что ты что-то забыл. Я вот иногда сам хотел бы забыть кое-что навсегда.

Он не стал развивать мысль дальше. Остальные, судя по всему, знали куда больше, чем говорили вслух, но Зерон уже услышал достаточно вчера у костра, чтобы не лезть с новыми вопросами.

За разговорами дорога словно сама собой сократилась, и вот вдалеке, там, где горизонт прежде оставался ровной линией, начали проступать очертания гор, смыкающихся в широкое, почти правильное кольцо. Корона Дракона, как её называли. А внутри этого каменного кольца, укрытый горами со всех сторон, будто драгоценность в оправе, угадывался город: шпили, купола, слишком многочисленные и слишком высокие, чтобы принадлежать чему-то обычному.

Ещё несколько часов пути, и они окажутся в самом центре мира.

Статистика

Забегов: 96

Уровень: 18 (до следующего — 5 843)

Сила: 6

Ловкость: 15

Выносливость: 7

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват, Эквилибрист

Уровень владения оружием: Кинжал — 7, Лук — 2, Щит — 1

Техники Разлома: Шаг в пустоту

Глава 23

Ворота Вавилона показались задолго до того, как отряд к ним подошёл, и всё же, приблизившись вплотную, Зерон понял: никакое ожидание не подготовило бы его к этому зрелищу по-настоящему.

Стены уходили вверх на добрых три десятка метров, сложенные из светлого, почти белого камня, который на солнце казался отполированным до блеска, а за стенами, насколько хватало глаз, вздымались шпили, купола, башни, увенчанные флюгерами в форме драконьих голов. Ворота охраняла гвардия, каких он ещё не видел. Рослые всадники в доспехах, отливающих золотом и лазурью. У каждого на плаще красовался собственный герб. То золотой дракон, свернувшийся кольцом, то стальной силуэт на тёмном фоне. Будто каждый всадник нёс личную преданность одному-единственному покровителю, а не всем сразу. Кони под ними стояли неподвижно, будто высеченные из того же камня, что и стены. Только настороженные глаза животных выдавали жизнь.

Тобиас протянул одному из стражников свёрнутый контракт гильдии; тот бегло пробежался по нему взглядом, кивнул, и отряд прошёл сквозь врата, не задержавшись ни на секунду дольше необходимого.

Зерон оказался на улицах, кипящих такой плотной, разноголосой жизнью, что прошёл всего несколько шагов, прежде чем встал столбом, не в силах решить, куда смотреть в первую очередь.

Люди спешили мимо, толкая тележки с товаром. Эльфы скользили сквозь толпу неторопливо, но при этом всегда каким-то образом оказывались там, где толпа сама расступалась, словно заранее знали, куда та подастся в следующий миг. Гномы торговались с кем-то у прилавка, размахивая руками так яростно, будто на кону стояла судьба всего мира. Мимо прошёл орк — огромный, в добротной кожаной броне, с боевым топором за спиной, и никто из прохожих даже не обернулся ему вслед: здесь, судя по всему, вооружённого орка на улице привыкли видеть не реже, чем разносчика хлеба. Тифлинги с кожей оттенков меди и бронзы торговали благовониями с лотка. А в стороне, у фонтана, безобидно копошилась стайка гоблинов. Мелких, суетливых, явно живущих здесь давно и никого не тревожащих своим присутствием.

Всё было именно так, как ему рассказывали, и всё же оказалось куда громче, ярче и живее, чем любое описание.

Зерон засмотрелся на резные фасады домов, на летающие над улицей бумажные фонари неведомого назначения, на уличного музыканта, извлекающего из странного, похожего на арфу инструмента звуки настолько чистые, что хотелось остановиться и дослушать до конца, и только спустя добрую минуту такого детского, ничем не сдерживаемого любопытства понял: отряда рядом больше нет.

Он завертел головой, ища знакомые лица среди сотен незнакомых, но толпа уже подхватила его собственным течением, увлекая дальше по улице, и высвободиться из этого потока оказалось не легче, чем выбраться против течения из быстрой реки.

— Прощу прощения, — пробормотал он, врезавшись плечом в какого-то торговца, разворачиваясь, чтобы извиниться, и тут же натолкнулся на кого-то ещё, отступая назад.

И тогда он почувствовал, как чьи-то пальцы оказались у самого пояса, ловкие, быстрые, а в следующий миг один из его кинжалов исчез из ножен.

Реакция сработала быстрее мысли. Зерон рванулся следом, расталкивая прохожих, но не успел пройти и десяти шагов, как кто-то другой, возникший будто из ниоткуда, сбил воришку с ног одним точным, быстрым движением, вырвал кинжал из его руки и, не сбавляя темпа,

схватил самого Зерона. Не грубо, но крепко, чуть ли не за шкурку утягивая его в сторону, в тихий переулок между двумя лавками.

— Потерялся? — произнёс высокий человек в бесформенных, широких одеждах, лицо которого скрывал низко надвинутый капюшон. Он протянул Зерону кинжал рукоятью вперёд.

— Спасибо, — отозвался Зерон, забирая оружие и настороженно разглядывая своего спасителя.

— Неплохой ножичек. Ты ведь не местный?

— Не местный, — признал Зерон. — Заметно?

— Есть немного.

— Пойдём, отойдём чуть дальше по улице, — сказал незнакомец, кивнув куда-то за спину Зерона. — Закажем пива, спокойно поговорим. Не посреди этой давки же.

— Не могу, — покачал головой Зерон. — Я потерял своих спутников. Нужно их найти, а не рассиживаться по трактирам.

— Спутников? — Незнакомец чуть склонил голову набок. — Каких спутников?

— Наёмники из гильдии.

— А. — Он небрежно махнул рукой. — Тогда тем более пойдём. Я примерно знаю, где искать вашу братию, так что заодно и провожу.

— Всё равно. Чем быстрее найду, тем лучше.

— Провожу, — повторил он так, будто это было делом решённым ещё до того, как Зерон успел возразить. — Но сперва кружку пива. В горле пересохло, а до гильдии путь неблизкий.

Зерон, не имея других зацепок в незнакомом городе, согласился.

Его провожатый привёл его в полупустое питейное заведение, притулившееся в глубине узкой улочки. Низкий потолок, запах пролитого эля и старого дерева. За единственным занятым столиком сидели два тифлинга, негромко переговаривавшихся на своём наречии. Зерон невольно напрягся, рука сама потянулась к поясу.

Спутник, заметив это, положил ему на голову тяжёлую ладонь, как бы успокаивая ребёнка, а не взрослого человека, и Зерон ощутил под этой ладонью что-то неожиданно сухое и жёсткое, совсем не похожее на обычную человеческую кожу.

— Спокойно, — сказал он. — Это Вавилон. Земли Фронтيرا, а не Внешние земли.

Зерон немного расслабился, хотя настороженность до конца не отпустила. Человек в капюшоне заказал два местных пива; когда трактирщик назвал цену, Зерон неожиданно для себя самого протянул две искры, из тех, что успел прибрать ещё в лесу, обыскивая мёртвого вожака гоблинов.

— Это тебе за кинжал и за то, что не бросил меня блуждать по городу, — сказал он.

— Не очень гостеприимно с моей стороны позволять гостю платить, — усмехнулся его спутник, пока трактирщик сгребал монеты со стойки, — но так и быть, приму твою благодарность.

Они сели за свободный стол в углу, и хозяин капюшона принялся расспрашивать Зерона: кто он, откуда, что привело его в Вавилон. Зерон отвечал честно, как отвечал уже не раз прежде, а сам тем временем украдкой разглядывал собеседника, пытаясь уловить хоть что-то из-под низко надвинутого капюшона. Лица было не разглядеть целиком, тень скрывала его надёжно, зато на свету оказались руки. Кожистые, чёрные, человеческие по форме, но с каким-то неприятно острым, почти хищным изгибом суставов.

— А ты кто? — спросил Зерон, закончив собственный рассказ. — Откуда сам?

— Не особо жалую внимание к своей персоне, — ответил тот с лёгкой, почти дружелюбной уклончивостью. — Предпочитаю не выделяться.

Убедившись, что Зерону больше нечего добавить к рассказанному, он поднялся, кивнул на выход и предложил всё-таки проводить его до гильдии, как и обещал. Вёл он какими-

то извилистыми подворотнями, то и дело сворачивая в проходы настолько узкие, что протиснуться там могли разве что двое в ряд, и всякий раз повторял одно и то же: «Здесь сократим».

— Почти пришли, — сказал он наконец, когда впереди показалась более широкая, оживлённая улица.

Как только они на нее вышли, кто-то окликнул Зерона по имени. Он резко обернулся, разыскивая источник среди толпы, и, найдя наконец знакомые лица разведотряда, махнул рукой в ответ. А когда обернулся снова, чтобы поблагодарить своего провожатого, того уже не было. Ни в переулке, ни на улице, ни в толпе. Будто и не существовало вовсе.

— Ты куда пропал? — спросил подошедший Грегг, оглядывая его с ног до головы, будто проверяя на предмет повреждений.

— Потерялся в толпе, — признался Зерон, чувствуя себя немного глупо от того, как это прозвучало вслух.

— Совсем как ребёнок, — беззлобно поддел его Лео, взъерошив ему волосы тяжёлой ладонью.

— Меня, кстати, кто-то нашёл и проводил обратно, — добавил Зерон, всё ещё оглядываясь по сторонам в поисках исчезнувшего незнакомца. — Не представился. Прятался под какими-то бесформенными одеждами, лицо не разглядеть под капюшоном. А руки у него были странные. Чёрные, кожистые, будто не совсем человеческие.

Отряд разом притих. Тобиас и Йола переглянулись, и в этом коротком взгляде читалось нечто среднее между удивлением и тревогой.

— Ты видел Инфера, — сказал Тобиас тихо, будто само это слово требовало осторожности в произношении.

— Кого?

— Инфер, — повторила Йола, разглядывая Зерона с новым, куда более внимательным интересом. — Большая редкость. Насколько большая, что многие вообще сомневаются, существует ли он на самом деле, а те, кто видел, обычно не горят желанием рассказывать об этом на каждом углу.

— И что это значит? Он опасен?

Бойцы неуверенно переглянулись.

— Толком никто не знает, — признался Грегг. — Может, тебе крупно повезло, что он решил помочь. А может, как раз наоборот, и мы просто пока не понимаем, в чём подвох.

Йола фыркнула, явно пытаясь разрядить внезапно сгустившуюся атмосферу.

— Или просто ты особенный, — сказала она, легонько толкнув Зерона плечом. — Мало ли, вдруг у Инфера тоже есть вкус на интересных людей.

Разговаривая так, вполголоса, то и дело возвращаясь к странному эпизоду, они наконец свернули на широкую площадь, в глубине которой возвышалось здание гильдии: массивное, приземистое, сложенное из тёмного, почти чёрного камня, разительно отличавшегося от светлых фасадов остального города. Над входом красовался вырезанный из того же камня герб — скрещённые клинок и весы. А массивные дубовые двери, окованные потемневшей от времени бронзой, были распахнуты настежь, пропуская внутрь и наружу постоянный ручеёк людей в разномастной, но неизменно добротной броне.

Это была конечная точка их пути. Зерон не знал, чего ждать внутри, и на мгновение застыл перед распахнутыми дверями. Лео легонько подтолкнул его в спину, и Зерон, наконец стряхнув оцепенение, шагнул вперёд, вслед за остальными.

Статистика

Забегов: 96

Уровень: 18 (до следующего — 5 843)

Сила: 6

Ловкость: 15

Выносливость: 7

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват, Эквилибрист

Уровень владения оружием: Кинжал — 7, Лук — 2, Щит — 1

Техники Разлома: Шаг в пустоту

Глава 24

Главный зал гильдии встретил их гулким эхом высоких сводов и прохладой, разительно отличавшейся от духоты и суеты городских улиц.

Помещение оказалось огромным. Колонны из тёмного камня подпирали потолок, терявшийся где-то в полумраке; вдоль стен тянулись стенды с трофейным оружием, картами походов, выцветшими от времени флагами каких-то давно завершённых кампаний. А посреди зала, приковывая взгляд сильнее всего остального, возвышался скелет — огромный, с растопыренными рёбрами, напоминающими арки собора, с черепом размером с целую телегу, из которого всё ещё торчали ряды загнутых, будто клинки, зубов.

— Лже-дракон, — пояснил Лео, заметив, куда смотрит Зерон. — Из Туманных Пределов, на востоке. Здоровенная мутировавшая ящерица, которая маскируется под настоящего дракона размером, силуэтом, даже повадками. Огня, само собой, не изрыгает, но когти и зубы у него были вполне настоящие. Кто-то из наших добыл его лет тридцать назад, с тех пор скелет здесь, вроде памятника.

— Всё равно жуткая тварь, — заметил Зерон, разглядывая размах костяных крыльев над головой.

Разведотряд подошёл к стойке распорядителя, немолодого мужчины с аккуратно подстриженной бородой и стопкой пергаментов под рукой, и Тобиас коротко доложил о выполненном контракте, попутно представив Зерона. Распорядитель окинул новичка беглым, оценивающим взглядом, задал несколько формальных вопросов об имени, происхождении, специализации и, получив от отряда короткое, но уверенное поручительство, протянул Зерону деревянный жетон на простом кожаном шнурке.

— Первый ранг, — сказал он без особых церемоний. — Дальше сам.

В тот же момент перед Зероном развернулось системное окно.

[Рут «В Вавилон. Попутчики» завершён.]

Он бегло скользнул по надписи взглядом и закрыл её почти сразу. Сейчас куда важнее было другое, живое, происходящее вокруг.

— А у вас какие? — спросил он, разглядывая свой новенький деревянный жетон.

Отряд с готовностью продемонстрировал собственные. Грегг и Тиббит показали медные кругляши, второй ранг; Зинк, Йола и Лео — серебряные, третий. Тобиас молча выудил из-под ворота золотой жетон, ощутимо тяжелее остальных, — четвёртый ранг, самый высокий в их отряде.

— А выше есть? — поинтересовался Зерон.

— Есть платиновый, пятый, — ответил Тобиас. — Алмазный, шестой. Уже настоящая редкость. А седьмой, звёздный, с осколком метеорита прямо в оправе, вообще из области легенд. За всю историю гильдии его получали всего четверо. Сейчас у нас в гильдии только двое шестого ранга: сам глава, который миссий давно не берёт, разве что решает, кому какие достаются, и один странствующий эльф, боевой маг по прозвищу Палач. Появляется раз в год, максимум два, потом снова пропадает.

— А золотой, четвёртый, — добавила Йола, — это уже порог, с которого дают официальное прозвище. Вот Тобиас, например, Дуэлянт.

— Почему именно так? — спросил Зерон.

— Манера боя, — фыркнул Грегг. — Короткий меч, дистанция, на которой хочется решать всё лично и красиво, а не издалека. Плюс характер: задиристый, склочный, любит доводить дело до личной стычки там, где можно было бы обойтись словами.

Зерон невольно вспомнил их самую первую встречу, с её обнажённым до половины мечом и резким, почти враждебным тоном, и не удержался от короткой усмешки.

— Похоже на правду.

— Смейся, смейся, — беззлобно огрызнулся Тобиас.

Компания принялась вслух гадать, какое прозвище со временем могло бы прилипнуть к Зерону. Предположения становились всё нелепее одно другого, а затем Йола хлопнула в ладоши, заявив, что вступление в гильдию нужно отметить.

— Сегодня, с дороги, просто отдохнуть, — подытожил Тобиас. — Завтра уже возьмём новую миссию.

Любимый трактир отряда оказался в квартале, прочно занятом выходцами из Союза. По словам Грегга, бойцов Вольных Кланов здесь не жаловали, а держал заведение бывший согильдиец, из-за чего место давно и неофициально считалось баром именно их гильдии.

За стойкой Зерон познакомился с барменом — коренастым гномом по имени Якорь, чьё правое предплечье и левая нога были заменены грубоватыми, но явно надёжными механическими протезами, поскрипывающими при каждом движении.

— Пятого ранга был когда-то, представляешь, — шепнул ему Грегг, пока Якорь разливал по кружкам эль. — Платиновый жетон в столе где-то валяется, говорит, надоело таскать с собой.

Никто из компании не бросил на протезы Якоря ни единого лишнего взгляда, будто это было настолько обыденной деталью, что и упоминать её не стоило. Зерон решил последовать общему примеру и тоже не заострять внимания. В конце концов, что тут особенного. Наёмник, теряющий часть себя в бою, здесь, судя по всему, встречался сплошь и рядом. Живой, уже хорошо, остальное вторично.

Компания расселась за длинным столом у окна, и разговор быстро свернул на воспоминания. Кто как вступал в гильдию, какие миссии запомнились больше всего, кто и где получил свой первый шрам.

— А с крышей над головой у тебя как теперь? — спросил вдруг Грегг, будто вспомнив о чём-то важном.

— Действительно, — подхватил Тиббит с наигранно серьёзным видом. — Или он теперь просто будет жить с Йолой?

За столом раздался дружный, беззлобный хохот. Зерон растерянно моргнул, не найдясь с ответом, а Йола, слегка порозовев, но не отводя взгляда, пожала плечами.

— Ну, я вроде как... именно так и думала, — призналась она.

— Я не против, — сказал Зерон, и по тому, как расслабленно она улыбнулась в ответ, понял: сказал ровно то, что нужно было сказать.

Компания продолжила пить, знакомить Зерона с другими членами гильдии, то и дело подходившими поздороваться, и в какой-то момент кто-то из проходящих мимо бойцов, услышав пересказ истории с гоблинским лагерем, широко ухмыльнулся.

— Вот это, значит, тот самый герой, что в одиночку одолел главного босса — неприступную Йолу!

За столом снова раздался смех, на этот раз чуть более едкий. Зерон вопросительно взглянул на Йолу.

— Может, стоит ему шею намять? — тихо спросил он.

— Не стоит, — рассмеялась она, махнув рукой. — Пусть болтает.

К ночи народ начал понемногу расходиться. Зерон и Йола вдвоём вышли на улицу, направляясь к дому. Прохладный воздух приятно остужал разгорячённое элем лицо.

— А что вообще значит «неприступная»? — спросил он по дороге, вспомнив ту шутку.

Йола рассмеялась. Коротко, но уже не так легко, как раньше, а затем помрачнела.

— Я красивая, — сказала она без всякого кокетства, просто как факт. — И сама это прекрасно знаю. Быть красивой девушкой и без того непросто и небезопасно. А быть красивой наёмницей, это уже почти преступление, за которое лучшая награда — смерть.

Улицы вокруг постепенно менялись. Праздничная, ослепительная сердцевина Вавилона осталась позади, а здесь, ближе к окраинам гильдейского квартала, ночь принадлежала совсем другому городу. В подворотнях мелькали фигуры в глубоко надвинутых капюшонах, торговавшие чем-то из-под полы; у стены, безучастно глядя перед собой, сидел человек с остекленевшим взглядом, явно давно потерявший счёт времени; двое настороженных типов быстро о чём-то договаривались, передавая друг другу небольшой свёрток. Новенькие наёмницы, как позже узнал Зерон, нередко просто не возвращались с первых заданий, и никто особенно не удивлялся: смерть на контракте здесь была обыденностью, ведь каждый из них шёл убивать, заранее принимая и собственный риск погибнуть. Но куда чаще, чем чужие клинки, наёмники убивали свои же — те, с кем они делили одну палатку и один костёр.

Зерон шёл рядом молча, боясь неверным словом оборвать то небольшое, что Йола была готова рассказать сама.

— Отец хорошо научил меня стрелять, прятаться по лесам и охотиться, — заговорила она снова, глядя прямо перед собой. — Когда я только вступила в гильдию, меня взяли в первый попавшийся отряд трое мужчин постарше. В первую же ночь на первом задании они решили, что раз девушка одна среди чужих, вдалеке от города, почему бы не взять то, что, по их мнению, само напрашивалось. Мне повезло с местностью. Успела скрыться до того, как всё зашло дальше, чем я готова была стерпеть. А потом устроила охоту сама.

Она сказала это ровно, будничным тоном, каким рассказывают о чём-то давно пережитом и обдуманном сотню раз, и от этой ровности Зерону стало только страшнее.

— Свою первую группу я вырезала полностью, — продолжила она. — Когда вернулась, сказала, что на нас напали, миссия провалена, а я чудом сбежала. Но люди начали подозревать. Об этом отряде уже ходили не самые лестные слухи, просто меня никто не удосужился предупредить заранее. А отряд нужен всем: наёмник-одиночка почти всегда означает мёртвого наёмника. Разве что ты кто-то вроде Палача. Практически сразу кто-то из вернувшихся с соседнего задания пустил слух, что нашёл доказательства настоящего убийства всей группы, — продолжила она. — Какие бы версии ни ходили о том отряде, брать к себе предполагаемую убийцу никто не хотел. Почти никто. Один отряд всё же нашёлся, — сказала она с невесёлой усмешкой. — Видимо, я приглянулась его главе, и он позвал меня. Сказал, что их лучник серьёзно травмирован, а упускать контракт не хочется, обещал честный процент. Мне нужно было что-то есть, нужна была хоть какая-то крыша над головой. Я согласилась.

Она замолчала на секунду, а затем продолжила уже тише.

— Всё закончилось похоже. Точнее, сначала всё было в порядке. Мы даже выполнили миссию, зачистили то подземелье полностью. Но когда пришло время делить награду, глава отряда начал сперва отпускать комментарии в мой адрес, а потом прямо заявил, что свою часть я ещё не отработала.

Зерон почувствовал, как внутри поднимается что-то вязкое и тяжёлое, но не сказал ни слова, только сжал челюсти и продолжал слушать.

Йола заметила его взгляд и слабо улыбнулась, будто пытаясь заранее смягчить то, что собиралась сказать дальше.

— Не переживай так. С ножом на тот момент я уже тоже неплохо управлялась. Он потерял бдительность. Стоило мне на секунду войти в роль напуганной жертвы, и вскрыть ему горло не составило особого труда. Когда я потом открыто рассказала остальным, что вырезала прошлую группу и сделаю то же самое здесь, если понадобится, никто даже не дёрнулся. Я просто забрала свою долю награды с его трупa и вернулась в гильдию.

Слухи о наёмнице, убивающей собственных товарищей, разумеется, поползли с новой силой. Деньги быстро закончились, а брать её в отряд по-прежнему никто не хотел. От полной безысходности она решила пойти на задание в одиночку, в лесную местность, которая была её стихией, рассудив, что лучше погибнуть в бою, чем медленно подыхать от голода в какой-

нибудь подворотне. Официально эту миссию она даже не оформляла: если справится, это будет хорошо, а если не справится, то хотя бы уйдёт тихо, никого больше не потревожив.

В том лесу орудовал матёрый медведь-людоед. Йола выследила его, долго и тщательно готовила засаду, но в итоге лишь ранила зверя и разозлила ещё сильнее. В тот самый момент, когда медведь уже заносил лапу для смертельного удара, в него прилетела ледяная стрела. Это был Тиббит. А следом появились и остальные. Тогда состав отряда был немного другим, с ними была ещё Ирис.

Зерон узнал это имя сразу, он уже слышал его однажды, у костра, и отметил про себя, что так звали сестру Тобиаса.

— Но позже она погибла, — добавила Йола глухо и тут же продолжила, не давая паузе затянуться. Её спасли, отчитали за безрассудство, выслушали всю историю целиком, и пригласили присоединиться. Она сомневалась долго, но решила довериться ещё раз, в последний.

— И ни разу об этом не пожалела, — закончила она уже с настоящей, тёплой улыбкой. — Надёжные товарищи. Настоящие друзья. Позже, уже вполне освоившись в гильдии, я узнала, что за глаза мне дали прозвище — Неприступная.

— Это как-то жестоко — так шутить, — тихо произнёс Зерон, наконец нарушив собственное молчание.

— Да нет, — покачала головой Йола. — Я этим прозвищем горжусь. Уверена, именно его мне официально и присвоят, когда доберусь до четвёртого ранга.

Они шли дальше, и перед ними постепенно открывался вид на весь ночной город внизу. Вавилон не спал даже сейчас: огни в тысячах окон, редкие вспышки уличной магии, отдалённый гул толпы, доносящийся откуда-то с рыночной площади.

— Этот город не такой красивый, каким кажется, — сказала Йола, заметив, как Зерон разглядывает панораму внизу. — Не верь ему. Он пожирает и переваривает даже сильных.

— А потом? — спросил Зерон.

— А потом он, наверное, как и всё...

— Да нет, я не про город, — тихо перебил он. — Я про тебя. Что было потом.

Йола на секунду погрузилась, выдохнула, а затем всё же улыбнулась, уже почти беззаботно.

— Что было потом, давно поросло травой. — Она махнула рукой куда-то вперёд. — А ещё мы почти пришли.

Перед ними стоял узкий трёхэтажный дом, зажатый между двумя соседями почти впри-
тык.

— Наш этаж верхний. Лестница справа.

Они поднялись по скрипучей деревянной лестнице в небольшую, но уютную квартиру. Хмель, ещё не до конца отпустивший обоих после долгого вечера, гнал прочь любые остатки серьёзности, и Йола, коротко показав ему дом, увлекла Зерона за собой в спальню, где всё оставшееся тяжёлое, сказанное на улице, растворилось без следа. Остались только сбивчивое дыхание, спутанные простыни и настойчивые, ищущие руки, забывшие обо всём на свете, кроме друг друга.

В Хабе он долго не мог отделаться от услышанного.

Слова Йола, панорама ночного города, память о десятках собственных смертей на поле боя. Всё это смешивалось в единую, тяжёлую мысль: этот мир — по-настоящему страшное место, и страх этот прячется не только в лесу или на поле боя, а вот в этих самых ярких вывесках и приветливых лицах.

Сколько подобного, должно быть, прячется и в моём собственном, забытом прошлом.

Может, Тобиас всё-таки был прав, — подумал он. — Может, забыть кое-что действительно не самое худшее, что может случиться с человеком.

— Насыщенный день выдался, — сказала Ариадна тихо, без обычной насмешки в голосе.

Он не стал ничего отвечать. Просто позволил себе немного помолчать рядом с ней, пока тяжесть внутри понемногу не улеглась.

Он коснулся Сигила сохранения.

На этот раз ему ничего не снилось.

Статистика

Забегов: 96

Уровень: 18 (до следующего — 5 843)

Сила: 6

Ловкость: 15

Выносливость: 7

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват, Эквилибрист

Уровень владения оружием: Кинжал — 7, Лук — 2, Щит — 1

Техники Разлома: Шаг в пустоту

Глава 25

Зерон открыл глаза, и тут же пожалел об этом. Голова гудела, во рту будто кто-то развёл костёр, а любой звук отдавался в висках отдельным, персональным ударом.

— Так, — раздался рядом бодрый, до отвращения жизнерадостный голос Йола. — Похмелье? У тебя? Ты вообще раньше пил?

Зерон застонал вместо ответа, уткнувшись лицом в подушку.

— А может, это был твой первый раз вообще? — продолжила она, явно наслаждаясь его страданиями. — А вдруг и я твоя первая женщина. Забавно же будет.

— Всё, что мне нужно, — просипел он, — это чтобы кто-нибудь потушил солнце.

Йола рассмеялась и стянула с него одеяло, безжалостно возвращая к жизни.

— Обожаю это место, — объявила Йола, едва они устроились за столиком в небольшом заведении неподалёку от дома. — После похлёбки на костре и сухого пайка нормальная еда сама по себе праздник.

Она с искренним, почти детским восторгом набросилась на омлет, время от времени приговаривая, насколько это лучше того, чем они обычно давятся на заданиях.

Прямо посреди трапезы что-то слабо завибрировало у неё в кармане: небольшая каменная пластинка, покрытая рунами.

— Отзвонник, — пояснила Йола, разглядывая артефакт. — Кто-то из наших уже в гильдии.

В гильдии они застали Лео и Грегга — оба в состоянии, которое Зерон теперь прекрасно понимал изнутри.

— Мы, короче, поспорили вчера, чей грог крепче, — прохрипел Лео, держась за голову обеими руками.

— В смысле, чей Грегг крепче? — не понял Зерон.

— Не Грегг, а ГРОГ, — простонал сам Грегг, потирая виски. — Хотя, если честно, после вчерашнего я уже и сам не уверен, в чём была суть спора.

Особо интересных заданий на доске всё равно пока не нашлось, а послезавтра к Тиббиту приезжала погостить родня, так что после недолгого обсуждения решили не откладывать на завтра, а взять дней десять отдыха. Отпуска у отряда не было давно, а жалование наёмника вполне позволяло себе такое устроить.

Зерон почувствовал лёгкое напряжение. Из всех его пожитков осталось всего несколько искр, прибранных ещё в лесу у гоблинов.

— Не переживай, — отмахнулась Йола, заметив его лицо. — Пара дней меня не разорит.

— Верну всё, как только смогу, — пообещал он.

— Остальным сообщу, — вызвался Лео, поднимаясь с явным усилием.

Оставшись вдвоём, Зерон захотел взглянуть, какие вообще задания предлагает гильдия, и они с Йолой подошли к доске объявлений у входа, сплошь увешанной пергаменами разного размера и потрёпанности.

— Это общедоступные, — объяснила Йола. — С третьего ранга можно ещё заглядывать в специальный журнал у распорядителя, там самые жирные контракты, которые на доску даже не вывешивают.

Изучая пергаменты, Зерон обратил внимание на огромное количество объявлений о поиске пропавших людей.

— Почему их так много? — спросил он.

— Причину ты уже видел своими глазами, — ответила Йола. — За пределами Фронтيرا люди пропадают всё чаще. Иногда целыми поселениями. Если у пропавших находятся род-

ственники здесь, в Вавилоне, или в другом крупном городе, способные позволить себе нанять кого-то на поиски, появляется такое объявление.

— Людей похищают массово, а бойцы вольных кланов при этом свободно разгуливают по улицам Вавилона, и никто их к ответу не призывает?

Йола усмехнулась.

— Вавилон, это отдельный мир. Всё, что происходит во внешних землях, его попросту не касается.

Она помолчала секунду, а затем, будто решив сменить тему на менее гнетущую, предложила:

— Раз уж об этом зашло, хочешь, покажу тебе город как следует? Ты пока видел разве что дорогу от ворот до трактира.

Прогулка растянулась на большую часть дня.

Йола показала главную торговую улицу, забитую лавками и зазывалами всех рас, относительно спокойную часть квартала Вольных Кланов, попутно рассказав про негласные границы, которые там лучше не пересекать без нужды.

Дальше был Магический квартал. Высокие, увенчанные шпилями башни, воздух, будто чуть потрескивающий от постоянно творимых поблизости заклинаний.

— У эльфов магия врождённая, — объяснила Йола, пока они разглядывали фасад Гильдии Магов. — А вот у остальных рас, либо редкий дар свыше, либо результат давнего кровосмешения, никто толком не разбирается откуда. Дальше уже строгое ранжирование. Есть пять Ступеней Силы, от простеньких, которые доступны любому магу с минимальным даром, до высшей, пятой, которую способны освоить единицы во всём мире. Если у тебя недостаточно таланта, простите, никакая ступень тебе просто не откроется, сколько ни старайся. Немаги вроде нас с тобой тоже могут колдовать, но только через свитки, готовые заклинания, записанные заранее магами. Причём чем сильнее заклинание в свитке, тем больше искр придётся отвалить, чтобы иметь хоть шанс им воспользоваться, а верхние две ступени в свитки в принципе не записываются, слишком нестабильны без живого мага за спиной. Так что для простого наёмника вроде нас с тобой хорошая ледяная стрела в свитке — это уже роскошь, которую покупаешь раз в жизни, если контракт особенно щедрый.

Дальше была Дворцовая площадь с высокой, стройной башней Совета, будто вонзившейся остриём прямо в небо.

— Совет заседает прямо там, наверху, — сказала Йола, кивнув на башню. — Всего там семь мест. Двое представляют Союз, двое — Вольные Кланов, ещё двое — Архипелаг. И один Примус, глава всей церкви. Он формально ни за кого, но именно у него право вето на любое решение, если остальные не могут договориться. Гномы вечно спорят с эльфами о магии и технологиях, Вольные Кланов постоянно что-то делят между собой. В общем, каждый тянет одеяло на свою сторону, и Совет из-за этого скорее напоминает арену, чем единый орган.

Наконец дошли до площади Семи Храмов.

— Имена драконов ты уже знаешь, — сказала Йола, обводя рукой семь величественных зданий, окружавших площадь по кругу. — Вот только тут каждому посвящён отдельный храм. Мину отвечает за жизнь и исцеление, ей молятся лекари и все, кто чудом выжил там, где выжить не должен был. Люмиара покровительствует мудрости, гномам и учёным. Региас является драконом войны, к нему обращаются перед серьёзным походом. Мортис олицетворяет смерть и считается самым мрачным из семи. Гонтагар связан с торговлей, он покровитель купцов и сделок. Снормак покровительствует теням и тайнам, шпионам и всем, кому есть что скрывать. А в центре находится храм Аурелиана, короля драконов. И каждый из шести членов Совета, о котором я тебе рассказывала, — добавила она, — по факту ещё и наместник одного из этих шести драконов, приставленный к его храму. А Примус единственный, кто говорит от имени самого Аурелиана.

— Внутрь-то заходят? — спросил Зерон, разглядывая закрытые двери ближайшего храма, у порога которого несколько прохожих преклонили колени.

— Молятся в основном прямо на пороге, вот так, — Йола кивнула на коленопреклонённых. — А внутрь пускают только посвящённых. Тех, кто прошёл обряд и официально числится при церкви. В центральный, к Аурелиану, пускают только самых высокопоставленных членов церкви.

Они остановились у большого фонтана в центре площади, чтобы перевести дух и дать ногам отдохнуть. Неподалёку негромко, но горячо спорили несколько монахов в серых рясах.

— ...неподобающее поведение для лица её положения, — донеслось до Зерона. — Слишком дерзкая. Слишком вольная. Будь на то воля Совета, её давно бы высекли, если бы не покровительство Примуса...

— О ком это они? — спросил Зерон тихо.

— О принцессе Ариетте, — фыркнула Йола, и в голосе её отчётливо прорезалась неприязнь. — Избалованная королевская дочь, будущая наследница, которую якобы спас один из Драконов, и теперь она носится по всему городу как ходячее чудо, творя добрые дела напоказ. Вот только сироты, знаешь ли, никуда не делись. Грабежи никуда не делись. Наркотики, чёрные рынки. Всё как было, так и есть, просто теперь вдобавок обёрнуто красивыми разговорами о благотворительности. Одна большая показуха, а реальная польза не выходит дальше привилегированных кварталов. Если бы ты её увидел, — добавила Йола с кривой усмешкой, — точно бы понял, насколько она пустая и фальшивая.

Зерон промолчал, не имея собственного мнения по вопросу, о котором слышал впервые в жизни.

Передохнув, они направились обратно домой.

— Раз уж выдались свободные дни, — сказала Йола по дороге, — можем заняться снаряжением, поваляться в постели подольше обычного, обойти пару мест с действительно вкусной едой. А заодно, — она хитро прищурилась, — не мешало бы наконец научить тебя грамоте. Стыдно ведь, жетон гильдии есть, а расписаться толком не можешь.

Едва Зерон и Йола скрылись за поворотом улицы, из одного из семи храмов вышла принцесса Ариетта. Стройная, в простом, но безупречно скроенном светлом платье, она направилась важным, уверенным шагом в сторону дворца. Волосы, светлые, почти медовые, собраны в скромную причёску, не претендующую на роскошь, и тем не менее вся её осанка, весь разворот плеч выдают человека, привыкшего быть в центре всеобщего внимания и несущего эту ношу легко, будто она рождена именно для этого.

Площадь провожает её взглядами. Десятками, сотнями взглядов разом. И в подавляющем большинстве это восхищение, неприкрытое и искреннее. Кто-то склоняет голову, кто-то шепчет благословение, чей-то ребёнок вырывается из материнской руки, чтобы просто посмотреть на неё поближе.

Она идёт, чуть заметно улыбаясь этому вниманию, а в голове её крутится одна и та же мысль, повторяемая едва ли не каждый день: раз есть поддержка церкви, поддержка народа и хотя бы часть Совета, нужно успеть сделать как можно больше, пока это время ещё есть. Пока никто не решил, что куда было достаточно.

Позже, дома, Зерон лежит на мягкой постели, а Йола, устроившись рядом, лениво перебирает пальцами его волосы, рассказывая одну из бесчисленных историй их совместных походов, что-то про застрявшего в болоте Грегга и про то, каким чудом им удалось вытащить его вместе со всей поклажей. Голос её звучит тепло, размеренно, убаюкивающе, и Зерон не замечает, в какой именно момент рассказ сменяется сном.

В Хабе он поделился с Ариадной странным, тянущим чувством тревоги, преследовавшим его весь этот, в остальном совершенно счастливый, день.

— Хм, — протянула она задумчиво. — Видимо, ты был невнимателен и плохо прочитал условия пользования системой. Уверена, там была строчка мелким шрифтом про чрезмерное употребление алкоголя.

Зерон не сразу понял, шутит она или говорит серьёзно.

— Я — справка по Хабу, — пояснила Ариадна уже мягче, заметив его замешательство. — Всё, что происходит за его пределами, формально не в моей компетенции. Но если бы ты спросил моего совета прямо здесь, внутри, я бы предложила тебе какое-то время не сохраняться. На всякий случай.

Зерон хотел было разозлиться на неопределённость, на очередное «не моя компетенция», но, услышав сам совет, вдруг понял: она по-прежнему помогает, просто в тех рамках, которые ей отведены. Он ведь и сам не мог рассказать про перерождения напрямую, так что и её собственные ограничения, если вдуматься, были по-своему справедливы.

— Спасибо, — сказал он искренне.

И проснулся без сохранения.

Утром тревога только усилилась.

День прошёл хорошо. Они с Йолой отлично провели время, обошли пару рекомендованных ею забегающих, посмеялись над его неуклюжими первыми попытками разобрать буквы, но расслабиться до конца не получалось. Он то и дело мысленно вызывал системное окно и копался в нём, пытаясь понять, что именно не так, но ничего необычного не находил. Ночью он снова поговорил с Ариадной, снова получил тот же осторожный совет, снова проснулся без сохранения.

На третий день он заметил: мир как будто теряет краски. Не резко, не заметно с первого взгляда. Просто небо казалось чуть тусклее, чем должно бы быть, а привычные цвета вывесок будто выцвели на полтона.

Йола, разумеется, заметила его рассеянность.

— Всё в порядке? — спросила она за завтраком.

— Просто привыкаю к городу, — отшутился Зерон, хотя сам себе не особенно поверил.

Прошёл ещё один день. К вечеру стало заметно хуже. Затем ещё один, и утром следующего дня стало совсем плохо: краски выцвели окончательно, звуки будто приглушила невидимая вата, а собственные шаги отдавались в ушах с лёгкой, тревожной задержкой.

А потом всё резко ухудшилось.

Мир стал серым целиком, будто кто-то одним движением стёр с него всякий цвет. Йола открыла глаза, поднялась с постели, что-то сказала ему, но звук доходил до Зерона будто сквозь толщу воды, искажённый и далёкий. Взгляд у неё стал пустым, мёртвым, лишённым всякого выражения.

— Йола? — Он не понимал, что происходит, в панике схватил её за плечи, пытаясь слышать хоть слово из того, что она говорила.

— Идём завтракать, — произнесла она голосом, лишённым всякой интонации.

— Йола, что с тобой?

— Идём завтракать.

— Ответь мне!

— Идём завтракать.

Она повторяла одно и то же снова, снова и снова, с одинаковой, механической ровностью, будто заевшая пластинка, и с каждым повтором ужас внутри Зерона нарастал новой, всё более паникующей волной.

Он бросил её. Не потому что хотел, а потому что тело среагировало раньше разума, оделся кое-как и выбежал на улицу.

По улице серой, безликой массой текли люди не замечая его, не замечая друг друга, механически повторяя одни и те же жесты, одни и те же обрывки фраз. Зерон метался между ними,

хватал за плечи то одного, то другого прохожего, но ничего не менялось: те же пустые глаза, тот же мёртвый, заезженный ответ.

Он бросился обратно к дому Йолы и увидел, как угол здания у него на глазах начинает рассыпаться, будто иссыхая изнутри, теряя очертания, превращаясь в оседающую пыль. Зерон побежал изо всех сил, но мир осыпался быстрее, чем он успевал бежать. Стены домов исчезали, мостовая под ногами трескалась и опадала, унося за собой куски улицы одной за другой.

В какой-то момент земля исчезла и у него из-под ног.

Он полетел вниз, в темноту, лишённую какого-либо дна, и когда всё вокруг наконец исчезло полностью, перед ним развернулось системное окно.

[Предупреждение!!! Вы прожили семь дней без активного рута!!! Энтропия настигла вас!!! Двигайтесь!!! Штраф!!! Скорость повторной энтропии удвоена!!! Выберите рут для сброса штрафа!!!]

Закрыв окно, Зерон оказался в Хабе. Уже без тела.

Что это, чёрт возьми, было? Штраф. Очевидно.

Он был в ярости. На систему, на собственную беспечность, на слепую, бессмысленную несправедливость всего происходящего разом. Злость требовала выхода, но выплеснуть её было решительно не на кого и не на что, только на пустоту вокруг, которая, разумеется, никак на это не реагировала.

А в конце, когда первая волна гнева схлынула, остался только один вопрос, лишённый всякого ответа.

И что теперь?

Статистика

Забегов: 96

Уровень: 18 (до следующего — 5 843)

Сила: 6

Ловкость: 15

Выносливость: 7

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват, Эквилибрист

Уровень владения оружием: Кинжал — 7, Лук — 2, Щит — 1

Техники Разлома: Шаг в пустоту

Глава 26

Привычная боль пересборки на этот раз обошлась даже без крика, только короткий, сдавленный выдох сквозь зубы. Он и сам удивился: его суть незаметно привыкла к тому, что раньше всегда вырывало из него крик. Зерон проснулся с точно таким же гулким, ватным чувством в голове, что и накануне. Сохранение было сделано аккуратно после того самого вечера.

— Так, — раздался рядом бодрый, до отвращения жизнерадостный голос Йолы. — Похмелье? У тебя? Ты вообще раньше пил?

Зерон застонал вместо ответа, уткнувшись лицом в подушку.

— А может, это был твой первый раз вообще? — продолжила она, явно наслаждаясь его страданиями. — А вдруг и я твоя первая женщина. Забавно же будет.

— Всё, что мне нужно, — просипел он, — это чтобы кто-нибудь потушил солнце.

Йола рассмеялась и стянула с него одеяло, безжалостно возвращая к жизни, а Зерон, поднимаясь, мысленно лихорадочно считал.

Скорость наступления следующей энтропии удвоена. Значит, вместо семи дней — три с половиной. Полдня с окончания крайнего рута уже прошло. Получается, у меня есть где-то три дня. Всего-то и нужно выбрать новый рут.

Какой рут? Как я вообще их выбирал раньше?

Он попытался честно ответить себе на этот вопрос, и не нашёл ответа. Целенаправленно — никогда. Он просто принимал решения, которые определяли его дальнейшую судьбу, одно за другим, не задумываясь о том, что каждое из них и есть выбор рута. Спасти крестьян и вывести их из леса. Защитить лагерь. А потом было и системное окно, прямым текстом называвшее прошедший рут «Попутчиками». Он понимал: тогда у него был выбор пойти одному или с группой, свернуть в Вавилон или куда-то ещё. Просто в тот момент выбор ощущался не выбором, а единственно возможным продолжением.

А сейчас? Сейчас я не делаю ничего. Просто пассивно провёл эти дни в обнимку с Йолой.

Вот же дурацкая система. И чем плохо это решение? Почему жить спокойной жизнью с красоткой — не решение? Хотя если подумать... а какую спокойную жизнь мы вообще ведём? Это просто затянувшаяся передышка, которую я не сумел закончить вовремя. Мы всё ещё наёмники. Каждый из них рано или поздно снова поставит жизнь на кон. Может, если бы мы действительно решили остаться и никуда не идти, система выбрала бы какой-нибудь рут «Долго и счастливо»?..

За завтраком он всё же решился озвучить хотя бы часть этих мыслей вслух.

— Йола, а ты никогда не думала бросить наёмничество и жить тихой спокойной жизнью?

— Ты чего это вдруг? — удивилась она, отрываясь от тарелки.

— Да так, подумалось. Я не помню прошлого. Чудом выбрался из этого леса, даже не знаю как...

— Ой, да ладно, чудом. Там были одни гоблины. Хотя тот, про которого ты рассказывал, вожак, должно быть, и правда был силен.

— Ну да... Потом осада лагеря, которую мы тоже чудом пережили...

— Честно скажу, наше чудо, это был ты.

— И вот мы здесь. И знаешь, за всё это время самым приятным для меня оказалось именно это место. — Он помолчал секунду. — Снова куда-то идти, снова убивать. Действительно ли я этого хочу?

— А ты думаешь, кто-то хочет? — Йола отложила ложку, глядя на него уже без прежней лёгкости. — Во внешних землях идёт война уже четыре сотни лет. Там нет жизни, по крайней мере спокойной. А жить в Вавилоне, если ты не какой-нибудь высокопоставленный хряк,

непозволительная роскошь. Только пять каст могут себе это позволить: политики, торгаши, церковники, преступники...

— А пятая?

— Воины, Зерон. Воины. Солдаты на местной службе, гладиаторы, наёмники. У нас хорошая плата, только поэтому мы вообще держимся. Но деньги быстро заканчиваются, а вместе с ними и спокойная жизнь.

— Прости. Я совсем не подумал об этом. Я же и сейчас живу за твой счёт.

— Всё в порядке. Тебе сейчас всё в новинку.

— Но я мог бы, например, стать гладиатором, и мы бы ещё пожили спокойно.

Йола рассмеялась. Коротко, почти с облегчением.

— Ты сильный, Зерон, но для арены слишком слаб. Вспомни Лео. Там ты закончишь гораздо быстрее, а даже если повезёт, всё равно будешь рисковать жизнью и убивать.

— Но я могу справиться, я...

— ХВАТИТ!

Крик заставил умолкнуть всё помещение, а самого Зерона — вздрогнуть.

— Разве ты не думаешь, что если бы был выход, мы бы им уже воспользовались? — Голос Йола дрожал от напряжения, которое она явно сдерживала долго и вот наконец не смогла удержать. — Ты правда веришь, что мы мечтаем именно об этой жизни? Мы теряем всё, что нам дорого, а в конце потеряем и собственную жизнь. Никто из нас не доживёт до старости. Не воспитает детей. Мы уже мёртвые, Зерон. Просто ещё не знаем когда. Якорь, это счастливое исключение. Инвалид, которого поддерживают бывшие товарищи, потому что ему повезло выжить!

Она сидела теперь подавленная, еле сдерживая слёзы. Зерон, который до сих пор видел её только улыбающейся, вдруг понял, насколько глупо и наивно вёл себя всё это время.

— Йола...

— Если хочешь сказать ещё какую-нибудь глупость, лучше молчи. Доедай завтрак, и пойдём отсюда.

— Я могу воскрешаться после смерти...

Мир вокруг резко посерел, и коллапс снова ударил не по комнате, не по Йоле, а по нему самому. Резкая, разрывающая боль, куда мучительнее обычной смерти, скрутила его прежде, чем он успел договорить. Лицо Йола, искажённое в невозможном сочетании эмоций, было последним, что он увидел, а затем темнота проглотила его вместе с оборвавшимся криком.

Перед ним развернулось системное окно.

[Штраф увеличен!!! Скорость энтропийного проклятия удвоена. Для обнуления штрафа выберите рут.]

ЧТООООО? Это тоже накладывает штраф?

А потом он вспомнил: точно такое же раскрытие тайны уже случалось раньше, когда его вели из лагеря под конвоем и штраф не был наложен. Тогда в окне значилось что-то про активные действия и рут, находящийся в процессе. Сейчас же он не был занят ничем. Ни рут, ни активное движение к какой-либо цели, просто застывшее, растянутое бездействие. Видимо, именно поэтому наказание и ударило в полную силу.

Он ругал себя за очередной провал, а Ариадна тем временем что-то мягко говорила в ответ, и по её голосу Зерон наконец понял: он уже в Хабе.

Сколько у меня теперь? По факту — день? Проснусь утром, а до следующего утра могу и не дожить. Один день на решение, и решать нужно сразу. Иначе что, останется полдня? Несколько часов?..

Будь у него сейчас тело, он бы заплакал.

— Я просто хочу прожить эту неделю до конца, а потом уйти с ними на миссию, — сказал он вместо этого Ариадне. — Почему меня лишают права на счастье?

— Ты не прав, — ответила она, и в голосе её не было привычной насмешки, только твёрдость. — У тебя была эта неделя, а потом тебе дали ещё три дня попробовать повторить это счастье снова. У тебя гораздо больше шансов на него, чем у окружающих тебя людей. У них оно может оказаться последним. А у тебя всегда есть шанс выкарабкаться. В лесу и в лагере ты раз за разом поднимался и дрался. А сейчас? Во что тебя превратила спокойная жизнь? Когда ты успел стать такой тряпкой? Ты вроде бы решил использовать оставшееся время, чтобы всё исправить, но вместо этого сбежал от разговора, и перезапустил петлю. А теперь сам же на это и жалуешься.

Её слова били точно и без пощады, одно за другим, не оставляя места для возражений. Зерон не знал, что ответить. Он не был зол и не был обижен. Его будто окатило ледяной водой, разом смывшей всю прежнюю жалость к себе.

— Спасибо, — сказал он и вышел из Хаба.

Он уже знал, что должен делать и как поступить. Перетерпев боль Зерон открыл глаза. Точно так же, как во всех предыдущих попытках.

[Уведомление: минимальный интервал между срабатыванием энтропии составляет 12 часов с момента завершения последнего рута, но не менее 6 часов с момента последней Контрольной точки.]

Он бегло изучил окно, отметив для себя цифры, которые были хоть каким-то ориентиром среди всей этой неопределённости, и закрыл его. Голова гудела, во рту пересохло, а Йола, разумеется, уже была готова к своей коронной шутке.

— Так, — раздался рядом бодрый, до отвращения жизнерадостный голос. — Похмелье? У тебя? Ты вообще раньше пил?

Зерон застонал вместо ответа, уткнувшись лицом в подушку.

— А может, это был твой первый раз вообще? — продолжила она, явно наслаждаясь его страданиями. — А вдруг и я твоя первая женщина. Забавно же будет.

— Всё, что мне нужно, — просипел он, — это чтобы кто-нибудь потушил солнце.

Йола рассмеялась и стянула с него одеяло, безжалостно возвращая к жизни.

По пути на завтрак Зерон обдумывал план, сложившийся в голове ещё в Хабе. Раз отряд в любом случае проведёт в городе минимум десять дней, есть смысл взять небольшое одиночное задание. Например, найти кого-то из пропавших. С его способностями это была почти идеальная миссия: сколько бы раз он ни погибал, каждая новая попытка означала лишь новый поиск в новом месте, без всякого риска для окружающих. Закончит, и присоединится к отряду, как и планировал изначально.

За завтраком, вспоминая недавний тяжёлый разговор, он решил просто хорошо провести это утро и обойтись без лишних вопросов и давления. Они смеялись, держались за руки через стол, и всё вокруг снова казалось лёгким и правильным.

У Йола вновь завибрировал Отзывник.

В гильдии их встретил Лео — держась за голову обеими руками.

— Мы, короче, поспорили вчера, чей грог крепче, — прохрипел он.

— В смысле, чей Грегг крепче? — спросил Зерон, уже зная ответ наизусть, но не подавая виду.

— Не Грегг, а ГРОГ, — простонал сам Грегг, потирая виски. — Хотя, если честно, после вчерашнего я уже и сам не уверен, в чём была суть спора.

Особо интересных заданий на доске всё равно пока не нашлось, а послезавтра к Тиббиту приезжала погостить родня, так что после недолгого обсуждения решили не откладывать на завтра, а взять дней десять отдыха. Отпуска у отряда не было давно, а жалование наёмника вполне позволяло себе такое устроить.

Зерон, дождавшись подходящей паузы, наконец решился.

— Слушайте, — сказал он, стараясь звучать буднично, будто мысль только что пришла ему в голову. — Мне нужно начать платить за еду и жильё самому. Так дальше продолжаться не может.

— Да брось, — отмахнулась Йола. — Не обеднею.

— Дело не в этом. Я благодарен, правда. Но обузой быть не могу. — Он выдержал паузу. — Возьму небольшое задание и выполню его в одиночку.

Все трое разом напряглись.

— Один? — переспросил Грегг. — Наёмники-одиночки почти наверняка покойники, если что.

— Это самоубийство, — жёстко добавила Йола. — К тому же ты в этом мире всё равно что ребёнок. Ничего толком не знаешь, ни законов, ни местности, ни повадок тех, с кем можешь столкнуться. Если пойдёшь, я пойду с тобой.

— Ты сама сказала. Ребёнок, — ответил Зерон, глядя ей прямо в глаза. — Именно поэтому я и должен пойти один. Я не хочу быть ребёнком. Не хочу быть тем, кого ведут за руку. Я хочу быть равным.

— Мёртвые живым не ровня, — отрезала Йола.

И тогда, сам не зная почему, Зерон вспомнил те самые её слова из недавнего разговора, которые она бросила ему в лицо в порыве отчаяния, и произнёс их вслух, будто пытаясь этим доказать, что услышал, что понял, что готов принять эту истину как свою:

— Мы все и так уже мёртвые. Просто ещё не знаем когда.

Йолу будто окатило ледяной водой.

— Почему ты это сказал? — Голос её сорвался, в глазах плеснулась настоящая паника. — Откуда эти слова? Почему именно они?

Её начало трясти. Крупно, неудержимо, будто внутри что-то сломалось разом.

Зерон растерялся. Такой реакции он не ожидал совершенно. Он ведь просто повторил её собственную фразу, хотел показать, что она достучалась до него, а не спровоцировать что-то настолько тяжёлое. Товарищи вокруг тоже застыли в явном шоке. Судя по их лицам, они и сами не понимали, что произошло, но видели: случилось что-то серьёзное, задевшее Йолу глубже, чем любой обычный разговор.

— Йола, эй... — Грегг осторожно тронул её за плечо. — Ты как?

Она несколько секунд боролась с собой, дыша быстро и рвано, а затем, будто через силу, взяла себя в руки. Подняла взгляд на Зерона, уже спокойнее, но с чем-то новым, тяжёлым во взгляде.

— Я правда не знаю, кто ты, — сказала она тихо. — Хотя нет, неважно. — Она отвела глаза. — Если хочешь, иди.

И ушла, не оборачиваясь.

Лео и Грегг выглядели растерянными не меньше самого Зерона.

— Мы не знаем, что с ней, — сказал Лео, глядя ей вслед. — Но, видимо, эти слова значили для неё что-то особенное. А ты, сам того не зная, задел что-то важное.

Придиурок, — обругал себя Зерон. Сказал не подумав, хотел покрасоваться, показать, что услышал её, что понял, а вышло только хуже.

— Пойдёшь за ней? — спросил Лео.

— Нет, — ответил Зерон после короткой паузы. — Прямо сейчас отправлюсь на миссию. Не думаю, что сейчас она готова меня слушать, а оставаться просто так не вариант. Поговорю с ней сразу, как вернусь.

— Тебе виднее. Но оставлять девушку вот так... — Лео пожал плечами. — Хотя я, если честно, никогда не был экспертом в отношениях.

— Тогда увидимся позже?

— Будем на это надеяться. Береги себя.

— Береги себя, — повторил Грегг.

— Это вы себя берегите, и не спейтесь, — попытался отшутиться Зерон, чувствуя, как фальшиво это звучит на фоне только что случившегося. — И передайте Йоле, что я не хотел её обидеть.

— Сам передашь, когда вернёшься, — фыркнул Грегг, впрочем, без особой злости. — А теперь проваливай.

Товарищи ушли. Зерон подошёл к доске объявлений, снял уже присмотренное задание о пропавшем человеке, показал распорядителю свой жетон, и миссию закрепили за ним официально.

Он покинул гильдию и уже по дороге к воротам с тревогой отметил, насколько стремительно на этот раз подступает энтропия: краски вокруг тускнели куда быстрее, чем в прошлые разы. Время до следующего срабатывания утекало сейчас с пугающей скоростью.

Едва он вышел из южных ворот и направился в сторону земель Вольных Кланов, перед ним развернулось системное окно.

[Рут «Оставшиеся позади» начат. Все штрафы энтропии сняты. Контрольная точка зафиксирована.]

Краски вокруг мгновенно вернулись. Яркие, насыщенные, будто мир только что заново открыл глаза.

Грустное название, — подумал он. — Но я же скоро к ним вернусь. Большие подошло бы «Временная разлука»... Дурацкое название. Дурацкая система.

Йола сидела дома одна, обхватив колени руками, так неподвижно, будто боялась, что любое движение сломает то небольшое самообладание, которое ей ещё удавалось удерживать.

Почему он это сказал.

Почему он говорит словами Ирис? Она сказала то же самое, перед тем как умереть. Это какая-то шутка? Да, они обещали. Но так? Это не то, о чём мы договаривались.

Этот запах.

Я думала, он что-то значит. Я держалась за него, потому что думала, это их знак, это ключ, это важно.

А теперь он говорит её словами.

Что происходит?

Она сидела так очень долго. Не плача, просто застыв в одной позе посреди пустой квартиры, а за окном тем временем гас очередной вавилонский день, безразличный ко всему, что происходило внутри одной-единственной, до предела натянутой человеческой души.

Статистика

Забегов: 98

Уровень: 18 (до следующего — 5 843)

Сила: 6

Ловкость: 15

Выносливость: 7

Интеллект: 3

Навыки: Мягкий шаг, Твёрдый хват, Эквилибрист

Уровень владения оружием: Кинжал — 7, Лук — 2, Щит — 1

Техники Разлома: Шаг в пустоту

Конец третьего акта